

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

«История. Люди. Память» – серия видеофильмов и репортажей об историческом наследии и об объектах, находящихся под угрозой исчезновения на территории Калининградской области»

№ 20-2-006713

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут по
Муниципальному Образованию
Гурьевский Городской округ

**«Прогулка по Замкам –
от символов власти к светским резиденциям –
с их обитателями».**

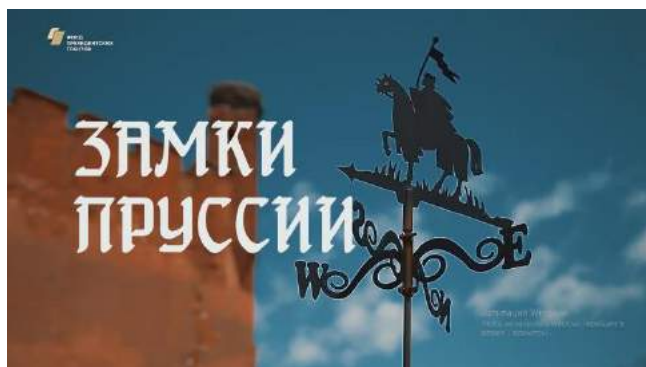
Средневековые замки – символы власти, силы, превосходства. Символы подавления, уничтожения, захвата. Утверждение чужой воли, религии, богов и смыслов. Не все, но те, что возводились на территории бывшей Восточной Пруссии были именно таковыми. Их было много. От Вислы до Немана около 200. На тех землях, где сегодня Калининградская область – чуть больше 50-ти. Покорённая земля требовала пунктов закрепления. Замки выполняли эту роль.

Проект «История. Люди. Память» в работе на территории Гурьевского района отразил общую ситуацию, сложившуюся в Калининградской области с ценными памятниками архитектуры XIII–XVI веков – замками и кирхами орденского периода, уникальными и для европейской культуры. На всей территории России такого культурного достояния средневековья, собранного в одном месте, не сохранилось! Проблема использования памятников и их охраны неразрывно связаны. Наилучшей формой охраны, безусловно, является именно использование памятников по назначению, наиболее полно отвечающему историческому, либо максимально близкому к нему.

Целостный исторический облик многих памятников архитектуры невосполнимо утрачен, однако сохранились в разной степени фрагменты построек, большая часть из них имеет статус руин, и даже у этих «руин» разная степень сохранности и практического применения. В сложившейся ситуации вокруг памятников, ставшими непригодными для хозяйственных и коммерческих целей, для консервации и содержания которых у заинтересованных нет средств, важно консолидировать усилия государства, отдельных организаций и частных лиц в деле сохранения культурного наследия Калининградской области.

Наш туристический маршрут – это взгляд на сохранение орденских замков, от которых на сегодня мало что осталось, но и в тоже время, это некоторое представление той палитры всевозможных форм использования территорий с древней историей.

На некоторых из них побывала творческая команда проекта, посмотрела, оценила увиденное и создала видеофильм «Замки Пруссии. Вчера, сегодня» – <https://www.youtube.com/watch?v=G3V4e2o4q8k>

Яркий пример серьёзного увлечения историей места, создания коллекции из уникальных находок, обнаруженных на чердаках, в сараях, во время пахотных работ и подобного рода неожиданных уголках, которые со временем станут экспозициями одного из наиболее привлекательных для туристов музеев в Гурьевском районе – это посёлок Низовье с величественными флигелями и

внушительными первозданными подвалами замка Вальдау.

Стараниями Андрея Ивановича Баринова, педагога, краеведа, скульптора, который вдохнул новую жизнь в остывшие камни Замка, в 2007 году был создан Вальдавский музей, ставший притягательным местом для гостей нашего региона. Пять лет назад от нас ушёл Андрей Иванович, а ещё в 2014 году творческая команда проекта создала фильм «Андрей Иванович – Waldau» из цикла «История в людях». Наверное, сложно

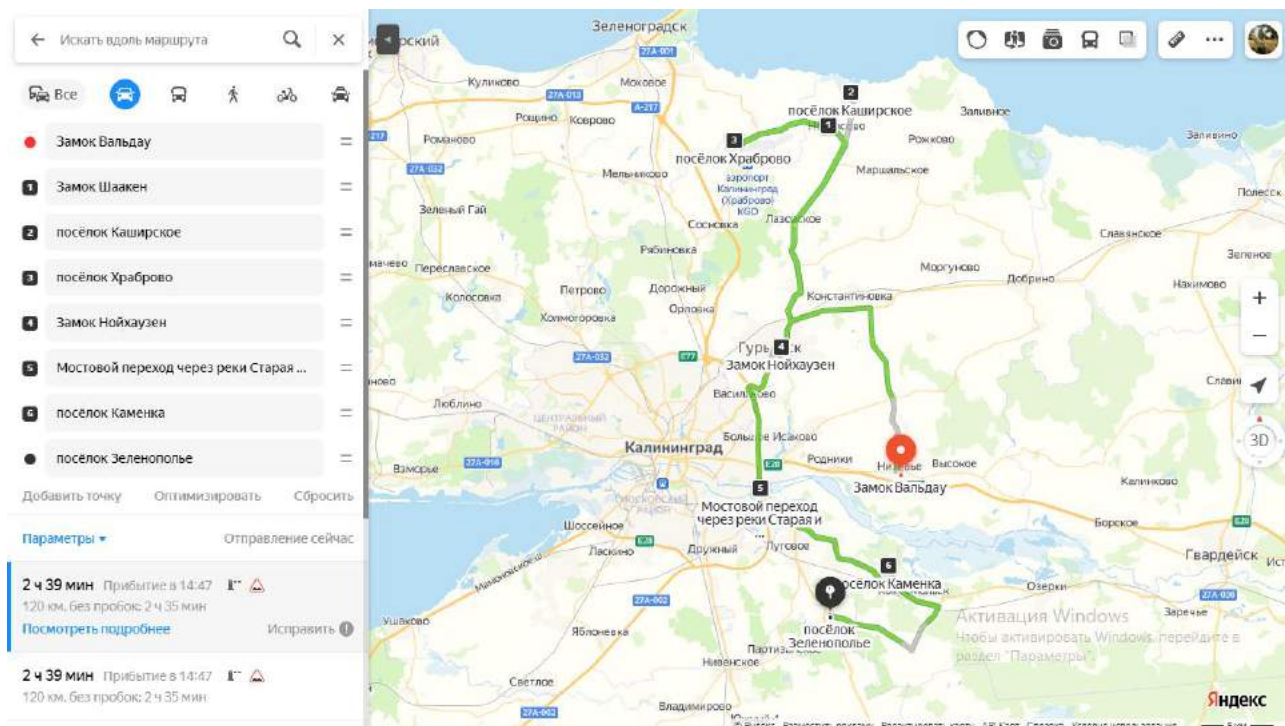
представить более увлечённого и отважного, в каком-то смысле, человека, сумевшего сохранить стены древнего замка, наполнить их уникальными экспонатами и организовать дело, которое живёт и продолжает быть...

<https://www.youtube.com/watch?v=3J2Z2bFd0JE>

Замок Вальдау станет первым в нашем путешествии по Гурьевскому району, здесь мы познакомимся с его историей, обитателями и гостями. А далее наш путь пролегает до замка Шаакен – один из немногих замков, куда приезжают люди, где кипит жизнь, где проводятся организованные экскурсии, где есть точка общепита и место для свободного время провождения. Маршрут предполагает знакомство с местечком вокруг

посёлка Некрасово через Жемчужное в сторону Храброво, затем – Каширского, некогда орденского порта на берегу залива, полюбившееся позднее место русским царём. Петровские маршруты станут связующими в нашем путешествии – мы побываем в тех местах Гурьевского района, куда ступала нога будущего первого российского императора.

По обеде выдвинемся к Кенизберху – так называли Кёнигсберг в «Статейном списке Великого посольства», в котором довольно подробно описывается отчёт во время поездки под непосредственным впечатлением от происходящих событий, когда Пётр находился в Пруссии. Великий Пётр раскрывает задумку нашей работы – останавливаясь в замках, некогда бывшими орденовыми вотчинами, мы обратим внимание, как твердыни Ордена становятся центрами культурологического обмена.

По пути в Кёнигсберг познакомимся с замком Нойхаузен в городе Гурьевске и затронем период правления бранденбургского курфюрста Георга Вильгельма, не Великого, но не менее интересного, поскольку его слабое влияние на политическое положение подвигло горожан Кёнигсберга объединиться и приложить усилия в развитии торговли и экономического благосостояния портового города. Спросите, причём здесь названный курфюрст? Ответ прост – именно в годы его правления в округе Кёнигсберга будут появляться один за другим охотничьи резиденции, а Нойхаузен станет «охотничьей столицей».

Полюбоваться замком Кёнигсберг нам поможет Андрей Тимофеевич Болотов, чьи воспоминания добавят впечатлений о замковой библиотеке. Именно собраниям книг посвятим раздел в нашем сопроводительном материале и раскроем имена, вошедшие в историю, связанные с началом библиотечного дела в молодом протестантском государстве.

Это Анна Мария Брауншвейгская с Серебряной библиотекой, Валленродты с уникальной коллекцией книг и богатое книжное наследие Альбрехта Бранденбургского, переданное университету. На основе работы о книгах из собрания кёнигсбергских дворян Валленродтов, или Валленродианы, изданной в 2020 году Библиотекой российской академии наук, познакомим с судьбой и историей памятника

европейской книжной культуры XVI—XVIII вв.

Продолжая мысль созидательной составляющей, в том числе и в преобразовании замков, логичным завершением путешествия по Гурьевскому району послужит связь с представителями древнего рода Дёнхофф – от Магнуса до Марион фон Дёнхоффов. Приглашаем заглянуть в Фридрихштайн – в настоящее время посёлок Каменка – благодаря воспоминаниям графини Марион, мы воссоздадим образ имения фамилии Дёнхоффов. Сегодня здесь несколько домов, хозпостроек оставшихся от прежних хозяев, и живут люди, с разной степенью прав собственности на эти строения и эту землю... будет ли иначе – покажет время. А пока так как есть...

Графиня Марион Дёнхофф в 1992 году присутствовала во время установки памятника немецкому философу перед уцелевшим университетским корпусом новой Альбертины – ныне корпус БФУ им. Канта. Там, где и стоял до войны.

«Единственное, что я считаю важным делом в своей жизни, – это реставрация памятника Канту для Кёнигсберга».

В честь столетия Марион Дёнхофф в 2009 году была выпущена памятная серебряная монета номиналом 10 евро с вырезанной цитатой на краю монеты: ***«Любить, не владея» – «Возможно, это и есть высшая форма любви: любить то, чем ты уже не владеешь».***

Завершим путешествие в посёлке Зеленополье, единственным привлекающим объектом которого служит чудом сохранившееся на фрагментах стены кирпичи панно, выполненное на средства Августа Карла фон Дёнхофф, отца самой влиятельной журналистки Германии, наследницы одной из самых громких прусских фамилий. Сюжет мозаики незатейлив – здесь образ сеятеля, во все времена понятны эти знаки и символы: поле, зёрна, сеятель, пробивающийся росток.

Два репортажа проекта «История. Люди. Память»:

один – из цикла «Немного истории» – «Марион – графиня из Каменки» <https://www.youtube.com/watch?v=j2e4f03WqJs> и второй – из цикла «Уходящее наследие» – «Кирха Борхерсдорф – Зеленополье» <https://www.youtube.com/watch?v=AeKMn61vb8A> дополняют рассказ и завершат наше знакомство с Замками и их обитателями.

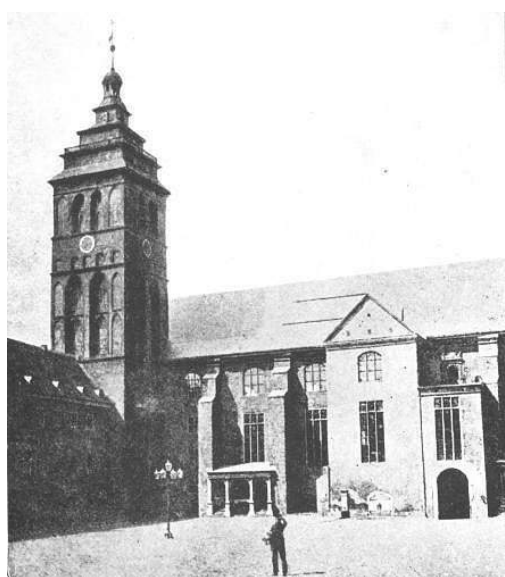
Итак, предлагаем совершить экскурс, местами виртуальный, по орденским замкам, чьи руины сохранились на территории Гурьевского района, и тем самым проследить их смысловое наполнение и своего рода преобразование из военных цитаделей в светские резиденции.

1. Появление первых орденских замков

Территория современной Калининградской области с давних пор была своеобразным перекрестком, на котором не только пересекались многочисленные торговые пути, но и происходил интенсивный культурный обмен. Её земля хранит в себе римские монеты и свидетельства Великого переселения народов, мечи викингов и наследие исчезнувших прусских племен.

Рядом с новыми зданиями можно встретить старинную кирху и оборонительные сооружения, возраст которых исчисляется сотнями лет.

Один из исторических периодов — эпоха Немецкого ордена — остается все же малоизвестным отечественному читателю. От бывшего могущества ордена в Пруссии осталось не так уж много следов, но то, что еще сохранилось, является поистине уникальным культурным достоянием. Калининградская область единственное место в современной России, за исключением Выборга, где можно воочию увидеть средневековые европейские замки.

Долгое время все они оставались в тени своего старшего собрата — Кёнигсбергского замка.

И лишь местные жители и узкий круг специалистов знают о том, что груда валунов или неприметные руины были некогда внушительным оборонительным сооружением.

На территории Калининградской области появление первых орденских замков в XIII веке шло по мере продвижения отрядов Тевтонского ордена.

В 1225 году Конрад Мазовецкий обратился за помощью к немецким орденским братьям, предлагая им за это Хельмскую землю. Орденское руководство, помня о своем печальном опыте в Венгрии, решило вначале подготовить правовую базу. Герман фон Зальца в 1226 году добился получения от императора Фридриха II Золотой буллы, дававшей право на вечное владение Хельмской землей и теми землями, которые могли быть завоеваны в будущем. Помехой в осуществлении планов ордена была подготовка императора к новому крестовому походу в Палестину.

В связи с этим орден не мог послать отряды в Польшу, поскольку в августе 1227 года направил все свои военные силы в Святую землю. В Палестине, благодаря активной деятельности фон Зальца, роль Немецкого ордена значительно возросла.

За этот поход Фридрих II даровал право включить в герб Великого магистра изображение одноглавого императорского орла, а иерусалимский король Генрих — золотой крест. Улучшилось также и материальное состояние ордена.

Теперь он располагал недвижимостью и земельными владениями в Палестине и за ее пределами, в основном в Южной Германии. Были они также в Италии, Испании, Эльзасе, Лотарингии, Австрии, Чехии и Армении. В 1228-1229 годах в 20 км восточнее Акры началось строительство замка Штаркенберг (Монфорт). Это расположенное в горах укрепление орденские братья попытались превратить в неприступную крепость. В нем

расположились резиденция магистра, генеральный капитул, а также орденский архив и казна. В это же время неподалеку от Штаркенберга, орден построил еще два замка — Юдин и Медиа.

Параллельно с этими событиями началась подготовка к завоеванию Пруссии.

В 1226 году при дворе Конрада появились два орденских рыцаря с оруженосцами и кнехтами, которые поселились на границе с Пруссией в укрепленном замке Фогельзанг. Перед ними, за Вислой, простиралась неведомая страна, заросшая лесами, с многочисленными озерами и болотами.

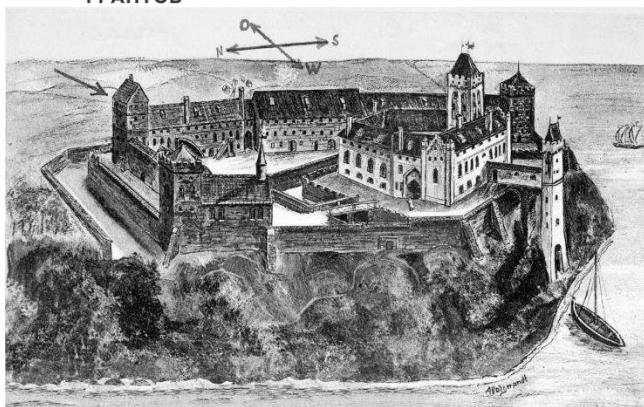
Четыре года они вели разведку, собирали информацию о пруссах и их обычаях. В 1230 году папа Григорий IX разрешил ордену расширить сферу христианства в Пруссии и занять земли, не охваченные христианскими миссиями. Была подтверждена грамота Конрада Мазовецкой от 1228 года, по которой князь уступал

ордену Хельмскую землю, «не сохраняя для себя никаких привилегий и не рассчитывая на это в будущем».

Получив правовое обоснование, орденское руководство приняло решение о вторжении в Пруссию. Весной 1230 года к ее границе подошел орденский отряд под командой Германа фон Балька, назначенного ландмейстером Пруссии. Вместе с ним прибыл и маршал ордена Дитрих фон Бернхайм, а также братья Конрад фон Тайтлебен, Генрих фон Берг и Генрих фон Кица со множеством оруженосцев. Чтобы укрепить свою базу на левом берегу Вислы, ими был построен замок Нессау.

Весной 1231 года небольшой орденский отряд во главе с ландмейстером Пруссии Германном фон Бальком в количестве 9 орденских братьев, совместно с отрядом польских и немецких крестоносцев переправились через Вислу на восточный берег реки. Так началась экспансия на Восток... Из-за хронического недостатка людских и финансовых ресурсов захват прусских земель, затянулся на более чем пятьдесят лет...

На призыв Верховного магистра Тевтонского Ордена Германа фон Зальца о помощи братьям ордена в Пруссии, первым отозвался маркграф Майсенский и Тюрингский Генрих. Весной 1236 года маркграф Генрих и 500 его воинов появляются на берегах Вислы, по его совету строятся корабли для разведывательной морской экспедиции.

1239 замок завоеван и вновь построен Тевтонским орденом
1242 - 33 и 1263 - 73 Прусское восстание
1620 шведская осада - 1770 каменоломня для постройки Палау

Два корабля – большой «Фридланд» и поменьше «Пилигрим», двинулись вниз по реке Ногат (один из рукавов устья реки Висла) в залив. На восточном берегу реки заложили замок Эльбинг. Теперь у Ордена был выход через залив в море, в то время коса Фришес Нерунг (Вислинская/Балтийская коса) имела напротив Эльбинга пролив. После основания Эльбинга в 1238 году орденом была совершена разведывательная

морская экспедиция по заливу.

Продвигаясь вдоль берегов Вармии на север, ими была обнаружена, прусская крепость Хонед, однако, часто упоминаемое калининградскими краеведами название прусской крепости никакими источниками не подтверждается. Во время орденской экспедиции на кораблях велась её осада. Однако попытка взять крепость штурмом была неудачна, практически весь десант был уничтожен пруссами. Через год, в 1239 году хорошо вооруженные корабли с новым отрядом рыцарей причалили к подножию высокого берега, на котором находилась та самая прусская крепость. После долгой осады, она перешла в руки Ордена. На её месте, незначительно перестроив старую крепость, весной 1239 года был основан орденской замок и назвали его Бальга.

Проект «История. Люди. Память» подробно рассказал в сопроводительном материале к маршруту по Мамоновскому городскому округу о замке Бальга, его макет вы найдёте в краеведческом музее города Мамоново, а в коллекции Дмитрия Адольфовича Шилова – кирпичи с Бальги. Особое внимание в музее замку Бальга уделяют не случайно – с него началось продвижение тевтонов вглубь на восток, на земли Натангии.

Следом за Бальгой в 1241 году возникнет Кройцбург. Рассказывая об одном из любопытных мест в предыдущем сопроводительном материале к маршруту по Багратионовскому округу, мы затронули тему «Кройцбурга в Бурценланде», возведённого в 1212 году и оставленного тевтонами в 1225-ом, из Семиградья в Трансильвании, и в честь

которого и будет назван орденский замок на месте натангской крепости Солидов.

С 1230 года по 1290-е года на захваченной земле пруссов Орден выстроил 90 замков, которые поначалу представляли собой вальные укрепления с деревянным палисадом и глубокими рвами, часто просто переоборудуя крепости пруссов. Так началось покорение Пруссии, которое сопровождалось с 1242 года волной прусских восстаний.

Дальнейшее завоевание прусских земель шло, в том числе, и во главе с чешским королём Оттокар, с целью захвата Самбии (Замланда). В 1267 году был заключен договор между чешским королем Оттокар II Пршемыслом и Тевтонским орденом, следуя из которого первый обязывался не претендовать на перечисленные в документе земли. Результатом этого наступления стало основание замка Кёнигсберг в 1255 году.

После подавления в 1272 году восстания пруссов казнью наиболее авторитетного вождя восставших — Генриха Монте, орден практически сразу приступил к завоеванию прусских земель Надровии, Судовии и Скаловии. К 1283 году передовые отряды ордена вышли к реке Мемель (Неман) и на его крутом берегу в 1289 году построили крепость Ландсхут (Рагнит). На этом этапе основная территория Пруссия была покорена.

При изучении 107 орденских замков и укреплений в Пруссии было установлено, что около 60 замков основано за период с 1231 по 1310 годы (плюс около 30 использовались временно). Из них, по имеющимся сведениям, частично в камне было построено только 19. Остальные замки к этому периоду представляли собой вальные укрепления с глубоким рвом. Вал поверху был укреплен деревянным палисадом с некоторым количеством деревянных башен.

Внутри располагались деревянные блокаузы для гарнизона и складские помещения.

Источник: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года

Современный Гурьевский район (городской округ) располагается на частях территории сразу двух исторических областей древней Пруссии: Самбии (северная часть округа по правому берегу Преголи) и Натангии (южная часть округа по левому берегу Преголи).

Из-за практического отсутствия дорог основными транспортными артериями являлись реки, в данном регионе это была река Преголя/Прегель/Перегора. От Кёнигсберга вдоль неё было построено большое количество замков, в том числе, в 1265 году Тапиау, Арнау (около 1302 г.), около 1310 года Таплакен, Велау в 1320 г., около 1320 года Норкиттен, Инстербург в 1336 году.

Некоторые Орденские замки на территории Гурьевского района достаточно известны — это замок Вальдау, Шаакен, Бранденбург, Нойхаузен... Все они находятся в разных степенях сохранности и имеют свою судьбу, где-то расположились музеи, а где-то мастерские, ну а некоторые и вовсе разобраны...

2. Замки Немецкого ордена в Пруссии

Эпоха господства Немецкого ордена насчитывает три столетия, наполненных различными историческими событиями. Несмотря на постоянные военные конфликты, Немецкому ордену удалось создать государство с весьма обширной территорией и самостоятельной экономикой. Длившееся более полувека завоевание Пруссии и последующие войны с Литвой и Польшей сопровождались возведениями десятков замков и укреплений. Если на первом этапе, как правило, использовались захваченные прусские крепости, то с начала XIV века Немецкий орден строит собственные

укрепления. Эти работы порой поражают своими масштабами, если учитывать степень неосвоенности данной местности и отсутствия необходимого количества природных строительных материалов. Последний фактор вместе с характером боевых действий (в средневековой Пруссии состоявших чаще из стремительных набегов, чем из планомерных осад) во многом определил тот тип укреплений, который сложился на данной территории и который можно обозначить как «замок Немецкого ордена в Пруссии».

К началу XVI века в связи с развитием артиллерии все орденские замки и укрепления считались безнадежно устаревшими. После упразднения в 1525 году орденского государства большинство замков утратило военное значение. Часть из них перешла в частную собственность и использовалась в качестве жилых помещений, в некоторых размещались административные учреждения. Многие замки в течение последующих столетий были попросту разобраны на стройматериалы.

С тех пор около трёхсот лет орденские замки не привлекали особого внимания. В связи с этим мы располагаем всего несколькими чертежами XVI – XVIII веков. Рисунки и планы, сделанные в начале XVIII века английским инженером Колласом, лишь очень приблизительно передают то, как выглядели замки в ту эпоху.

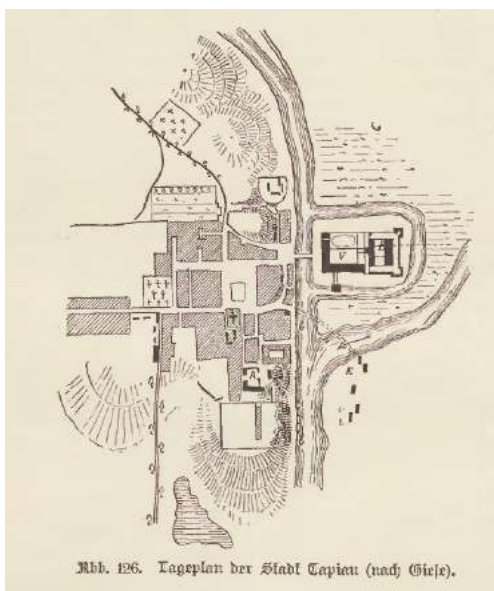

Ещё более далеки от действительности гравюры из книги Харткноха, являющиеся скорее плодом творческой фантазии, чем реальными изображениями. Мы их приводим к вниманию, как дань уважения классическому труду.

Возрождение интереса к истории орденского государства в первой половине XIX века связано, прежде всего, с деятельностью директора кёнигсбергского Государственного архива Иоганнеса Фойгта (1786 – 1863).

Основываясь на архивных документах, Фойгт подготовил фундаментальный труд по истории орденского периода, во многом не утративший своей актуальности и по сей день. В 1826 – 1828 годах в Восточной Пруссии находился лейтенант 33 Торнского пехотного полка, топограф Иоганн Михаэль Гизе (1796 – 1861), с именем которого связано начало планомерного исследования орденских замков и укреплений орденского периода, так и ряда старых прусских крепостей. Достоинством этих планов является то, что они очень хорошо передают расположение замка на местности. Используя чертежи и рисунки Гизе, даже сейчас можно легко определить местонахождение вальных укреплений и бывши замковых рвов.

В 1826 – 1827 годах (всего 14 месяцев полевой работы) военный топограф Иоганн Михаэль Гизе в ходе составления Генеральной карты Пруссии в низовьях Вислы и в Янтарном крае изучил 600 древних поселений и фортификационных сооружений. Эта работа производилась по инициативе Обер-Президента правительства Западной и Восточной Пруссии Теодора фон Шён. Данные И.М. Гизе в 1830 году были представлены в Генеральный штаб прусской армии (Кёнигсберг) в виде крупномасштабной карты, дневниковые записи самоотверженного военного топографа и его зарисовки, находящиеся ныне в Секретном государственном архиве прусского

культурного наследия (Берлин), неоднократно использовались археологами последующих лет.

Первая половина XIX века связана не только с растущим интересом к истории и культуре орденского периода, но и с первыми попытками сохранения и частичной реставрации замков. Особый интерес в этой связи вызывал неплохо сохранившийся замковый комплекс в Мариенбурге.

Максимилиан фон Шенкендорф (1783 – 1817), уроженец города Тильзит, увлёкся историей орденового периода, путешествовал пешком по родной стране и всё больше познавая её, побывал в одном из самых больших орденовых замков, служившего резиденцией магистров Тевтонского ордена с 1309 года, возведённого в дельте реки Висла, на протоке Ногат в 1276 году.

Поражённый великолепием и мощью разрушенного, но всё ещё величественного замка, которое прусское правительство намеревалось снести, он решил спасти его. Наперекор всему и всем, даже властям. Девятнадцатилетний юноша берётся за перо и пишет чрезвычайно острую статью «Пример страсти разрушения в Пруссии». Летом 1803 года её публикует берлинская газета «Откровенный».

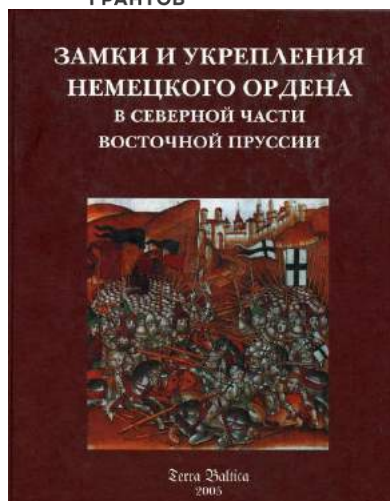
Со всей юношеской страстью и пылкостью Максимилиан протестует против сноса замка, памятника средневековой немецкой архитектуры, с возмущением говорит о «выпотрошенном скелете великана». К возмущённому и пылкому голосу прислушались. Хотя у государства в тот момент нет средств для восстановления замка Мариенбург, сносить его уже не собираются.

Даже в те годы голос одного человека звучал порой очень сильно и заглушить его не мог даже самый сильный ветер недовольства.

Однако отсутствие должной научной основы для реставрации приводило к тому, что после неё замки приобретали несвойственные орденовой архитектуре элементы. Образцом серьёзного научного исследования в этой области стали работы Конрада Штайнбрехта, занимавшегося с 80-х годов XIX века реставрацией Мариенбурга. Для восстановления утраченных объектов и деталей он использовал результаты своих

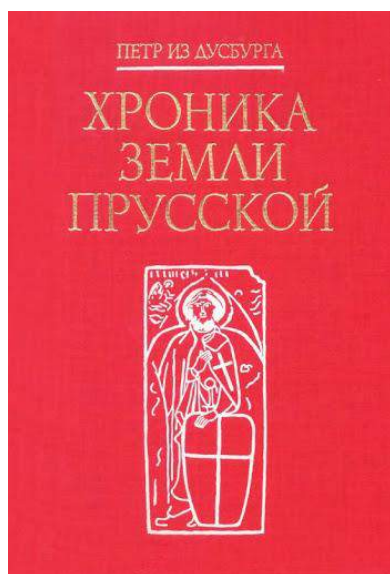
исследований ряда сохранившихся на тот момент замков в северной части Восточной Пруссии. Благодаря Штайнбрехту появились первые технические описания орденовых замков, содержащие массу деталей, часть из которых на сегодняшний день уже утрачена. Так, в частности, средневековые фрески разрушенного во время боевых действий в 1945 году замка Лохштедт можно увидеть только на рисунках Штайнбрехта.

Говоря о довоенном исследовании орденских замков, следует упомянуть также работы таких известных историков и искусствоведов как Б. Шмид, К. Х. Касен и А. Бёттихер. Любая публикация, касающаяся замков Немецкого ордена в Пруссии, изобилует ссылками главным образом на труды шести вышеуказанных авторов, что свидетельствует в том числе и об определённом кризисе в изучении этих вопросов, наступившем после Второй мировой войны. Из изданных за последние десятилетия книг можно выделить публикации Ф. Борхерта, солидную монографию Т. Торбуса, посвящённую комтурским замкам и справочное издание «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Бахтина 2005 года.

Источники: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года и фрагмент доклада Бориса Николаевича Адамова, члена правления Калининградского клуба краеведов на научной конференции в Багратионовске.

3. Исследования орденских замков

В отечественной историографии исследования, посвященные Немецкому ордену, были ориентированы прежде всего на его взаимоотношения с Россией. В связи с этим наибольший интерес представляли события, происходившие в Ливонии, где орденские территории непосредственно примыкали к границам средневековой Руси. Лишь в последнее время стали появляться публикации, посвященные орденскому государству в Пруссии. В частности, благодаря многолетнему труду В.И. Матузовой был издан русский перевод «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга. Однако какое-либо специальное исследование орденских замков до сих пор оставалось недоступно русскоязычному читателю.

Попытку восполнить этот пробел и обобщить накопленную за последние два столетия информацию представляет собой справочник «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина. Однако в отечественной историографии Немецкого ордена отсутствует устоявшаяся терминология. Даже употребляемое в названии справочника выражение «северная часть Восточной Пруссии» представляет собой, по сути, кальку с немецкого Nord-Ostpreußen, применяемое для обозначения территории современной Калининградской области.

Само название ордена тоже не имеет однозначного написания. Долгое время применялся перевод латинского варианта названия — Тевтонский орден. В последние годы все чаще стала употребляться немецкоязычная форма — Немецкий орден.

Не меньше вопросов возникает и при передаче имен собственных. В немецкоязычных географических названиях применялась действующая на сегодняшний день «Инструкция по русской передаче немецких географических названий», утвержденная в 1974 г. Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Это вызвало изменения в русскоязычном варианте, в особенности при передаче дифтонгов. Искушенному читателю может, в частности, показаться странным название Пройсиш-Айлау вместо привычного Прейсиш-Эйлау, однако первый вариант следует считать в данном случае более правильным.

Исторические названия местностей и географических объектов, относящиеся к доорденскому периоду, употреблялись в различных вариантах написания. В каждом конкретном случае составитель и редактор старались использовать те названия, которые были характерны для описываемой эпохи. Так, например, территория Замланда чаще всего обозначается в справочнике как Самбия, поскольку это прусское название было общеупотребительным вплоть до XVI в. Соответственно епископ, которого нередко называют замландским, в тексте всегда именуется самбийским. Вместо нынешнего названия реки Дейма, происходящего от немецкого Дайме, в справочнике в тех местах, где речь идет о средневековом периоде, используется старое название реки — Даба. Подобные проблемы возникали и при передаче личных имен.

Для более полного понимания уникальных особенностей орденских замков в Пруссии требуется привести описание истории Немецкого ордена и Восточной Пруссии, внутреннее устройство замков, их фортификационное и архитектурное своеобразие многочисленных исследований на местности автора издания «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии», позволивших более точно определить размеры и местоположение замков и укреплений, в должной мере не изучавшихся в довоенное время.

Для более полного понимания уникальных особенностей орденских замков в Пруссии требуется привести описание истории Немецкого ордена и Восточной Пруссии, внутреннее устройство замков, их фортификационное и архитектурное своеобразие многочисленных исследований на местности автора издания «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии», позволивших более точно определить размеры и местоположение замков и укреплений, в должной мере не изучавшихся в довоенное время.

Кроме того, подробно осветить процесс разрушения орденских замков после Второй мировой войны, некоторые из которых на сегодняшний день уже утрачены.

В заключение приходится констатировать тот факт, что орденские замки на территории Калининградской области продолжают активно разрушаться. Так замок Пройсиш-Айлау на момент издания справочника в 2005 года превратился, по сути, в руины, что трудно было предположить по фотографиям Анатолия Бахтина 2000 г.

Если для восстановления Мариенбурга Штайнбрехт использовал в качестве примера замки, находящиеся в северной части Восточной Пруссии, то в настоящее время, чтобы показать, как выглядел орденский замок, приходится приводить фотографии замков на территории современной Польши. Разрушение замков происходит как вследствие отсутствия должного ухода, так и в результате действий местного населения и «черных» копателей.

Необходимо, однако, напомнить, что замки Немецкого ордена являются для России уникальным культурным достоянием, поскольку, помимо замка в Выборге, ничего подобного не встретишь в других российских регионах. Пример польских реставраторов свидетельствует не только о том, что восстановление орденских замков — выполнимая задача, но и о том, что замки могут стать весьма привлекательным объектом для туризма и вложенные в них инвестиции вполне могут окупиться.

Источник: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года

В последнее время инициатива калининградских предпринимателей <http://dh39.ru/> по сохранению орденских замков поддерживается Правительством Калининградской области, которое готово в следующем году запустить программу по льготному региональному кредиту, так называемые дешевые длинные деньги, на восстановление и реконструкцию историко-культурного наследия.

«Предлагаем нашим предпринимателям займы на очень выгодных условиях – на срок до 15 лет, под ноль процентов и с возможностью списания половины суммы долга займа. Всё это в обмен на сохранение исторических объектов, а главное – вовлечение их в хозяйственный оборот».

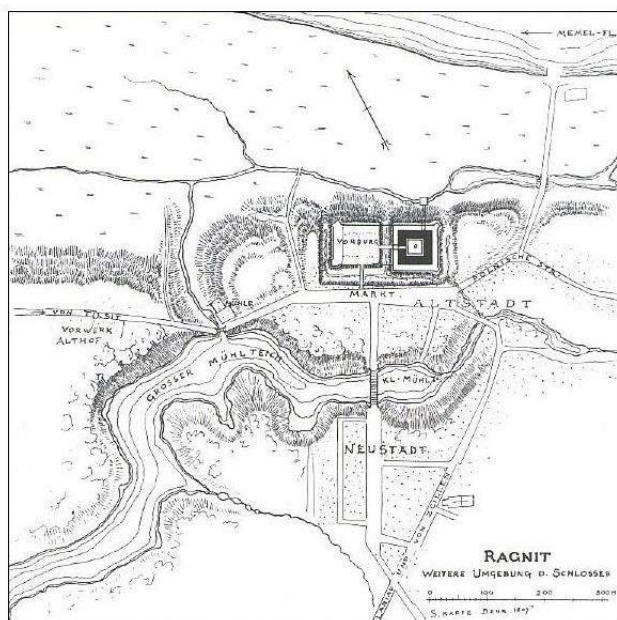

Подборка статей об орденских замках собрана с целью привлечь интерес к дальнейшему изучению их и, таким образом, способствовать сохранению и восстановлению уникального исторического наследия.

4. Характерное расположение орденских замков

В период завоевания Пруссии, Тевтонский орден часто использовал прусские крепости в качестве опорных пунктов. Но вскоре после окончательного завоевания Орден был вынужден отказаться от многих из них. К таким крепостям можно отнести и Кёнигсберг, если предположить, что первый замок был заложен на месте прусской крепости.

Какие же места для строительства замков выбирал Орден? Каким ландшафтам отдавал предпочтения? И были ли у него приоритеты, по которым он выбирал место для закладки замка?

На первый взгляд при анализе расположения орденских замков такие закономерности в выборе места строительства практически отсутствуют. Замки очень редко строились на возвышенностях и холмах. Скорее это было исключения. В чём причина? Почему, казалось бы, столь выгодное положение не использовалось орденом для постройки мощного замка.

Причиной таких явлений являлось несоответствия подходов к укрепленным пунктам пруссов и Ордена. При анализе орденских укреплений на территории Калининградской области можно прийти к

выводу, что главным условием выбора места для строительства замка являлось наличие водных потоков. Это, пожалуй, единственное условие которому отдавалось предпочтение.

Орден практически игнорировал доминирующие высоты и часто строил замки в низинах на берегах небольших речек и ручьёв. Примером может служить замок Вальдау.

С точки зрения Ордена строительство замков в низине были обоснованы. Под прикрытием этих замков находились водяные мельницы для помола зерна. Без муки гарнизоны не могли себя прокормить, а подвоз продуктов питания по тем временам был достаточно сложным делом. Для работы мельницы строили дамбу, повышали уровень ручья, и в этом случае функции рва выполняли затопленные территории вокруг замка.

В результате замок Вальдау оказался на острове.

Это правило, которому придерживались основатели замков, имеют так же несколько исключений. К этим исключениям относится известный замок Бальга. Он был построен с точки зрения орденских специалистов очень неудачно. Вблизи этого замка не было ни реки, ни ручья где можно было построить мельницу.

Очень часто замки строились на мысовых выступях, имеющих две, а часто и три, обрывистых стороны. Замок Кёнигсберг, не стоял на горе или даже холме, это было плато, имеющее обрывистый берег, нависающий над поймой реки Прегель. Выступающий мыс с двух сторон имел небольшие овраги, по дну которых протекали ручьи. В этом случае орденские рыцари ровом отрезали часть мыса от плато, одним ручьём они заполняли ров водой, а на втором ручье была сооружена дамба и построена мельница.

Источник: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года.
<https://apb-to.jimdofree.com/тевтонский-орден/вальдау-waldau/>

5. Замок Вальдау в посёлке Низовье

Первое упоминание прусской крепости «Вальдóв» относится к 1258 году. Во время литовских набегов Вальдау наряду с другими замками (Шаакен, Галлгарбен, Каймен), служил в качестве оборонительного кольца укреплений на подступах к Кёнигсбергу с восточного направления.

Волость же Вальдов в Самбии, в которой проживало около 800 человек, впервые упоминается в 1255 году. В январе 1255 года Вальдов без боя сдался рыцарям Тевтонского ордена, местные прусские нобили Брулант и Диабель переходят на сторону Ордена, а все жители принимают христианство.

В 1258 году в Вальдау началось строительство первого орденского деревянно-земляного укрепления, которое продолжалось до 1264 года.

Во время второго прусского восстания (1260-1272) местные дворяне в лице крещённых Иоганна Бруланта и Конрада Диабеля остались верны ордену. За что в 1264 году получили в дар земельный надел, старого района Валдьов с Магдебургским правом, а под свою резиденцию – ту первую вальную крепость. К концу же 13 века эти фамилии не оставили после себя наследников по мужской линии и крепость отошла к ордену.

Замок принадлежал каммерамту Кёнигсбергского комтурства. Во время частых походов на Литву в 14 веке в замке останавливались верховный маршал ордена, а также неоднократно хохмейстер (верховный магистр).

После переноса резиденции хохмайстера (Великого магистра) из Венеции в Мариенбург (ныне г. Мальборк, Польша) в 1309 году началось массовое строительство замков в камне, было принято решение создать камеральный центр в этой местности и построить новый замок на небольшой площадке, у подножия холма, на берегу ручья.

Замок в камне построили на острове, образовавшемся в результате постройке плотины на протекающем с востока ручье. С севера был прорыт ров, полностью отрезавший замок от суши. Он имел два флигеля с юга и запада. С востока имелась небольшая башня. С севера находилась надвратная башня, в которой располагались ворота и подъёмный мост. Помимо оборонительных стен, толщиной 1,5 м соединявших оба флигеля и окружающих двор, имелись так же стены пархама окружавшего замок по периметру. По обнаруженным с юга остаткам фундаментов можно предположить, что за пархамной стеной была ещё одна оборонительная стена с башней на юго-востоке.

Западный флигель предназначался для важных гостей, выступал на территорию пархама, его размер 25,9х12,84 м. с юга и 12,14 м. с севера, толщина стен от 1,35 до 1,3 м., имел так же данцкер нависавший над окружающим замок озером.

Южный флигель с подвалами и цилиндрическими потолками, соединяющиеся между собой узкими проходами, имел внушительные размеры 56,2х11,3м. В центре флигеля с юга выступала башня. Сам замок без пархама имел размер 65х44 м.

Дорога Кёнигсберг – Тапиау пролегалa через небольшой форбург, отделённый от материка широким рвом, здесь по территории форбурга она делала петлю. Далее через мост, отделяющий форбург от замка, подходила к его северо-восточному углу, где начинался ещё один мост через узкую часть озера. Этот деревянный мост около 100 метров длинной располагался на вбитых сваях и в случае необходимости доступ через него преграждался.

После завоевания прусских земель Тевтонским орденом его граница с Литвой отдалась на значительное расстояние, и надобность в крепости отпала. В 1457 году старые сооружения переделали под летнюю резиденцию Великого магистра Ордена.

В 1525 году после реформации Пруссия становится светским герцогством. Вальдау переходит в качестве домена герцогу Альбрехту и становится фольварком. Управляется бургграфом находясь в подчинение замку Нойхаузен. Первая значительная перестройка замка Вальдау была проведена после секуляризации ордена герцогом Альбрехтом Бранденбургским в 1550 году внутренние помещения были перестроены для второй супруги герцога Альбрехта Анны-Марии Брауншвейгской, кёнигсбергским придворным архитектором Христофором Рёммером. Курфюрст Георг Вильгельм в 1630 году заложил Вальдау польскому полковнику графу Магнусу Дёнхофф. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм в 1650 году выкупает поместье.

Будучи выкупленным Великим курфюрстом Фридрихом Вильгельмом в 1650 году у польского графа Магнуса фон Дёнхоффа, замок Вальдау к 1700 году лишился стен пархама – они были разобраны, а стены самого замка, объединяющие оба флигеля с севера и востока, по большей части, лишились оборонительного хода. Небольшие башни с севера и востока ещё сохранялись. В северо-восточном углу имелись пристроенные к стене кирпичные жилые постройки. К восточной

стене, снаружи был пристроен двухэтажный фахверковый склад, вход в него был пробит со двора. Здания южного и западного флигеля были сильно перестроены внутри, во внешних стенах было пробито большое количество дополнительных окон. В юго-западном углу во дворе было построено небольшое фахверковое одноэтажное строение.

Источник: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года.

<https://apb-to.jimdofree.com/тевтонский-орден/вальдау-waldau/>

В замке Вальдау (нем. Waldau) в мае 1697 года по пути в Кёнигсберг останавливалась основная группа Великого посольства во главе с Францем Яковлевичем Лефортом, Фёдором Алексеевичем Головиным и Прокофием Богдановичем Возницыным. Пётр I, который также был в составе дипломатической миссии, но отделился от неё в Либаве (Лиепая, латв. Līepāja – город в совр. Латвии), ждал великих послов в Кёнигсберге,

откуда 17/27 мая отправился в Вальдау, «дабы осведомиться о самочувствии послов и окончательно подтвердить церемонию встречи с курфюрстом». Утром 18/28 мая царь возвратился в Кёнигсберг, где вместе с курфюрстом бранденбургским Фридрихом III наблюдал за торжественной процессией въезда в город Великого посольства.

«...Мая в 18 день приезжали к великим и полномочным послам на подхожий стан, в местечко Валдов, курфирстской советник земской Валрат, да Оренбрук, граф Келнеин, и от Курфирстова Пресвейтлейшества великих послов поздравляли и объявили, прием им, великим послам, в Кенизсберх со всякою честью будет сего числа. И великие и полномочные послы пресветлейшему курфирсту за тое присылку благодарствовали и говорили, что они в Кенизберх ехать готовы,

и подчитав тех присланных отпустили...» Из «Статейного списка Великого посольства».

Любопытно, что «Список» представляет собой книгу из нескольких десятков тетрадей (осталось – 35) по 4-12 листов. В основной текст во многих местах вклеены столбцы и отдельные листы. Первоначальные записи велись одним из подъячих Великого посольства, заносившего информацию о событиях в виде дневниковых заметок почти за каждое число. Затем в текст вклеивались черновики или отпуски документов, вносилась правка. К сожалению, сохранилась лишь часть списка, включающая информацию за февраль – ноябрь 1697 г. Как раз в эти дни Пётр в составе Великого посольства находился в Пруссии, и довольно подробно описывается отчёт во время поездки под непосредственным впечатлением от происходящих событий. В сохранившейся части списка мы находим небольшой фрагмент о встрече послов с советниками курфюрста Фридриха III в местечке Валдов.

«...И по отпуску их вскоре с подхожего стану из того местечка великие и полномочные послы по обеде поехали к Кенизберху, и близ встречного места убрались по посольскому обычаю. И не доезжая до города Кенизберха с милю, встретили великих и полномочных послов Курфирстова Пресветлейшества генерал и воинский комиссарий Дан-Келман да мастер церемоний и курфирстов советник

Безцерт. И вышед с обоих сторон из карет, подступя к великим и полномочным послам, говорили встречную речь: пресветлейший де курфирст указал им их Царского Величества великих и полномочных послов встретить и поздравить, а чем им ехать в город, присланы с ним кареты...»

«...За посольскую каретою ехали верхи подъячие и люди, а дворня и иные чиновные люди ехали перед послами в каретах. А как приезжали к городу, и в то время с города изо всего пушечного снаряду трикратная стрельба ядрами. У земляного города перед воротами, и в городе от ворот сажен на пятьдесят, и у курфюрстова двора стояли по обе стороны пехотные полки в строю с начальными людьми и с знаменами, а меж ними, по улицам и до самых посольских дворов, мещане с ружьем; били в барабаны и играли на флейтах...

Того посольского въезду за городом и в земляном, и каменном городах из палат во все окна и по улицам множество народа, как мужеска, так и женска полу, смотрели с охотою. Курфирстовы надворные люди, кавалеры, и лакеи, и иные платье на себе имели новое – лазоревый цвет с золотыми круживами, розшиты по червчатому бархату; а до посольского приезду ходили в жалобе по королю Свейскому. На карауле у посольских дворов стояло солдат с ружьем с начальными людьми по тридцати человек в сутки».

Из «Статейного списка Великого посольства».

За мостом крайний дом слева, принадлежащий в то время бургомистру Кнайпхоффа Христофору Негеляйну. В этом доме останавливался русский царь.

Источник: <https://andrey-19-73.livejournal.com/75137.html>

В 1720 году королевским правительством Пруссии поселение Вальдау вместе с деревней Хайлигенвальде (Ушаково) и Варгиненом (Апрелевка) были сданы в аренду. С разрешения управляющего доменами в двух основных зданиях вновь была проведена внутренняя перестройка. К западному зданию к северной оборонительной стене было пристроено ещё одно помещение, ров был засыпан, фахверковое строение в юго-западном углу было разобрано, как и складское помещение с востока. За бывшим рвом на север было построено ещё одно здание, в котором позже расположился спортивный зал школы. Хозяйственные постройки коровник, конюшни, складское помещение для с/х инвентаря были построены на восточном берегу пруда.

В 1805 году в замке Вальдау жил, а несколькими годами позже, участвовал в войне с Наполеоном, немецкий поэт Максимилиан фон Шенкендорф, уроженец города Тильзит, спасшего от сноса резиденцию Тевтонского ордена Мариенбург. Поэзия могла быть его увлечением, даже страстным, но хлеб насущный надо было зарабатывать на другом поприще — юридическом. Осваивать его приходилось со скромной должности стажёра (референдара), Шенкендорф начинает готовиться к экзамену. Тогда это требовало годичной практической деятельности в качестве сельского хозяина. Так Шенкендорф в 1805 году оказывается в Вальдау, в доме у амтсрата Вернера. Через год Максимилиан успешно сдаёт экзамен и снова живёт в королевско-прусском столичном городе-резиденции Кёнигсберг.

Площадь Шенкендорфа с памятником поэту (1930 – 1940)

Проект «История. Люди. Память» подробно знакомил с творческой личностью романтического духа, жаждущего общения, чьи организаторские способности проявились в создании в 1804 году мужского союза поэтов «Венок Балтийского моря». В количестве его членов сказалось увлечение Шенкендорфом Тевтонским орденом: оно всегда должно было быть равно двенадцати, как в орденом конвенте. С другой стороны, таково же число апостолов Иисуса Христа.

Один раз в неделю члены союза собирались на квартире одного из них и говорили о религии, философии и, конечно, об искусстве, оттачивая свой ум, своё мастерство, своё логическое мышление.

Членство в поэтическом союзе не ограничивалось никакими сословными и национальными различиями. В него входили, например, и интересующиеся литературой актёры, и евреи.

О молодом Шенкендорфе, участнике освободительного движения 1813 года против Наполеона, внезапная смерть которого наступает в день его 34-летия, 11 декабря 1817 года, представлен очерк в сопроводительном материале к маршруту по Советскому городскому округу «Встреча на Немане. Вокруг Тильзитского мира».

А в музее «Вальдавский замок» находится зал, посвященный немецкому поэту.

Во второй половине 19 века там же был построен и жилой дом для арендатора.

В 1858 году в Вальдау на холме, открылась сельскохозяйственная академия. Для неё было построено новое здание и разбит парк. Академия просуществовала до 1870 года, после чего была переведена в Кёнигсберг. В

замке к этому времени были разобраны башни и окружающий периметр стен. Флигеля были отданы под учительский семинар, где готовили учителей для начальных классов. Он просуществовал до 1945 года, и называлась «Schloß alte Schule» (Замковая старая школа).

Вначале XX века замковый пруд был спущен, и на его месте была устроена спортивная площадка с футбольным полем.

После Первой Мировой войны во дворе «старой» школы был установлен памятник павшим землякам и семинаристам.

В тридцатых годах построена новая прямая дорога, соединяющая посёлок с доменом. Рядом с ней располагалось помещение жандармского поста.

После 1945 года полностью сохранившийся посёлок, был заселён советскими переселенцами. В здании бывшей учительской семинарии в октябре 1947 года разместилось СПТУ-20, а в зданиях замка общежитие для его учащихся. Южный флигель неплохо сохранился снаружи и особенно со двора, где хорошим украшением служит вход и надстройка над ним. Сохранились подвалы с цилиндрическими потолками, грубо отремонтированные ещё в конце 19 века.

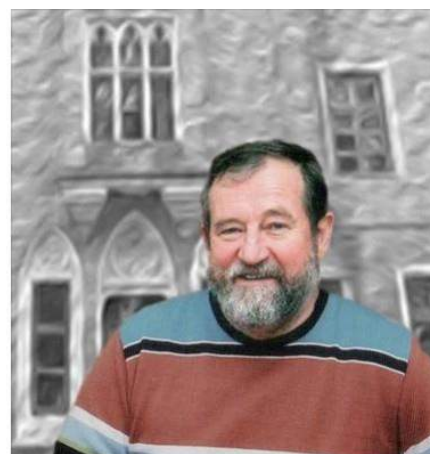
У западного флигеля над стрельчатым входом изображена лента, крыша перестроена. Между двумя флигелями сохранилась часть замковой оборонительной стены.

Источник: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года. <https://apb-to.jimdofree.com/тевтонский-орден/вальдау-waldau/>

Фрагменты замка Вальдау в посёлке Низовье признаны памятником регионального значения, в 1991 году поставлены на государственную охрану и включены в совместный российско-европейский проект «Маршруты готических замков». В 2010 году здание передано Церкви. В одном из флигелей разместился Музей замка Вальдау, созданный местным жителем скульптором А. И.

Бариновым (†2016); в настоящее время музей имеет статус филиала Гурьевского центра культуры и досуга.

В ноябре 1997 года у дороги, на повороте к бывшему замку Вальдау, установлен памятный знак в честь пребывания в нём в 1697 году Петра I и Великого посольства. На природном гранитном валуне укреплена доска из чёрного мрамора с текстом: «В замке Вальдау / 27 мая 1697 года / останавливался / Государь Пётр I / и Великие / Московские Послы». Аналогичные памятные знаки-валуны Великому посольству установлены в Калининграде и Черняховске.

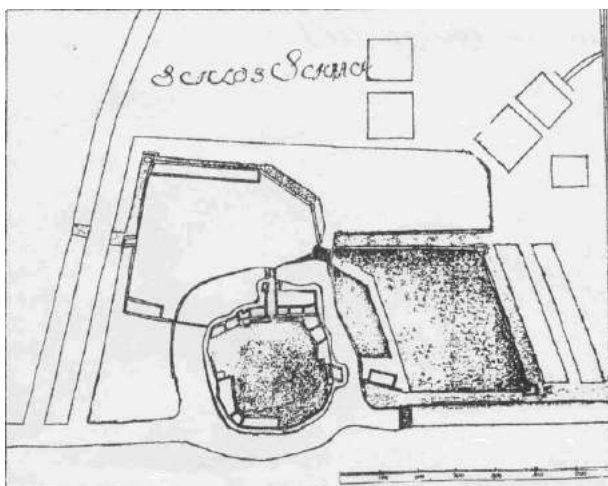
Источник: <https://petersmonuments.ru/russia/memorials/zamok-valdau-nizove-kaliningradskaya-obl/>

На сегодняшний день в Вальдавском музее открыты 10 экспозиционных залов, в которых размещены 22 постоянные выставки и более 3000 экспонатов. Профессиональные экскурсоводы познакомят всех желающих с историей этих мест, начиная с «Каменного века» и до нашего времени. <https://ckd-gur.ru/музей-вальдавский-замок/>

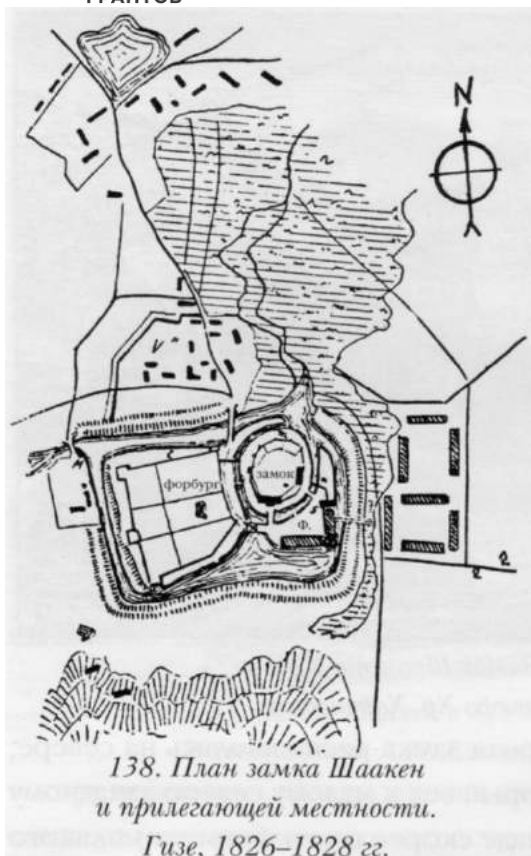
6. Замок Шаакен

Вблизи поселка Некрасово, на дальней окраине теперь уже Калининграда, живущий своей своеобразной и насыщенной жизнью, радует замок Шаакен, где сохранилась частичка настоящего Средневековья. Старинный орденский замок Шаакен за несколько веков собрал не одну сотню историй, некоторые до сих пор покрыты мраком... Обычно экскурсии по замку Шаакен начинаются с его мрачных подвалов...

Однако сама история Шаакена начинается с прусской крепости Шооке или Зоке, на месте которой был построен орденский замок. Прусская крепость была расположена на побережье Куршского залива, и ещё в 1255-1256-м годах перешла во власть Тевтонского ордена, сразу после завоевания Самбии рыцарями-крестоносцами. Впервые прусская волость Шаакен (Сакен) упоминается в хронике Тевтонского ордена за 1258 год.

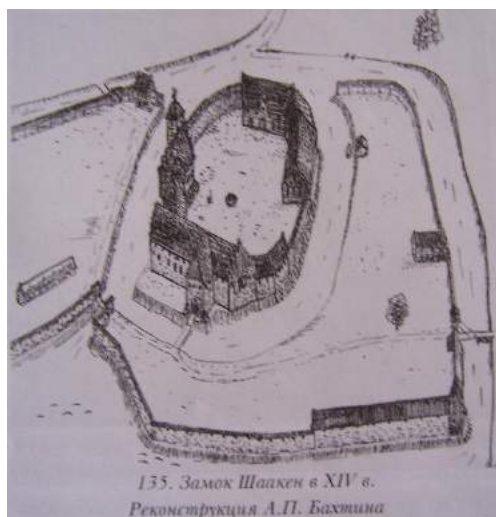

В 1258 году по договору о разделе территорий между Орденом и Замландским епископом Хайнрихом фон Стриттбергом местность вокруг Шаакена, обозначенная как «Зоке», а позднее – «Шокин», которое, вероятно, происходит от прусского «шокис», что означает «трава» (окрестности здесь до сих пор болотистые, поросшие камышом), остается в юрисдикции Ордена, рядом проходит граница епископских владений. В шести километрах от Шаакена находится епископский замок Повунден (ныне п. Храброво).

«История старой Пруссии» говорит, что орденская деревянная крепость в Шаакене начала строиться в 1261 году. Средневековые строители заложили свою крепость не на побережье Куршского залива, а примерно в четырёх километрах от него – в результате была запружена река Шаакен (теперь Большая Моряна), и на топком болотистом грунте

было построено оборонительное укрепление.

Первое упоминание о бургe (крепости) Шаакен в Орденских хрониках относится к 1270 году. Это время подавления Великого прусского восстания, во время которого владелец крепости Зоке присоединился к восставшим и в результате был изгнан. А быть может, убит.

Старая крепость была передана в распоряжение Ордена, она стала резиденцией ландфогта (управляющего орденской землёй) и в ней расположился орденский гарнизон. Крепость была усовершенствована и приспособлена для нужд Ордена. Заново укреплен вал, построены новые палисады. Была улучшена система оборонительных рвов, от старой – совокупности естественных ручьев в широком болотистом русле, пришлось отказаться. Внутри окруженной валами крепости располагались деревянные постройки, которые служили жильем для гарнизона – орденских братьев, их оруженосцев, кнехтов и слуг, а также

складские помещения для различного имущества, конюшни.

Недалеко от замка на берегу залива, возможно, уже в то время имелся небольшой порт, а затем и рыбацкая деревушка Шааксвитте (ныне п. Каширское). Рядом с замком вскоре поселились ремесленники, трактирщики и огородники, обслуживающие гарнизон замка и путешественников, которые любили останавливаться под охраной замка в

те далеко беспокойные времена. Эти поселения вокруг замка назывались «лишке», что, как полагают некоторые исследователи, происходит от прусского слова *liskis* – лагерь (имеется в виду военный лагерь). Как бы там ни было, это название сохранялось вплоть до 1945 года в названии прилегающей к замку деревни – Лиска Шаакен (*Liska Schaaken*), ныне п. Некрасово.

Позднее в районе замка образовалась достаточно большая община, включившая в себя территорию от Кирхе Шаакен (*Kirche Schaaken* – ныне п. Жемчужное), где в XIV веке была построена кирха, до рыбацкой деревни Шааксвитте (п. Каширское).

Изначально замок предназначался для обороны побережья Куршского залива, по льду которого часто совершали свои набеги племена шалауэров. После их мощного набега в 1277 году, когда был захвачен и сожжен замок Лабиау (г. Полесск), а замок Тапиау (г. Гвардейск) с трудом отбился, Шаакен стал играть более заметную роль в охране границы и побережья. Крепость была оплотом защиты Тевтонского ордена в те времена от набегов прусских и литовских племён, которые совершали с целью вернуть свои земли.

Когда к 1285 году закончилось покорение Пруссии и Орден вышел на границы с Литвой, у него появляется более мощный враг – языческая Литва. К тому времени прусское население приняло христианство, а его нобили быстро адаптировались к немецкой культуре и орденскому вассалитету. Следующей задачей ордена стала христианизация литовцев. Именно с этой целью Орден начинает свои походы вглубь Литвы. В ответ на орденское вторжение литовцы совершают набеги в Пруссию. Одним из удобных маршрутов для этих походов был Куршский залив, по льду которого они проникали вглубь Замландского полуострова и напрямую угрожали замку Кенигсберг, являвшемуся резиденцией орденского маршала.

Чтобы не допустить таких прорывов, Орденом и Замландским епископом вдоль побережья были построены ряд замков, в их числе Рудау (ныне п. Мельниково), Лаптау (п. Муромское), Повунден (п. Храброво), Шаакен (п. Некрасово) и Лабиау (г. Полесск).

После переноса резиденции хохмайстера (Великого магистра) из Венеции в Мариенбург (ныне г. Мальборк, Польша) в 1309 году началось массовое строительство замков в камне. К тому времени в Ордене сложилась своя традиция постройки замков, равно как для резиденций комтуров, так и для самых малых укрепленных крепостей. Все было единым, не смотря на большую разницу в некоторых абрисах и местоположении. Именно благодаря этой планомерности и единообразию строительства, замки Пруссии образуют твердо определенную группу орденского строительного искусства средневековья. Как правило, это были четырехугольные замки, имеющие от одного до четырех флигелей с бергфридом (башенной сторожевой постройкой) и высокими оборонительными стенами. Эти замки в

обязательном порядке имели предзамковые укрепления (форбурги).

В 1328 году крепость была перестроена камнем. Но постройка замка Шаакен является практически абсолютным исключением из правил планировки. Он имел почти круглый периметр (восьмиугольной или даже полигональной) замковой стены с пристроенными к ней со двора разнообразными внутренними постройками. Причина исключения из общепринятой планировки возможна только в одном: в связи

с литовской угрозой, на этом направлении нужны были в срочном порядке мощные каменные укрепления. С этим, видимо, связана и постройка в камне лежащего в шести километрах на запад епископского замка Повунден. Он так же имел почти круглую форму. Ворота замка располагались на севере, безопасность которых обеспечивали цвингер (узкое замкнутое пространство между внешней и внутренней крепостными стенами типа ворот) и две выдвинутые вперед узкие башни. Эти башни прикрывали подъемный мост, который вел к малому северо-западному форбургу.

Внутри к оборонительным стенам замка было пристроено большое количество построек, где находились жилые помещения, кухня, хозяйственные строения, часовня.

Основная часть их располагалась на севере и востоке, а также на юго-западе. Без сомнения, замок имел данцкер (туалет), который выходил в ров с северной стороны.

Шаакен располагал двумя форбургами – малый на северо-западе и большой на востоке. Предположительно, еще один форбург мог находиться на юго-востоке, доказать это сегодня можно путем раскопок. Малый форбург имел форму треугольного острова в обширной системе рвов. Он был отдален от замка внутренним рвом и доступ к нему осуществлялся через вышеупомянутый мост. Форбург имел также два выхода через мосты на запад и ко второму форбургу на восток, укреплен был стенами, к внутренней стороне которых были пристроены два длинных и узких хозяйственных здания. Они располагались под прямым углом друг к другу и в месте сочленения имели башню. Значительно более просторный второй форбург имел форму трапеции и был окружен крепостной стеной и рвами. Восточная часть стены была укреплена двумя угловыми башнями. Большой форбург имел выход через подъемный мост на юг к мельнице и поселению лишке.

По описанию границ Самбии, относящемуся к 1331 году, она делилась на восемь административных единиц (Kammerämter): Каймен, Кремиттеи, Вальдов, Варген, Гирмов, Побетен, Рудов и Шаакен. Во главе каждой из этих областей стоял камерарий, осуществлявший функцию связующего звена между населением и властями. В обязанности камерария входило взимание земельных

податей и десятин и надзор за земельной собственностью и прусскими деревнями. Кроме того, он был облечен довольно широкими полномочиями в сфере общественного порядка: разбирал случаи воровства и телесных повреждений. Камерарий имел право арестовать преступника и в чужом доме или дворе, далее он должен был провести судебное расследование. Препятствующий ему в исполнении этих обязанностей подлежал смертной казни. Если при аресте преступник бывал ранен или убит камерарием, то последний не нес никакого наказания.

С 1331 года замок Шаакен являлся центром каммерамта и резиденцией камерария, управляющего замком и одной из восьми административных территорий Самбии.

Наверное, нет теперь вопросов почему в подвалах замка Шаакен рассказывают об инквизиции – камерарий был наделён довольно широкими полномочиями в сфере общественного порядка вплоть до судебного разбирательства. Однако покинем подвалы орденского замка, который, что интересно, пока стоял, его стены так и не смогли взять силой – настолько крепким и неприступным он был.

Жизнь жителей лишке под охраной замка целиком зависела от крепости. Рядом с замком появился трактир, который принадлежал крюгеру Лоренцу Кускау – первое упоминание о трактире «перед замком» датируется 1370 годом. Согласно орденским документам 1370 и 1398 годов, в округе значится большое количество конных пастбищ и садов. С 1397 года замок Шаакен вошел в состав Кёнигсбергского комтурства.

В документе 1398 года говорится также и о втором трактире Кретшмера, двух сапожниках, пекаре, кузнеце, мельнике, портном и о двух «кульмских» (свободных) садоводах. Они получили землю и одну лошадь на всех для утренних работ (именно от утреннего типа работ появилась величина площади земли – морген, то, что успевали обработать за это время).

Недалеко от замка на берегу Куршского залива у места впадения реки имелся небольшой порт, вокруг которого образовалась рыбацкая деревушка Витте (ныне п. Каширское), она входила в достаточно уже большую общину, сформировавшуюся вокруг замка Шаакен, как и все поселения этого амта, она имела в своём названии приставку по названию территории «Шаакен». Тевтонский орден построил в Шаакенвитте гавань, склады для

рыбной торговли и дополнительно ещё разместил хранилища для рыбы в форбурге замка. О площади этого поселения свидетельствуют сообщения от 1424 года – на берегу ручья Карин или Шаакенвиттер расположены двенадцать садов.

А спустя 570 лет в посёлке, сменившего своё название на Каширское, появятся другие свидетельства, но уже о суровости коварного Куршского залива. Поселок Каширское печально знаменит тем, что здесь случилась самая масштабная в истории Калининградской области трагедия с любителями подледного лова.

13 марта 1994 года в пятом часу вечера разыгравшийся внезапно на Куршском заливе ураганный ветер оторвал от берега большую льдину и вместе с находившимися на ней рыбаками понёс в открытую часть лагуны. На помощь сотням терпящих бедствие людей бросились и жители прибрежных посёлков Гурьевского, Зеленоградского и Полесского районов. При трёхметровых волнах на моторных лодках в несколько заходов успели снять со льдины, отнесённой ветром более чем на километр от берега, около полусотни человек, в том числе одного подростка, и доставить их на берег. К сожалению, 51 рыбака расколовшаяся

льдина в ту ночь так и унесла в тёмные ледяные воды залива. Об этом напоминает памятник на берегу залива. Нужно заметить, что практически ежегодно местные жители и сотрудники службы МЧС спасают и снимают со льдин рыбаков Куршского залива и цифра перевалила за несколько тысяч!

А тем временем Лишке-Шаакен так и не смог дорасти до города, как мы помним, в нём находился каммерамт, который позднее сменил домене (разновидность административной единицы). На сегодня известны имена 21 орденского рыцаря, занимавших должность пфлегера – управляющего в замке. Николаус Бильцш (Bilzsch, также Bilez, Filz?) бывший пфлегером в Шаакене с 12 августа 1397 года по

11 марта 1399 год, в дальнейшем известен как управляющий замками в Тапиау и Инстербурге. Наиболее известны: Генрих Хольт (Henrich Holt), который поднялся в орденской иерархии до должности Верховного маршала во времена хохмайстера Пауля фон Русдорфа (1422-1441 гг.), и Вильгельм фон Эппинген (Wilhelm von Erpingen), пятый фогт, который в 1471 году становится Великим комтуром и правой рукой хохмайстера Генриха фон Рихтенберга (1470-1477).

Многие «шаакенские» имена всплывали в истории Орденского государства в Пруссии в качестве комтуров в других замках.

После завоевания Пруссии еще в течение нескольких столетий в этом районе сохранялись прусские обычаи и язык. Многие ландфогты Самбии знали прусский язык, так как им приходилось руководить прусскими витингами, которые вместе с ними отбивали литовские нападения, или же вторгались в Литву и Польшу.

За период с XIII по XVI века нигде нет сведений о взятии врагами замка Шаакен. Литовцы неоднократно делали попытки по заливу проникнуть на территорию Самбии, но все они заканчивались неудачно. Самый мощный удар большое войско литовцев нанесло зимой в 1370 году. Под руководством князей Ольгерда и Кейстута они прошли мимо Шаакена и вышли к Рудау (ныне пос. Мельниково). Великий маршал Ордена Иоганн Шиндекопф, находившийся в своей резиденции в Кенигсберге, дождавшись подкрепления из Лохштедта (ныне часть г. Балтийск), нанес удар по литовским войскам. В тяжелом сражении литовцы были разбиты. Сам маршал был

смертельно ранен и на пути в Кенигсберг скончался. На месте сражения в его честь Хохмайстер Винрих фон Книпроде установил памятную колонну, которая на протяжении веков неоднократно обновлялась (остатки сохранились в посёлке Озерово). На страницах проекта и в сопроводительном материале к туристическому маршруту по Зеленоградскому району «Вокруг Самбийских холмов в поисках Волшебной горы» о битве при Рудау, произошедшей на поле между Трансау (ныне поселок Озерово) и Мюльзенем (ныне поселок Холмы), довольно подробно рассказывается.

Однако в связи с распадом Тевтонского ордена стены замка все-таки пали под натиском местного населения.

После секуляризации ордена в 1525 году Пруссия становится светским государством во главе с герцогом Альбрехтом. В это же время замок на короткое время захватывают восставшие крестьяне – Шаакен стал, наряду с Кайменом, очагом недовольства. Вооружённые толпы, которые сформировались в этих очагах,

направились к замку Побетен (Романово) и в Алькемену близ Варгена (Котельниково). Крестьяне встали под руководство каммерера Побетена Ганса Герике (или Герикке Талау), свободного прусса. Герике стал мятежником по своим убеждениям, поэтому он оказался неуютен советнику Ордена и доверенному лицу гроссмейстера Альбрехта Фридриху фон Хайдеку.

Фридрих Хайдек заявил, что хотел бы увидеть Герике «раз и навсегда повешенным». После окончания мятежа суд выпустил Герике на свободу, но изгнал его из страны, хотя многих других руководителей восстания постигла смертная казнь.

Auf der Ordensburg Schaaken vor 1945 (beachte die Störche – eines der Wahrzeichen Ostpreußens)

В XVI веке в районе Шаакена осталось только три прусских дворянских рода: фон Талау, фон Мерикке и фон Заллет. Из немецких дворян — последний из рода фон Ягенройт, переселившийся в Зудники (п. Пирогово). В самом замке Шаакен расположилось Земельное управление Замланда, которым руководил один из четырех советников герцога.

После 1525 года в Шаакене всё также находился

каммерамт (волостное управление). Теперь только должность амтхауптманн (руководитель управления) называлась «ландфогт Замланда» и подчинялась Фишхаузену.

Früher: Das Kaiserliche Postamt und spätere Apotheke in Schaaken in historischer Zeit

Важно отметить, что прусский язык сохранялся в этом районе долго, наряду с прусскими обычаями он еще в течение нескольких столетий не выходил из оборота. Церковь принимала во внимание потребности прусского населения и старалась со всем миссионерским усердием привить им христианские обычаи и отвратить от «языческих суеверий». Утверждать, что прусский язык подавлялся, неверно. Например, в 1569 году в отчете об инспекции епископа Иоахима Мерлина упоминалось «о прусском народе» — на богослужении рядом с пастором стоял переводчик с прусского языка.

Крепость в 1606 году разрушилась при пожаре, но была реставрирована в 1684 году, за время этих работ внутри были сделаны большие архитектурные изменения. В 1684 году художник-архитектор Харткнох оставил нам изображение этой перестроенной крепости, возможно, эта работа была плодом его творческой фантазии... нежели реального вида.

Источник: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года.

7. Шааксвите – посёлок Каширское

Напомним, что у замка Шаакен на берегу Куршского залива уже с 13 века была образована рыбацкая деревня. Во времена ордена в Шааксвите была построена гавань и располагались склады для рыбы. Деревня выполняла роль центра рыбной торговли. Поскольку здесь находилась, так называемая, резиденция фишмастера (рыбного мастера), чья деятельность была тесно связана с замком

Шаакен, то это способствовало возникновению в гавани порта – одного из наиболее важных перевалочных пунктов на заливе для погрузки и выгрузки рыбы с небольших кораблей.

В Шааксвите насчитывалось 48 рыболовных артелей, сельские жители жили в основном за счет рыбной ловли, дополняя этим своё сельское хозяйство, их называли «рыбоводами» – специалистами по разведению рыбы.

Деревню разделяла на две части река Карин или Шаакенвиттер (в настоящее время Малая Морянка), через которую был построен бетонный мост в 1928 году, и он до сих пор выполняет

связующую функцию через посёлок Каширское с бухтой Приморской. Здесь шла бойкая погрузка богатого улова с бортов сновавших по заливу плоскодонных судов на грузовики, а позднее, когда в 1900 году в Шааксвите будет проложена узкоколейка, – на небольшие поезда. Отсюда свежая рыба поступала сразу в Кёнигсберг. У моста располагался трактир – старейший постоялый двор, с которого, собственно, и началась история Витте близ Шаакена. До начала XX века между Шааксвите и Мемелем ходил паром. Вплоть до начала Второй мировой войны в Куршском заливе действовало правило: рыбачить только на мачтовых (парусных) лодках, поскольку местные рыбаки особо заботились о чистоте воды и запасах рыбы.

В деревне работала трехклассная школа для детей из поселений округа – Занд (поселение не существует), Эйтиенен (посёлок Старорусское) и Вессельсхофен (Васильевское). Здание школы сохранилось, после войны использовалось в качестве жилого дома, сейчас часть дома находится в запустении, входная дверь в школу заколочена.

К сожалению, порт Шааксвитте сейчас пришел в упадок и сильно заилен. Железнодорожные пути Кляйнбана Кенигсберг – Шааксвитте были сняты вскоре после 1945 года и отправлены на переплавку. Набережная заросла.

Но у Каширского есть перспективы – здесь предполагается реконструкция существующей гавани под порт класса «В» для стоянки 50-100 яхт и судов маломерного флота. Однако в настоящее время сложно решается вопрос с собственниками земельных участков. Акватория поселка Каширское могла бы стать идеальным местом для базирования кайтсерфинга и виндсерфинга. Обычно такие базы соседствуют с кемпингами, оборудованные всеми необходимыми коммуникациями. Да, достаточно радужное могло быть будущее у

довольно исторического места, связанное с Петром Первым, заходившего несколько раз в гавань Шааксвитте в начале 18 века.

Боев в деревне в январе 1945 года не было, дома остались невредимыми. Приказ об эвакуации жителей был отдан 25 января 1945 года, а 27 января Красная Армия уже вошла в поселение. Численность жителей Шааксвитте в первой половине XX века составляла около 600 человек, в какие-то годы больше, в какие-то – меньше.

Theodor Gottlieb von Hippel.
Hauptmann von J. B. 1802.

Недалеко от Шааксвитте, на территории поместья Вессельсхофен, принадлежавшее с 18 века семье фон Шреттеров, с 1759 года в доме голландского советника юстиции Теодора Поликарпа Войта работал домашним учителем Теодор Готтлиб фон Гиппель, впоследствии бургомистр Кенигсберга, получивший в 1786 году от короля Фридриха Вильгельма II титул «президента города» и «тайного военного советника». Около 1760 года Теодор Гиппель познакомился с ещё молодым бароном Фридрихом Леопольдом фон Шреттером, по окончании военной карьеры с 1791 года занимавшего в Кёнигсберге пост президента четырех палат в Восточной и Западной Пруссии: Гумбинненской, Кёнигсбергской, Данцигской и Мариенвердской, в 1795-1808

годах – министра провинций Пруссии, ключевая фигура Великих Прусских реформ Штейна – Гарденберга 1807/08 годов.

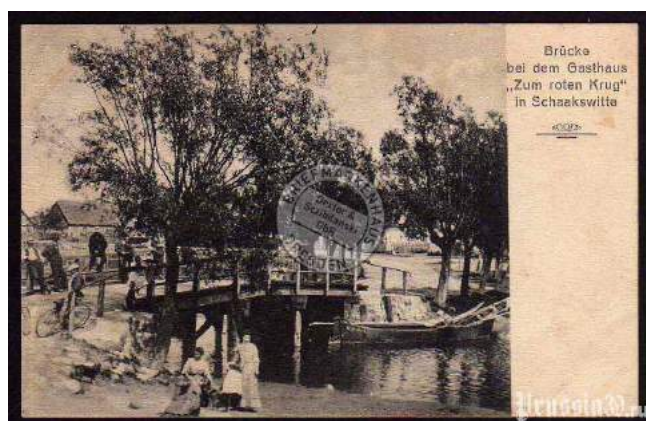

А тем временем Теодор Готтлиб фон Гиппель 3 января 1790 переходит в сословие императорских дворян вместе с братом Готтхардом Фридрихом Гиппелем, пастором в Арнау, и другими двоюродными братьями. Но ещё в 1760/61 годах Гиппель совершит поездку в Санкт-Петербург с Хендриком фон Кейзером (племянником Теодора Поликарпа Войта). Для Гиппеля это было «выходом в большой свет», он после увлечётся всем русским.

И как полагается знаменитым поместьям, здесь не обошлось без скандальных моментов. Наперекор семейным традициям представитель одного из древнейшего рода Саксонии, которая породнилась по женской линии с русским дипломатом, послом России в Пруссии, Франции и Голландии, А. Г. Головкиным, став таким образом первым брачным союзом между русской и западноевропейской аристократией, Людвиг цу Дона-Лаук (1805–1859) женился на Фанни Аронсон (1806–1894), дочери еврейского бизнесмена из Кёнигсберга, женщине буржуазного толка, перешедшей в евангелистскую церковь, что совершенно было не допустимо для выходцев из разных сословий. Людвиг цу Дона-Лаук, с целью удовлетворения собственных амбиций приобрел поместье Вессельсхофен частично по векселям своего тестя и стал здесь окружным генеральным администратором. После его безвременной кончины вдова продала имущество супруга.

Источник: Лотар Граф цу Дона, Доны и их дома II, стр. 522 + 548.
<https://ostpreussen.net/ostpreussen/orte.php?bericht=1405>

В 1697 году часть русского Великого посольства проследовала на кораблях из Мемеля по заливу до Шааксвитте и далее через замок Шаакен в Кёнигсберг. Куда и мы отправимся вскоре...

В 1752 году образовался крайс (район) Шаакен, а в 1815-1819 годах Шаакен, как ландратсамт, стал относиться к крайсу Кёнигсберга.

Малая железная дорога (узкоколейка) Шааксвитте-Кёнигсберг введена в строй в 1900 году, вокзал стоял возле церкви. Сегодня в бывшем поселении Шаакен не много населения.

Последним арендатором замка считается немец Адольф Бензам. Вместе со своей семьёй он снимал его вплоть до начала Второй мировой войны. Затем здесь

расположился немецкий детский дом. При Советском Союзе постройку отдали совхозу. Здание с многовековой историей превратили в коровник.

8. Церковь Шаакен в посёлке Жемчужное

В двух километрах к юго-востоку от крепости Шаакен и в одном километре от поселения лишке стояла церковь, сооружённая в 14 веке. Местечко, как и следовало по принадлежности к округу Шаакен, носило название Кирхе Шаакен (Kirche Schaaken – ныне п. Жемчужное).

Однако есть предположение, что церковь была возведена ещё в 1280 году недалеко от замка, строившегося с 1270 года. В одном из источников указано, что башня датируется началом XIV века, а башня, как правило, строится уже после нефа и хоров. Таким образом кирха в Шаакене возможна одна из старейших, сохранившихся на территории Калининградской области.

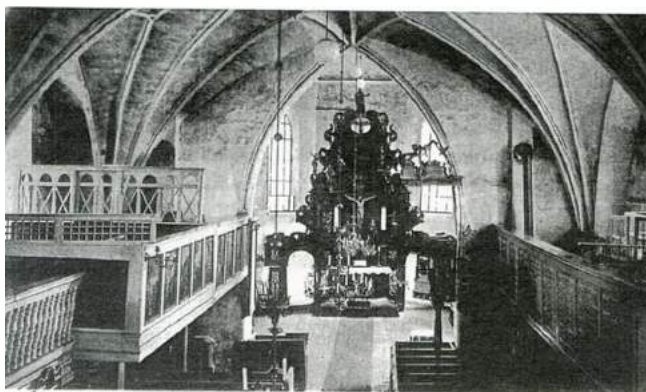

В документах от 1320 года упоминается пастор Шаакена по имени Томас. Скорей всего, приходская церковь была возведена около 1350 года. Она была не очень большой, но интересной по оформлению снаружи и внутри.

Вся кирха была сложена из валунов и кирпича готической кладкой и имела две пристройки с юга – притвор и ризницу. Кирха Шаакен состояла из нескольких секций и считается типичной Самландской церковью.

Die Kirche in Schaaken, links die Schule

Schwaaken-Tempel der Kirche

Старейшая её часть – трехгранный хор с внешней стороны и плоским потолком датируется III четвертью XIV века. Неф был достроен в 15 веке и состоял из трех пролетов, его звездчатый свод из 16 частей появился около 1500 года. Неф имел размеры 22,6 x 10,4 метров. Хоры с четырьмя контрфорсами имели восьмиугольное завершение. Отделяла хоры от нефа стройная готическая триумфальная арка размером 14,5 x 6,9

метров. Хоры имели деревянный потолок. Алтарь, кафедра и часть церковной утвари кирхи Шаакен датируется 17 веком. В 1734 году в церкви появился орган работы Готтлиба фон Каспарина. В XVII-XVIII веках кирха неоднократно перестраивалась. Визуально была заметна разница в качестве кладки кирпича. Кроме того, хор имеет контрфорсы, которых лишен неф, хоры полностью сложены из кирпича, а неф и башня частично из валунов. В 1882 году с северной стороны в нефе были прорублены окна, окна с южной стороны были заложены. В XX веке органый строитель Терлецки из Эльбинга коренным образом обновляет орган.

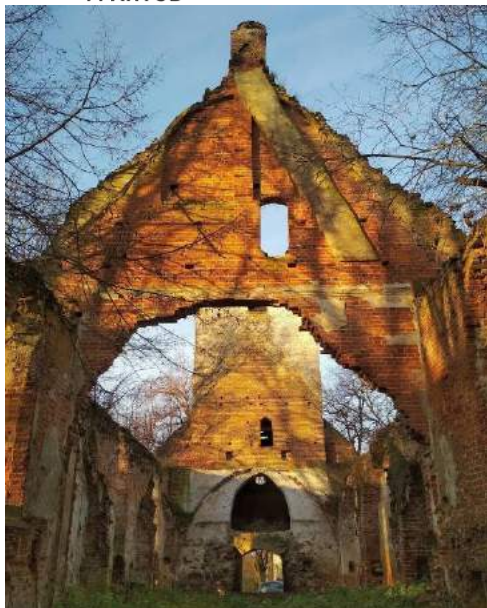

AP Olsztyn

Кирха имела три колокола 1736, 1815, 1869 гг. Старейший колокол, отлитый в 1736 году, носил надпись *“vivo VOCO, fulgura frango, mortuos plango”*. То есть: «живущих призываю, молю усердно, по мертвым плачу».

Первый этаж башни датируется 15 веком, надстройка – 16 веком. У башни два контрфорса. После повреждения молнией башню перестроили и достроили куполом, установили флюгер с датой 1796 г. Затем купол был обновлён в 1862 году. В итоге высота башни с флагштоком составляла 28,5 м.

В боях 1945 года у кирхи Шаакен была повреждена только башня, но в послевоенное время из-за отсутствия надзора и ремонта церковь приходила в упадок, что привело к осыпанию черепицы и разрушению строительных конструкций, уничтожена церковная мебель. В 1970-х годах была сооружена новая крыша с шиферным покрытием и до 1980-х годов это пространство использовалось как колхозный склад. В стене башни, к тому времени находившейся уже без крыши, был пробит квадратный проём под проезжую часть.

К сожалению, настенные росписи, датируемые, примерно 1475 года, в настоящее время практически исчезли, ещё сохранились фрагменты росписей на балконе, которые относятся к XVII веку.

Сейчас кирха представляет собой коробку из внешних стен без крыши с обрушенными сводами и разрушенными пристройками. Внутри частично сохранилась стрельчатая арка, отделявшая хоры от нефа. С северной стороны кирхи, на месте старого немецкого кладбища, расположено современное кладбище.

Любопытна биография одного из священников Шаакена, Эрнста Людвига Боровски (1740 – 1831 гг.), который совершил большую карьеру. Родился он в семье лакировщика и придворного посыльного замковой церкви в Кенигсберге, после изучения богословия в Альбертине стал учителем и проповедником, с 1770 года протоиереем (суперинтендантом), членом консисториального (по церковным делам) совета 1804 года, старшим консисториальным советником и возглавил региональное правление в 1808 году. В 1812 году становится генеральным суперинтендантом Пруссии, в 1815 году – главным придворным проповедником, 1816 году его избирают епископом, а в 1829 году – архиепископом протестантской церкви в Пруссии. Макс фон Шенкендорф посвятил ему стихотворение по случаю его 50-летней деятельности, а город Кенигсберг почтил его в 1907 году памятным знаком в Нойросгартенской церкви.

Последним пастором кирхи Шаакен был Эрнст Глаубит (3 февраля 1893 г. – 24 октября 1962 г.). Он родился в Дренгфурте, учился в средней школе в Растенбурге и начал обучение на богословском факультете в Гейдельберге в 1914 году. После Первой мировой войны, где оказался в качестве добровольца, он продолжил обучение богословию в Кенигсберге. В апреле 1923 г. Эрнст Глаубит был рукоположен в замковой церкви Кенигсберга и направлен в церковные приходы округа Фишхаузен Гр. Хайдекруг (пос. Взморье), Пайтшендорф (Пецки, Польша) и в 1925 году в качестве второго пастора церкви в Шаакене. В 1930 году становится первым пастором церковного прихода. Во время Второй мировой войны служил в

армии до 1942 года. С наступлением Красной Армии 26 января 1945 года он вместе со своей семьей и несколькими прихожанами бежал в Гросс-Курен (пос. Приморье), когда советские войска в апреле 1945 года завершили наступательную операцию, пастор вернулся в Шаакен.

Die Kirche in Schaaken vor 1945

Дом священника был опустошен и Эрнсту Глаубиту пришлось искать место для проживания в церковной общине. ГПУ при НКВД арестовало его, но после двух месяцев дознаний и доказанной невиновности он был освобожден, работал уборщиком урожая, конюхом и смотрителем в приюте общины. Кроме того, он работал пастором с полной программой от крещений до похорон, и всегда приходил к своим прихожанам пешком. Поработав при госпитале детского дома для немецких детей-сирот, разместившегося в замке Шаакен, в декабре 1947 года был депортирован вместе с другими из Восточной Пруссии и прибыл в Дессау. После непродолжительного лечения служил пастором в районе Цербст с 1948 по 1960 год в церкви Бад-Мюнстерайфель. Скончался после непродолжительного выхода на пенсию.

Источник: Юрген Эманн, пастор Эрнст Глаубит в Шаакене,
Наш прекрасный Самланд, осень 2016 г., стр. 33 f
<https://ostpreussen.net/ostpreussen/orte.php?bericht=1404>

Вокруг руин кирхи Шаакен в посёлке Жемчужное команда «Хранителей руин» периодически расчищают территорию.

9. Маршрутами Петра Первого

Итак, в обновлённый и несколько видоизменённый замок Шаакен в 1697 году прибыла часть Великого посольства Российского, следовавшего в Западную Европу. Всего из «посольства» в Шаакен прибыло 65 человек, багаж и 40 лошадей.

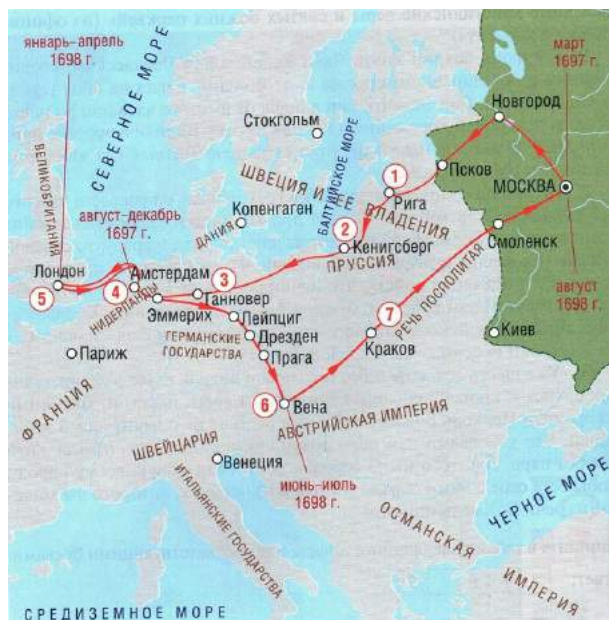
Необходимо отметить, что в XVII веке, замок и располагающийся в нём камерамт (ведомство) называлось по-старопруссски Шока (Schoka), в 1748 году упоминалось, как Шокен (Schoken). Однако в 50-х годах XVIII века замок ещё часто упоминают как Шока. Название замка Шакен (Schaken) встречается лишь в 1760 году, и только с 1772 года за ним постепенно закрепляется название Шаакен (Schaaken).

Великое посольство — официальная дипломатическая миссия Петра I в Европу, своеобразный пролог последующих реформ. Началось оно 10 марта 1697 года, а закончилось 25 августа 1698 года, когда Петр прибыл в Москву. Основными целями посольства было обозначено: заручиться поддержкой европейских правительств в борьбе с Турцией и в предстоящей Северной войне; знакомство царя с европейским бытом, заказ различных военных материалов и

частично приглашение иностранных специалистов на русскую службу. В составе посольства, помимо самого Петра, генералов Ф. Лефорта, Ф. Головина, думного дьяка П. Возницина было более 20 дворян и 35 волонтеров.

Сам царь формально путешествовал инкогнито, под именем Петра Михайлова, урядника Преображенского полка. Это упрощало различные дипломатические условности. В Кенигсберг молодой царь прибыл после посещения Риги и Митавы. При этом если сам Петр инкогнито прибыл в Кенигсберг морским путем, из Мемеля (ныне г. Клайпеда) через Пиллау (ныне г. Балтийск, Калининградская обл.), то само посольство двигалось по суше, прибыв в Кенигсберг (который в документах того времени именовался Королевец) 18 мая 1697 года. Этот путь и встреча посольства в Кенигсберге была описана в "Статейном списке Великого посольства".

«Мая в 10 день из Мемля великие и полномочные послы отпустили многих чиновных и своих посольских людей, со всякой рухлядью, до Королевца водою в судах проливом, имянуемою Гоф-Шакен, до местечка Шакена, отстоящего от Королевца во шести милях, а сами пошли из Мемля сухим путем того же числа на курфирстовых подводах и кормах...»

К слову добавим, историки до сего дня ещё спорят о целях первого путешествия Петра. В основном признавая существование тесной связи между путешествием и Турецкой войной, они расходятся в другом. Александр Густавович

Брикнер, российский историк немецкого происхождения, профессор кафедры истории Дерптского университета, занимался, главным образом, исследованием процесса европеизации России, критически относился к предположению, что Пётр решил отправиться за границу «чтобы научиться лучше царствовать».

Он считал: в 1697 году Пётр отчасти был специалистом в морском деле, между тем как вопросы, относящиеся к управлению государством, тогда его почти не интересовали. Хотя во время самого путешествия он не только выучился морскому делу, но также собрал множество сведений о государственном правлении.

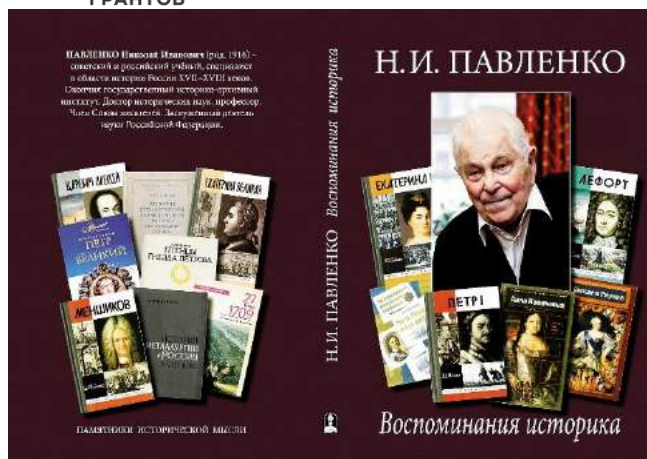
«Оставить царство, чтобы научиться лучше царствовать», – мысль Вольтера, воспламенённая Лефортом, любимцем русского царя, и преобразовать Россию по европейскому образцу – была не основной. Скорее собственное убеждение, плод светлой, гениальной мысли –

краеугольным камнем политическому могуществу России должен быть флот – увлекла Петра в чужие земли, «чтобы с товарищами трудов, с цветом Русского дворянства, изучить искусство многосложное, многотрудное, едва знакомое приходящим в Россию иностранцам по одному навыку, без всяких начал теоретических, искусству кораблестроения и мореплавания. Не думал, конечно, любознательный царь ограничить тем своего всеобъемлющего любопытства: ничего полезное, удобоприменимое к Русскому народу, не могло укрыться от его орлиного взора; но твёрдое, глубинное изучение кораблестроения и мореплавания, во всех видах, от ловкой сноровки мастера, до геометрической точности мастера, от сметливости штурмана до распорядителя адмирала, вот истинная цель путешествия Петра» (Николай Герасимович Устрялов — российский историк, археограф, педагог, профессор русской истории Санкт-Петербургского университета).

Сам же царь Пётр, участвуя в составлении первого в России сочинения о внешней политике вице-канцлером бароном Петром Павловичем Шафировым — второго по рангу после Гаврилы Головкина дипломата – в тезисах обозначил цели своего путешествия: 1) видеть политическую жизнь Европы, ибо он сам, ни его предки её не видели; 2) по примеру европейских стран устроить своё государство в политическом, особенно в воинском порядке; 3) своим примером побудить подданных к путешествию в чужие края, чтобы воспринять там добрые нравы и знания языков.

Но *«было бы неверно полагать, что взгляды на будущее уже тогда вылились в стройную программу, которую он станет шаг за шагом претворять в жизнь. Такая программа, как и способы реализации, складывались постепенно, а пока царь был озабочен тем, как отстоять завоёванное».* Мы должны согласиться с Николаем Иванович Павленко, советским и российским историком, специалистом в области истории России XVII—XVIII веков.

На поверхности оказывается именно то событие, которое занимало в данный момент помыслы царя и формировало его неосознанное стремление. Это – русско-турецкая война. В самом деле, помимо расширения круга союзников – также одной из целей посольства, – для дальнейшего успеха в борьбе с турками необходимо было усилить армию и, особенно, создать флот.

Именно с Пиллау начал знакомство с Европой юный царь в рамках Великого Посольства. Если Великие послы двигались к Кенигсбергу по суше, то десятник Петр Михайлов и сопровождавшие его волонтеры (около 35 человек молодых дворян, инженеров, военных, желавших учиться искусству кораблестроения и мореплавания) на корабле "Святой Георгий" по морю.

5 мая 1697 года прибыли в Пиллау. Оттуда, пересев в прусское судно, они 7 мая во второй половине дня пришвартовались к юго-западной конечности острова Кнайпхоф в Кенигсберге. Здесь и разместились на постой в доме каупфмана (дельца), впоследствии бургомистра г. Кнайпхофа Христофора Негеляйна. Остров этот и сейчас помнит знаменитого постояльца. На фасаде Кафедрального собора, единственного здания, уцелевшего после бомбежки

английской авиации в 1944 году и тщательно восстановленного из руин, размещен специальный знак.

А в Шаакене Пётр останавливался на ночёвку 11 ноября 1711 году по пути в Россию с Екатериной. Царская чета побывала здесь проездом и 6 июля 1712 года и 23 сентября 1717 года (даты по старому стилю).

Источник: Г. В. Кретинин «Прусские маршруты Петра Первого».

Маршрут был действительно популярен. Пётр Первый ходил им 5 раз! ... сегодня, впрочем, тоже маршрут востребован, но только не «водою гаванью до Мемля», а гаванью воздушной – из аэропорта, во все страны мира. Замок Шаакен находится недалеко от аэропорта «Храброво».

10. Посёлок Храброво, бывший Повунден

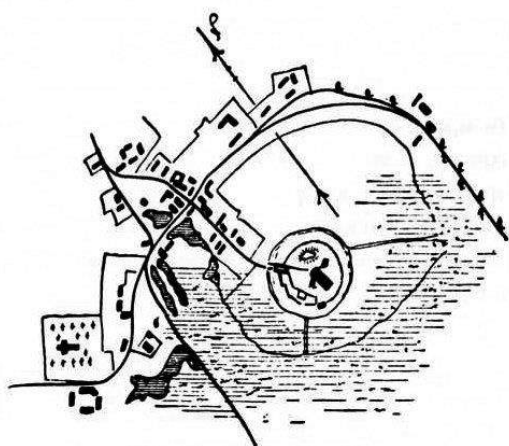

Немало таинственного и загадочного хранят в себе равнины и холмы Земланда. Не всегда, отыскивая крепости или замки, можно с абсолютной точностью назвать даты и координаты. Одним из примеров этому служит замок Повунден.

Вначале — о названии. Слово это из прусского языка и состоит из двух частей. «По» соответствует примерно русскому значению приставки «по». Вторая часть —

«вунден» означает «воду». Получается, что-то вроде «поводья».

Большинство названий старинных крепостей перешло в немецкую топонимику из прусского языка. Но когда в 1946—1947 годах принялись в массовом порядке переименовывать населенные пункты, никто не интересовался происхождением названий. Хотя прусские названия можно было бы сохранить либо в оригинале, либо в переводе на русский язык.

201. План замка Повунден
и прилегающей местности. Гизе, 1826–1828 гг.

«История старой Пруссии» утверждает, что замок в Повундене был основан в 1261 году. Более осторожные исследователи склоняются к 1325 году. Но эта дата отвергается «Хроникой», где отмечено, что в 1283 и 1308 годы волости Повунден и Абенду были атакованы литовской конницей. Петр из Дусбурга пишет: «В год от Рождества Христова 1308 в день св. Георгия нобили из Жемайтии с 5000 всадников вошли в землю Самбии и разорили пожаром волости Повунду и Рудов». Скорее всего, в 1325 году деревянную крепость Повунден разобрали и построили из камня. По своей архитектуре

она однотипна с замком в Шаакене.

Замок Повунден был ненадолго захвачен литовцами в 1370 году перед битвой под Рудау. Литовский князь не желал оставлять у себя в тылу вражеское укрепление. Замок отмечен на карте 1584 года, потом его следы теряются.

Нынешний посёлок Храброво живет делами авиации. Там кругом аэродромы. Постоянный рокот двигателей, гулкий рев поднимающихся самолетов, вереницы движущихся автомашин и автобусов.

И никому нет дела до руин кирки XIV века и до поисков местонахождения старого замка.

Предполагают, что крепость епископа стояла неподалеку от церкви, южнее, возле поселка Ясное (не путайте с поселком Ясное в Славском районе). Канавы и рвы от крепости там должны сохраниться. А для того, чтобы узнать, как выглядел замок в Повундене, достаточно вспомнить Шаакен.

Итак, местность вокруг называлась Повунда. С прусского это название можно было перевести как «у воды», «рядом с водой» и т.д. Другое ее название – Абенда было менее распространено. Вероятно, в середине XIII века здесь преобладали луга, чередующиеся с перелесками. Именно сюда, на место небольшого прусского поселения вышел зимой 1261 года отряд тевтонских рыцарей...

По крайней мере так читаем у Петера фон Дуйсбурга. Если верить этой части «Хроники земли прусской», то значит в 1261 году в Повунде был основан деревянно-земляной замок. Возможно, на месте прусской крепости. Назвали его соответственно – Повунден. Однако никаких археологических находок, подтверждающих существование её

уже во второй половине XIII века, нет.

Существует и другие мнения. По одному из них Повунден строился на месте бывшей прусской крепости Кертайн (что неудивительно) примерно в одно время с замком Шаакен (1270 год). Часто упоминается и другие годы начала строительства: 1285, 1325 год и даже более позднее время. Похоже, что истина где-то рядом: в 1261 году тевтонцы переоборудовали Кертайн в свой первый деревянный замок, в 1285 году его восстановили после набега 1283 года, а в 1325 (или позже) начали отстраивать в камне. Звучит вполне логично...

Единственное что можно сказать с полной уверенностью, это то, что целью постройки оборонительной линии из замков Лабау, Шаакен, Повунден, Лаптау, Рудау является организации защиты от вторжения литовских племен со стороны Куршского залива (по льду) или через Куршскую косу. Такое вторжение было совершено в 1283 году зимой через косу. Были захвачены местности Повунда и Побета (р-н пос. Романово), убито более 150 христиан.

Именно оно и послужило сигналом к созданию фортификационной линии.

Принадлежность замка Повунден (к сожалению, не указано в каком он существовал виде) епископству подтверждается новым разделом земель 1284 года. Тогда часть земель Замланда епископ передал соборному капитулу. В соответствующем документе (грамоте) передачи особо оговорено, что Повунден остается у епископа.

В 1331 году произошло точное установление границ владений Тевтонского ордена и замландского епископа. Повунден остался за епископом.

Известно, что к строительству замка Повунден в каменном варианте приложил руку «епископ-фортификатор» Иоганнес Кларе. Да-да, тот самый, что был зачинателем постройки Кафедрального собора в Кёнигсберге, причем первый проект его носил вид собора-крепости и был «зарублен» магистром Лютером фон Брауншвейг. Что не удалось в Кёнигсберге под боком у магистра, то Кларе весьма успешно

реализовывал в Замланде – им был построен ряд кирх-крепостей, а также и собственно крепости.

Итак, не без участия Кларе, приступили к строительству нового каменного замка. Похоже у епископа денег было поменьше, чем у ордена, поэтому для строительства остановились на более дешевом круглом в плане варианте замка. Для начала срыли старые валы прусской крепости, из них и из отвала от существенно углубленного рва соорудили плоскую возвышенность на окружающей равнине. Затем стены этой возвышенности обложили полевым камнем. Получилась площадка под замок диаметром 70 метров.

На ней и были установлены стены самого замка – почти целиком из того же камня и лишь самый верх из кирпича. Ров, снабженный подъемным мостом, заполнили водой из протекающего ручья. К стенам со стороны двора пристроили различные помещения. Предположительно, что на юго-западной части площадки построили башню (сохранились выступающие в ров фундаменты), не исключено, что это мог быть

данцкер. По центру, как предполагал Гизе, находилось главное здание. Вдоль стен на месте построек были подвалы с эркерами, выложенные полевым камнем. Ворота, обрамленные обработанными гранитными блоками, находились на северо-западе в надвратной башне.

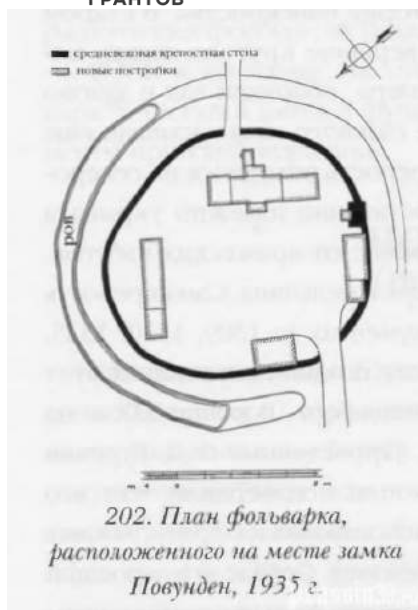

Поселения у замка Повунден образовалось еще до его перестройки в камень. С 1324 года известна кирха Св. Барбары. Возникший рядом с ней поселок получил имя Кирхенгрунд. На примере современного Храброво мы имеем мини-историю с Кёнигсбергом: здесь тоже около замка образовалось несколько поселений: Повунден, Кирхенгрунд (Церковная долина), Коррейнен, Штайнеркруг (трактир Штайнера), Эллеркруг (трактир Эллера). Вот только объединились они в один населенный пункт не в XVIII веке, а уже после 1945 года. Но продолжим о средневековье...

В 1352 году произошел особенно дерзкий набег литовцев на прусские земли. Поход возглавили Ольгерд, Кейстут и его сын Патирке. Силы литовцев разделились на четыре отряда и атаковали окрестности Лабиау, Шаакен, Повунден и Каймен. Замок Повунден устоял. Всех, не успевших

укрыться в замках, мужчин литовцы истребили, а женщин и детей взяли в плен. Но отряд комтура Хеннинга Шиндекопфа не только отбил пленников, но и наголову разбил отряд Патирке, захватив последнего в плен. Было убито более 1500 литовцев (по данным ордена), а вот сам Патирке отделался испугом – Шиндекопф отправил его отцу, назвав «бесценным подарком».

Во времена герцога Альбрехта орденские замки резко теряли свое фортификационное значение. Развитие артиллерии привело к тому, что никакая кирпичная кладка уже не могла долгое время противостоять осадным батареям. И наоборот, сами замки были мало приспособлены для размещения в них крепостной артиллерии. Основой крепостного строительства стали бастионные крепости (через полвека в такую превратился Кёнигсберг). Замки же превращались в охотничьи домики, административные сооружения, герцогские резиденции. Конечно, они по-прежнему могли быть убежищем от восставших крестьян, к счастью для тогдашней власти не обладавших артиллерийскими средствами ведения войны.

Просто замки нужно было укрепить, а иногда и перестроить. С другой стороны, содержать всю былую сеть орденских форпостов Альбрехту было не по карману. Поэтому началось восстановление одних замков за счет других. Повунден попал в число «несчастливых» и с 1560 года стал служить источником стройматериалов для замка Лаптау (Муромское). Восстановление последнего продолжалось и после смерти Альбрехта вплоть до 1607 года.

Еще в 1621 году некий путешественник по имени Штайн, описывая ряд орденских замков, упоминает Повунден. Мелькает описание стен, остатков крепостных сооружений... Видимо к тому времени Повунден был уже значительно руинирован или разобран.

завершили в 1862 году.

Тогда же появился шпиль на крыше башни с четырьмя угловыми башенками. Башня возвышалась над нефом, вход в неё — стрельчатый.

Всё строение в длину представляло собой 35 метров. Толщина стен башни — 1,5 метра. С южной стороны церкви в среднем пролете — размещался притвор.

В километре от деревни Повунден стояла Кирха Святой Барбары, как и дом пастора и ещё несколько зданий. Кирха впервые упоминается в 1325 году. В 1702 году в кирхе Св. Барбары была сооружена великолепная кафедра в стиле северогерманской готики, а в 1727 году отлили главный колокол церкви. Реставрационные работы на кирхе были проведены в 1843 году, работы на башне

С северной стороны во втором пролете алтаря была пристроена ризница. Все окна и двери были выполнены в едином стрельчатом стиле.

Наконец, в 1883 году (по А.Бётихеру — 1882 г.) в кирхе был сооружен орган знаменитого мастера Терлецкого.

Кирха имела два колокола.

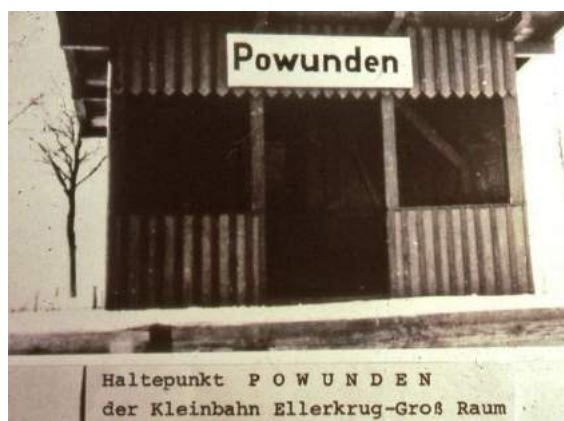
После 1945 года кирха была цела и использовалась как клуб. Затем, после его закрытия была подожжена и в 1970-х годах разбиралась офицерами на кирпич для собственных гаражей.

В настоящее время кирха выглядит довольно уныло. Башня и неф с алтарем без крыши, стены проломлены, притвор и ризница не сохранились. Здание школы, расположенное южнее кирхи, сохранилось и использовалось по назначению.

https://visitprussia.com/map/powunden_kirche/

В 1870 году замок Повунден окончательно разобрали и на его месте организовали фольварк — хозяйственный двор.

В начале XX века к Повундену протянули узкоколейку от станции Гросс Раум (Рябиновка). В границах современного поселка разместились две станции: Повунден, неподалеку от церкви, — Элленкруг, конечно, в восточной части поселка.

В 1935 году место, где когда-то находился замок, осматривала комиссия провинциального ведомства по охране памятников. Комиссия без особого труда отыскала фундаменты стен и башни, которые еще хорошо просматривались.

Фольварк на месте замка в то время состоял из жилого дома и трех хозяйственных построек.

Примерно тогда же закончилось тихое сельскохозяйственное прошлое Повундена и началось авиационное настоящее поселка – недалеко от уже полностью исчезнувшего замка был открыт аэродром «Люфтваффе».

Советские войска овладели Повунденом 27 января 1945 года, как говорится в сводке «в ходе продолжающегося наступления...» Аэродром в Повундене еще некоторое время использовался советской авиацией, в том числе и знаменитой эскадрильей «Нормандия-Неман».

Вот как писал в своих воспоминаниях о своем пребывании в Повундене французский летчик Франсуа де Жоффри: *«Мы находимся на бывшей немецкой авиационной базе Повунден. Дома, в стиле казарм, тщательно замаскированы. В них мы находим комфорт, которого никогда не имел ни один солдат во Франции. Бетонная взлетно-посадочная полоса превосходна. Наши самолеты хорошо укрыты, механики и мы довольны».*

Фашистские летчики покидали аэродром Повунден в большой спешке, поэтому многие авиамашины так и остались в своих ангарах. К примеру, при обследовании базы было обнаружено несколько «Мессершмиттов-108» в превосходном состоянии. Кроме того, в ангарах размещался и целый парк самолетов не военного назначения – сельскохозяйственных, прогулочных и т.д. О ревуар, Повунден!

К концу февраля 1945 года Красная армия после затяжных позиционных боев вновь смогла перейти к более мощным ударам по противнику. И уже 25-го числа авиаполк «Нормандия-Неман» получает приказ перебазироваться в недавно отвоеванный Фридланд (ныне Правдинск).

После войны (да и то не сразу) хорошо сохранившийся аэродром Повунден, переименованный вслед за близлежащим поселком в Храброво, поначалу использовался исключительно военными.

В Повундене базировался знаменитый 759-й МТАП (бывший 51-й МТАП) и 4287-я АТБ, 289-й отдельный дивизион обеспечения управления посадки и 47-я минно-торпедная партия. Которые в 1962 году были разобраны и скрытно, из Балтийска кораблями (под видом сельхозтехники) в процессе операции «АНАДЫРЬ» переброшены на КУБУ в период Карибского кризиса.
<https://bellabs.ru/Fotab/CUBA-62/CUBA-62.html>

В начале 1960-х годов, наряду с военной авиацией, сюда пришла гражданская: официальный калининградский аэродром Девау сильно устарел, и было принято решение перевести его в Храброво, так как здесь была современная «бетонка». Полосу удлиннили на 500 метров, и 20 марта 1962 года в аэропорту Храброво приземлился первый самолет Ан-10, открывший линию Москва-Минск-Калининград. Так начался новый жизненный этап аэродрома, повидавшего еще до распада СССР летчиков трех государств – немецких, французских и советских. Первая линия перевозила на борту до 100 пассажиров и 3500 кг груза со скоростью 600 км/час. В июне 1970 года введено в эксплуатацию здание пассажирского павильона с пропускной способностью 150 пассажиров в час. В том же году отправка пассажиров составила 155 тысяч человек. В 1973 году началось строительство нового комплекса аэропорта Храброво, а также реконструкция взлётной полосы и рулёжных дорожек.

17 июля 1979 года состоялось торжественное открытие первой очереди нового комплекса аэропорта Калининград. 29 марта 1989 года аэропорту был присвоен статус международного для выполнения чартерных полётов.

В настоящее время в Храброво можно осмотреть остатки кирхи Св. Барбары, отыскать огород, на месте которого ранее находился замок Повунден, там же увидеть старый жилой дом и (возможно) древние подвалы замка. А еще в «Храброво» можно сесть в самолет и улететь туда, где культурное наследие культурно оберегают культурные люди...

Западнее Повунден находился так называемый «Барский сад» развалины с обильными зарослями красивейшей сирени. От Храброво до Муромского вела великолепная липовая аллея, пересекая речку. Неожиданно черные добытчики янтаря обнаружили в этих местах голубую янтареносную глину. Перерыто всё – природа превращена в лунный ландшафт. Власти только разводят руками.

Источники: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года, и <https://forum-kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=750&hilit=орденские+замки>

11. Альбрехт Бранденбургский и Анна Мария Брауншвейгская

«Как жаль, что у Кёнигсберга не было своего Шекспира! Ибо сюжеты, достойные великих драм и трагедий, имелись в изрядном количестве. Один из таких сюжетов – вторая женитьба герцога Альбрехта». Цитата краеведа одного известного калининградского портала...

Касаясь истории замков, невольно касаешься истории и взаимоотношений первого герцога Пруссии и его супруги...

Рассказывая о первой значительной перестройке замка Вальдау, проведённой в 1550 году после секуляризации ордена герцогом Альбрехтом Бранденбургским, упомянули, что сделана она была для второй его супруги Анны-Марии Брауншвейгской кёнигсбергским придворным архитектором Христофором Рёммером.

Уместно вспомнить о епископе Замланда Георге фон Поленце, который в год упразднения Тевтонского ордена в Пруссии в 1525 году отказался от епископства и перенес свою резиденцию из Фишхаузена в Нойхаузен. Георг фон Поленц – это первый протестантский епископ христианского мира и последний епископ Замланда. Именно он принял решение о передаче епископства во владение герцогу Альбрехту. Кстати, Поленц первым ввёл «в штат» переводчиков, которые читали молящимся текст латинских проповедей по-немецки и по-пруски.

Благодаря настойчивым уговорам Георга фон Поленца, видя заметно подорванное психическое здоровье герцога Альбрехта после смерти его первой супруги Доротеи в 1547 году, как друг и духовник, убедил его о необходимости иметь наследника и жениться во второй раз.

Венчание герцога Альбрехта с Анной Марией Брауншвейгской 16 февраля 1550 года было последним значительным событием в жизни уже больного Георга фон Поленца. Вскоре он с чувством выполненного долга умер в замке Бальга, вручив Богу свои надежды на семейное счастье герцога.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться: женитьба на Анне Марии стала для герцога несчастливой и неудачной. Супруга страдала наследственной нервной болезнью. Через три года в замке Нойхаузен родился долгожданный наследник, названный Альбрехтом Фридрихом. Но ему не суждено было стать самостоятельным правителем по ряду причин, во-первых, опять же из-за наследственности – близкой родственной связи и существенной разницы возраста родителей – сын первого герцога, мягко сказать, был вспыльчивым и требовал присутствия опекуна (регента).

Попробуем поближе познакомиться с Анной Марией и проследить насколько близкое родство вообще влияет на психическое здоровье...

Почти потерявший интерес к жизни с уходом любимой, Альбрехт обратил свой взор к Анне Марии Брауншвейгской, дочери герцога Эриха I Брауншвейг-Кланберга (1470-1540), правящего в Ганновере.

Анна Мария была моложе Альбрехта на сорок два года. Воспитывалась она в довольно своеобразной среде. Её папа считался истовым католиком.

Когда жители Ганновера вдруг решили обратиться в лютеранство, Эрих I перекрыл дороги, по которым город снабжался продуктами. В Ганновере начался голод, но... тамошние купцы вовремя сообразили и предложили своему герцогу четыре

тысячи гульденов за снятие блокады. Сумма по тем временам была более, чем приличная. Эрих I, вечно бывший в финансовых затруднениях, взял большую сумму денег и согласился не препятствовать Реформации.

И затем уже супруга Эриха I, герцогиня Элизабет, согласилась отдать восемнадцатилетнюю дочь в жёны герцогу Альбрехту, рассчитывая таким образом укрепить позиции династии Брауншвейг. Альбрехт Бранденбургский был лютеранином и происходил из дома Гонгенцоллернов, к которому относилась урожденная принцесса Бранденбургская герцогиня Элизабет.

Элизабет фон Каленберг-Гёттинген

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Елизавета_Бранденбургская_\(1510—1558\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Елизавета_Бранденбургская_(1510—1558))

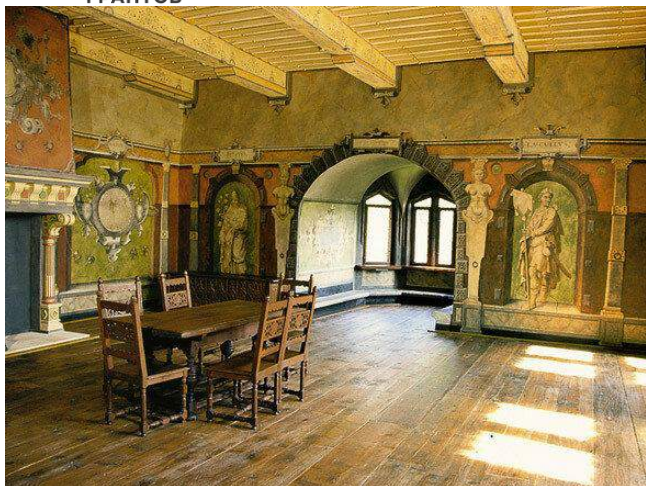
распространяла протестантство в Нижней Саксонии вместе с протестантским проповедником Антоном Корвинусом. Её называли «Княгиней Реформации». Впервые о Реформации Элизабет узнала в 1527 году при дворе в Бранденбурге, когда её мать приняла причастие под обоими видами, тем самым, открыто выразив согласие с учением Мартина Лютера. Опасаясь перехода жены в лютеранство, разгневанный отец изгнал из маркграфства протестантских проповедников из Виттенберга. Последние, пользуясь покровительством курфюрстины, находились при дворе в Бранденбурге. Возможно, это событие пробудило в юной Элизабет интерес к движению Реформации.

Энергичная вдова Элизабет принялась за дело. С помощью пастора Антона Корвинуса, назначенного ею суперинтендантом герцогства, она разработала новый церковный порядок, который был обнародован в мае 1542 году. Через несколько месяцев вышел закон реструктуризации монастырей. Конвенты (монастыри монашеских орденов) не распускались, как «обычные» монастыри, а преобразовывались в штифты (аббатства) с сохранением их собственности. Отменялась обязательная форма орденов с опознавательными знаками. Монахам и монахиням отныне позволялось в любой момент безнаказанно оставить

монастырскую жизнь, если они это захотят (до этого нарушение пожизненного обета жестоко преследовалось)... Регентша при малолетнем сыне Эрихе II занялась реформой школьного образования. По ее указанию открылось много начальных школ. Пастор Корвинус по заданию регентши ездил с инспекциями по герцогству и контролировал исполнение новых законов.

Иногда Элизабет сопровождала его. Ей было чрезвычайно важно, чтобы важность ее реформ понимали не только образованные подданные, но и простой малограмотный народ.

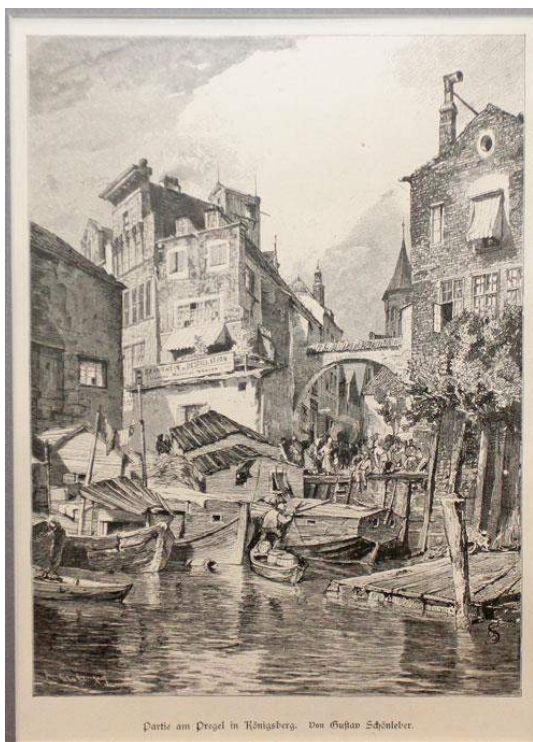
Она изменила некоторые традиции. Раньше подарки дарились не на Рождество, а 6 декабря в день Святого Николауса. Даже дети Мартина Лютера получали подарки в этот день.

Но Элизабет настаивала, что в ее владениях подарки должны приноситься не 6 декабря, а в Святой Вечер 24 декабря. И не Святым Николаусом, а Кристкиндом (анеголоподобным существом,

символизирующим младенца Иисуса). И в качестве личного примера ввела эту новую традицию в собственной семье. (В государственном архиве Ганновера хранится ее письмо с упоминанием подарков, которые Кристкинд принес на Рождество ее дочери).

Источник: «Княгиня реформации» <https://joeck-12.livejournal.com/83035.html>

Невесту же Анну Марию решено было доставить из Ганновера в Кёнигсберг по морю. На тот момент все суда в Кёнигсберге принадлежали ганзейскому союзу. В декабре 1549 года Альбрехт отдал приказ: организовать и осуществить «королевскую свадебную экспедицию». Нужно было найти подходящее судно с надёжным капитаном (непреренно лютеранином!), со знающими людьми, которые не раз проходили по намеченному маршруту.

...Судовладельца нашли в трактире «Золотой поросёнок». Им оказался некто Эйнем, давно занимавшийся международной торговлей. Забавно, что, по условию герцога Альбрехта, судовладелец не должен был знать истинной причины фрахтовки его корабля. Но Эйнем, ещё тот тёртый калач, напоил уполномоченных герцога до полного изумления, и они выболтали ему всю правду. После чего он угостил их «матросским шнапсом» и выбил из них двойной задаток.

За особую сложность возложенной на него миссии. Вскоре трюм корабля оказался заполнен не только привычным грузом – мешками пшеницы, бочками с вином и т.п., но и сундуками с подарками Альбрехта Анне Марии.

Эйнем благополучно доставил в Ганновер деликатный «товар» и принцессу в Кёнигсберг.

По некоторым сведениям, всю неделю по прибытии в «новый дом» Анна Мария горько проплакала: герцог был уже далеко не красавец (в отличие, кстати, от молодого Эйнема).

Купец Эйнем получил приличное вознаграждение, но на этом его роль в истории ещё не закончилась. Пропивая «гонорар» в таверне на Клапервизештрассе (ныне – ул. Портовая), он случайно услышал, как некий Мартин Кройц заливает своему приятелю, фон Зауеру, что-де новая герцогиня скоро отправится вслед за старой.

Эйнем наострил уши и из пьяной болтовни двоих «заговорщиков» понял, что знатные кёнигсбергские католики заплатили «кому надо» и во время коронации Анны Марии ей будет из рук священника поднесена чаша с отравленным вином.

Эйнем тут же вышел на связь с теми, кто подписывал его на доставку невесты и поймел дополнительный «гонорар», передав им воистину убойную информацию. Чашу перед коронацией тихонечко заменили. А знатных заговорщиков вычислили (трое сами себя выдали, не сдержав разочарования, когда Анна Мария, отпившая вина из чаши, не рухнула замертво).

Впрочем, Альбрехт решил не проливать ничьей крови. Тех, кого удалось выявить, просто отлучили от двора. А купец Эйнем... получил дворянство. Герцог собственноручно подписал грамоту, согласно коей купец Эйнем и его потомки стали именоваться «фон Эйнем».

Умный «фон Эйнем» сразу понял, что эта грамота фактически его смертный приговор – «фонами» ни за что, ни про что не нарекают, а значит, жди беды: те, кому не удалось отправить в царство теней Анну Марию, запросто выпишут туда билет новоиспечённому аристократу. Эйнем спрятался у знакомого грузчика в районе портовых складов, а затем, пробравшись на борт датского судна, бежал из Кёнигсберга.

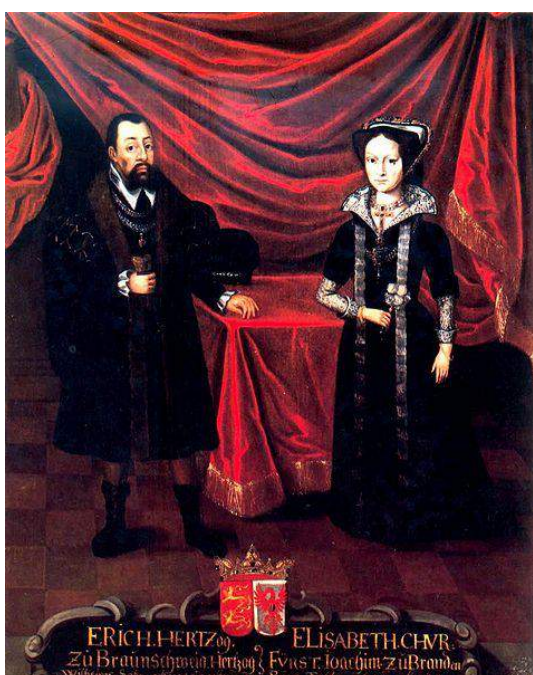
Проведя какое-то время в Гамбурге, фон Эйнем отправился в Брауншвейгское курфюршество, где благополучно осел, обзавёлся торговой лавкой и семьёй.

Интересно, что в XIX веке в Кёнигсберге открылся магазин «Кондитерская Эйнема» одного из родственников того самого «фона».

В 1850 году владелец этой кондитерской отправился «делать бизнес» в Россию, в чём и преуспел. Он даже построил в Москве фабрику «Эйнем» по выпуску шоколадных конфет... Бренд «Эйнем» просуществовал до октября 1917 года, после чего экспроприированная большевиками фабрика стала называться «Красный Октябрь»...

https://ru.wikipedia.org/wiki/Эйнем,_Фердинанд_Теодор_фон

Анна Мария родилась 23 апреля 1532 года от второй жены герцога Эрика I Брауншвейг-Каленберга с 1525 года принцессы Элизабет Бранденбург (1510-1558).

Как мы уже успели сказать, Анна Мария страдала наследственными болезненными истерическими припадками. И как принято считать, такое нервное состояние передалось и к её сыну Альбрехту Фридриху в виде явного слабоумия.

Нервно-психические расстройства, несомненно, опять же как считается, стали следствием близкородственных браков среди аристократических и царственных семейств. Из родословной Анны Марии видно, что она доводилась своему супругу двоюродной внучкой по материнской линии. Общим

предком у супругов был Альбрехт Ахилл (1414-1485). В более далёком поколении линии Брауншвейгов и Гогенцоллернов пересеклись ещё раз в браке Вильгельма I Брауншвейга (1392-1482) с Цецилией Гогенцоллерн (ум. 1449). Здесь общим предком явился Фридрих VI Гогенцоллерн (1372-1440) и тут Анна Мария доводилась своему супругу двоюродной правнучкой по отцовской линии.

Барельефы Альбрехта и Анны Марии в Кафедральном соборе

Сама же герцогиня Анна Мария скончалась 20 марта 1568 года в замке Нойхаузен спустя 16 часов после смерти супруга в замке Тапиау. Столько время требовалось, чтобы добраться из Тапиау в Нойхаузен по ночной дороге с вестью о кончине герцога. Скоропостижная загадочная смерть герцогини Анны Марии может вызвать недоумения и породить множество предположений.

В политическом плане здесь можно усмотреть острую борьбу разных группировок за власть в Пруссии. На данном этапе кое-кому было очень выгодно убрать с арены Анны Марию – представительницу влиятельной династии Брауншвейгов. Ведь Анна Мария могла с полным основанием претендовать на роль регентши при болезненном сыне Альбрехте Фридрихе. В человеческом плане здесь можно увидеть трагедию матери, безуспешно попытавшейся защитить бедного сына от превратностей судьбы.

Родители пятнадцатилетнего Альбрехта Фридриха были похоронены у восточного крыла почётной усыпальницы Кафедрального собора в Кёнигсберге.

Анне Марии было всего тридцать шесть... И есть все основания думать, что смерть её отнюдь не была естественной, как утверждает всезнающая «вики», от настигнувшей герцогиню болезни чумы...

Анна Мария Брауншвейг доводилась дальней родственницей гроссмейстеру Тевтонского ордена Лютеру фон Брауншвейгу (1275-1335). Гроссмейстер Лютер фон Брауншвейг умер в Кенигсберге и похоронен в Кёнигсбергском кафедральном соборе. Таким образом могилы Анны Марии Брауншвейг и её пра-пра-пра-пра-дяди оказались почти рядом.

Надгробная плита гроссмейстеру Брауншвейгу в Кёнигсбергском Кафедральном соборе.
Фото А. Губин. 1990 г.

Сын Анны Марии – герцог Альбрехт Фридрих, последний Гогенцоллерн прусской линии – в октябре 1573 года женился на Марии Элеоноре Юлих-Клеве, внучке императора Фердинанда I по материнской линии. Единственный брат Марии Элеоноры оказался душевнобольным и не пригодным к наследованию престола. Поэтому с помощью выгодного замужества Марии Элеоноры семейство Клеве надеялось решить свои династические проблемы. Но – увы! – от этого брака двое сыновей скончались во младенчестве. Прямого наследования земель Пруссии Клеве не получилось. Пятеро дочерей, правда, доросли до совершеннолетия и были выданы замуж:

Анна (1576-1625) за курфюрста Иоанна Сигизмунда Бранденбурга;
Мария (1579-1649) за маркграфа Христиана Культбах Баварского;
София (1582-1610) за герцога Вильгельма Курляндского;
Элеонора (1583 -1607) за курфюрста Иоахима Фридриха Бранденбурга;
Магдалена (1587-1659) за курфюрста Иоахима Георга Саксонского.

Итак, мы видим, что старшая дочь Альбрехта Фридриха и Марии Элеоноры – Анна – выдана замуж за Иоанна Сигизмунда (1572-1619), который доводился ей семиюродным братом (по счёту от Фридриха I), или шестиюродным племянником (по счёту от Альбрехта Ахилла), или четвероюродным братом (по счёту от Иоахима I через Анну Марию).

От столь экзотического брака на свет произведён Георг Вильгельм (1595-1640), от которого продолжилась линия Гогенцоллернов.

Отец Иоанна Сигизмунда – Иоахим Фридрих – для подстраховки женился на другой дочери Альбрехта Фридриха и Марии Элеоноры – молоденькой Элеоноре. Иоахим Фридрих с 1566 года становится правителем Магдебурга. Став в 1598 году курфюрстом, он в 1599 году вопреки отцовскому завещанию, требовавшему дележа бранденбургских владений, провёл семейный договор, установивший их нераздельность.

Далее немецкая династия Гогенцоллернов, по крайней мере, пять раз, пересеклась с русской династией Романовых:

в браке царя Николая I,
женитьбе Киры Кирилловны
Романовой на пятиюродном брате и
женитьбе Марии Владимировны
Романовой на шестиюродном брате.

От брака русского царевича Алексея Романова с Шарлоттой Брауншвейг-Вольфенбюттель родился российский император Пётр II (1715-1730), скончавшийся бездетным, и дочь Наталья (1714-1728).

От брака принца Антона Ульриха Брауншвейг с Анной Леопольдовной (правительницы в России в 1740-1741 годах) родились:

царь Иван VI (1740-1764), убитый в Шлиссенбургской крепости В.Я. Мироновичем; Екатерина (1741-1807), Елизавета (1743-1782), Пётр (1745-1798), Алексей (1746-1773), умершие в изгнании (в Дании) бездетными.

По материалам статей Алексея Борисовича Губина и Дины Якшиной
https://old.rudnikov.com/article.php?ELEMENT_ID=27334

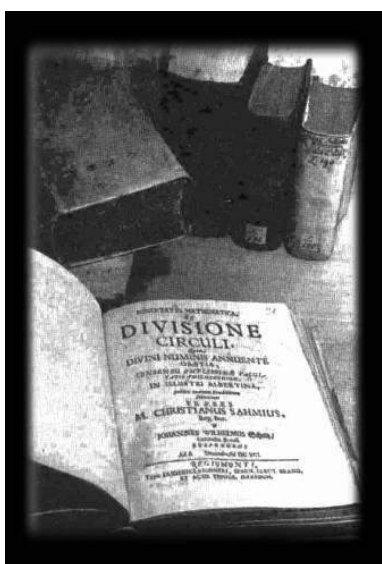
Анна Мария фон Брауншвейг-Люнебург заслуживает упоминания, как на редкость образованной женщиной своего времени.

Она получила классическое образование в области древних языков, теологии и медицины, разбиралась в художественных и духовных вопросах и ценила общение с образованными мужами своего времени.

Уже ее мать Элизабет фон Брауншвейг-Люнебург была не чужда писательскому искусству. Она вела обширную переписку со своим зятем Альбрехтом Прусским и опубликовала, помимо прочего, в 1545 году книгу о руководстве по управлению государством для своего сына Эриха II («Наставление и предписание наше, милостью Божией, Элизабет, урожденной маркграфини Бранденбурга и проч., герцогини Брауншвейга и Люнебурга и проч., вдовы, которое мы, исключительно из материнского доброжелательства и верного сердца составили для нашего высокородного князя, господина Эриха, для

дружеского и полезного его наставления и благорасположения»), а в 1550 году – книгу о супружестве для своей дочери Анны Марии («Материнское наставление для Анны Марии, герцогини Прусской»).

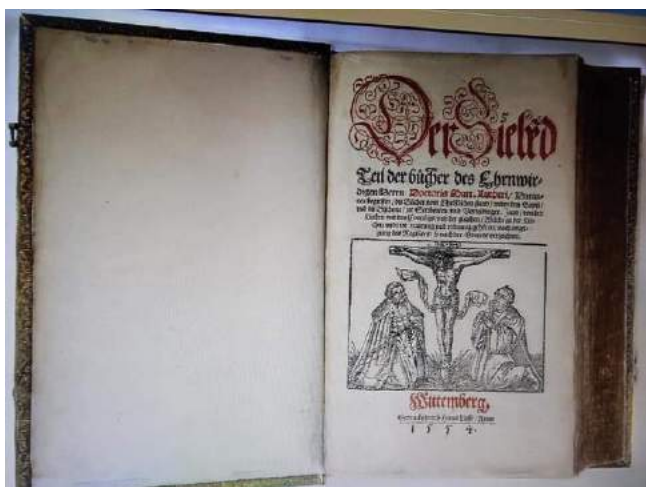

Следуя этой традиции, Анна-Мария фон Брауншвейг-Каленберг написала в 1563 году руководство по управлению государством для своего сына Альбрехта Фридриха («Княжеское зеркало, повествующее о том, как христианский князь и господин, соответственно своей должности и своему сословию, должен относиться к Богу и к миру во время всей своей жизни»). Причём это содержание, вероятно, было навеяно идеями придворного духовного лица. Учитывая недееспособность Альбрехта Фридриха, практическая польза этих рекомендаций была небольшой, речь шла о том, чтобы ознакомить публику с самосознанием, собственными властными притязаниями и собственным статусом их составительницы.

Самосознание ее проявлялось и в том, что у Анны Марии фон Брауншвейг была собственная небольшая библиотека, насчитывавшая около 60 томов.

Среди них особого внимания заслуживают 20 томов так называемой Серебряной библиотеки.

Речь идет о трудах отцов Реформации, в особенности Лютера и Бренца, но среди них было и вышеупомянутое руководство по управлению государством Елизаветы фон Каленберг ее сыну Эриху II. Книги эти находятся полностью в серебряных окладах. На них изображены среди прочего библейские и аллегорические сцены, они великолепно демонстрируют высокий уровень работы мастеров по золоту и серебру 16 века. Стоит упомянуть, что библиотека

подробно описана в труде Швенке и Ланге 1894 года. В 1828 году Серебряная библиотека была передана в Кёнигсбергскую замковую и университетскую библиотеку. Большая часть ее сегодня сохранилась в университетской библиотеке Торуни.

Источник: «Андреас Хессе: Кёнигсберг и Вельфы»

<https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru/andreas-hesse-kenigsberg-i-velfy>

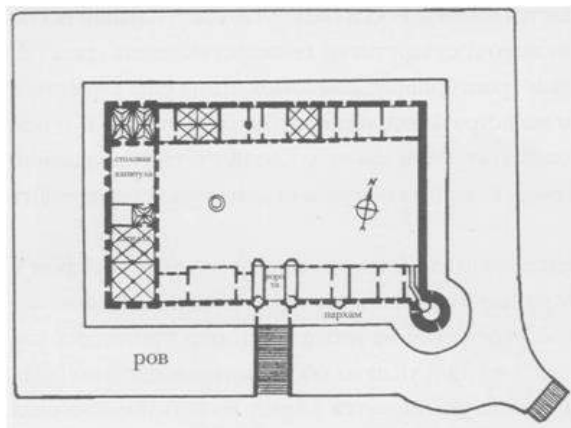
Серебряная библиотека – такое название собрание книг получило после того, как произведения теологического характера и философские трактаты приобрели переплеты из легкоплавкого серебра способом литья, изготовленные мастером Жобстом Фройнднером. Чуть подробнее о Серебряной библиотеке – вскоре...

12. Замок Нойхаузен – город Гурьевск

Орденский замок Нойхаузен в Пруссии не пользовался большой известностью. Он не отличался архитектурной изысканностью внешних форм и интерьеров. Здесь не принимались судьбоносные решения о войне и мире, не заключались торговые соглашения и союзнические договоры и никогда в древности не велись боевые действия, хотя и прикрывал он восточные границы орденского государства конца XIII века, являясь его мощным опорным пунктом. Размеренная жизнь в окружении лесов и болот была скорее санаторно-курортной, прерываемой лишь шумными визитами герцогов, курфюрстов, а позднее и коронованных особ с многочисленной свитой и службой.

Замок Нойхаузен принадлежал самбийскому соборному капитулу. Как полагают, его основали в 1292 году рядом с бывшей прусской крепостью (alte Burgwall).

Замландский епископ Кристиан фон Мюльхаузен во время своего первого визита в 1292 году в Замланд после назначения в 1276 году, собирал каноников и духовников в Мюльхаузене и отдал распоряжение о строительстве замка. Первоначально это было земляное укрепление, а в начале XIV века, в период массового строительства замков в камне, Нойхаузен был перестроен.

Замок состоял из одного или двух флигелей с небольшим форбургом, в юго-восточной части которого находилась круглая башня диаметром более 11м. Как выглядел замок в XIV веке определить трудно из-за множества позднейших перестроек. Его размеры вместе с форбургом, вероятно, не превышали нынешнего периметра — 57 х 90 м. Замок окружал пархам с оборонительной

стенной и широкий ров, через который был переброшен мост. Протекающий рядом с замком ручей частично направили в ров. Замок имел подвалы, на первом и втором этаже — прекрасные готические потолки с крестовыми и звездчатыми сводами.

Южнее замка на краю пруда находилась построенная в конце XIV века мельница. Тогда же восточнее возвели кирху, сохранившуюся до наших дней.

После секуляризации ордена в замке некоторое время жил Георг фон Поленц, друг и духовник герцога Альбрехта. Затем замок служил административным центром управления государственными доменами и летней резиденцией Альбрехта. Именно на период правления герцога Альбрехта приходится проведение работ по расширению и реконструкции замка. Не тронутой оставалась только

восточная часть крыла, построенная в 1380-1400 годы — внушительное трёхэтажное строение с помещениями и сохранившимися крестовыми сводами, укрепленные на центральных опорах и разделённые на 12 частей, по примеру замландских кирх посредством сооружения системы стрельчатых ниш и подпружных арок. В качестве центральной опоры использовались восьмиугольная колонна и прекрасные фигурные консоли с ажурным орнаментом.

При герцоге Альбрехте в замке Нойхаузен были сооружены порталы и построены каминны в стиле Ренессанса. В помещениях северного крыла размещались кухня, пекарня, пивоварня, кладовые и конюшни.

В окрестностях замка был основан зоосад на 2 кв. км, где на воле жили звери.

В 1550 году Нойхаузен передан в пожизненное владение второй супруге герцога Анне Марии фон Брауншвейг, после чего началась его внутренняя и внешняя перестройка.

29 апреля 1553 года в замке родился наследник герцога Альбрехта — Альбрехт Фридрих. Его психическое заболевание не позволяло появляться в свете, и в юности он большую часть времени уединенно жил в Нойхаузене. А был ли юный герцог душевнобольным? Герцог Альбрехт разработал идеальную программу воспитания сына. Известно, что Альбрехт Фридрих вырос двуязычным. Он принимал участие в открытии летнего ландтага 5 августа 1566 года, он (13-летний!) председательствовал в процессе против советников, обвиненных в государственной измене. Да и его брак с Марией Эленорой был счастливым и благословлен 11 детьми, из которых выжили 5 дочерей, и все они были психически здоровы.

С исторической точки зрения болезнь была раздута и использована, в совокупности с медицинскими фактами, о чём доказывает в своей статье «Психическая болезнь прусского герцога Альбрехта Фридриха. Новые факты» С. Ястер, психиатр нейрохирургической клиники города Гёрлитц (Германия). Статья была опубликована на страницах нашего проекта.

https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/500225180689709?_tn=-R

https://vk.com/wall-168806484_680

В конце правления герцога Альбрехта в замке Нойхаузен произошли события, связанные с заговором фаворита герцога Пауля Скалиха, известного европейского алхимика. Скалих — сын бедного крестьянина из хорватского Загреба, вошёл в доверие к герцогу и принимал участие в совете в качестве княжеского советника. Дворцовые интриги фаворита герцога фактически закончились государственным переворотом. Чужаки во главе с Паулем Скалихом организовали в замке тайную канцелярию, из которой выходили указы и предписания, необходимые для работы в поисках тайны герцога. А о какой тайне идёт речь, спросите?

Да в том-то и дело, что Немецкий орден сумел сохранить свои тайны, даже при общем хаосе в период Тринадцатилетней войны, после секуляризации ордена и церковной реформы в Пруссии. Бывший хохмейстер, а теперь светский правитель, единственный кто знал или мог знать, потому что не мог не знать, в чём и где находятся таинственные сведения. С какой-то целью был же образован госпиталь «Тевтонское братство церкви Святой Марии Иерусалимской», преобразованный позже в Немецкий (Тевтонский) Орден? К чему-то же давались строгие обеты в послушании? Скорей всего, для сохранения... а вот чего?

При всем расположении герцога к фавориту и том влиянии, которое Скалих имел на него, добиться информации он не смог. Причина этому может быть только одна: у герцога были сомнения. Прежде всего это было связано с происхождением Скалиха. Почти сразу после появления Пауля в Пруссии Альбрехту постоянно поступала информация о сомнительности его происхождения.

В результате тщательной проверки орденских архивов и архивов герцога каким-то образом сторонниками Скалиха были обнаружены отзвуки следов, подтверждающих наличие разыскиваемых документов (все документы, в которых можно было хотя бы предположить намек на искомое или даже гипотетическое место их хранения, естественно, были ими изъяты). Но где они находились в данный момент, сказать было очень трудно. Тщательно проанализировав имеющиеся в документах сведения, команда Скалиха взяла на подозрение четыре замка: Мариенвердер, Мемель, Гребин и Георгенбург (Маёвка, г. Черняховск). Понимая, что в любой момент с герцогом может случиться непоправимое и тайна умрет вместе с ним, было решено заранее вывести эти замки из-под юрисдикции Прусского герцогства.

По замыслу заговорщиков герцогу Мекленбургскому Иоганну Альбрехту I (который косвенно подозревается в контактах с таинственными людьми), зятю Альбрехта Прусского, доверялось руководство Пруссией до исполнения сыну герцога, Альбрехту Фридриху, восемнадцати лет. Вышеперечисленные замки передавались Иоганну Альбрехту I в ленное владение. Первоначально Скалих предполагал на этот пост Радзивилла, очень интересную личность того периода, который наверняка имел непосредственные контакты с заказчиками Скалиха.

Вся эта операция задумывалась на случай неожиданной смерти герцога Пруссии. Тогда можно было бы, не привлекая внимания, проводить на этих объектах работы по поиску нужных документов о тайнах Ордена.

Пауль добился от герцога мандата. По этому документу ему предоставлялся безопасный проезд по всему герцогству. К тому же документ обязывал всех подданных под угрозой смерти и потери имущества предоставлять Скалиху и его сопровождающим немедленную помощь. Всем высшим чиновникам, советникам, старостам, бургомистрам, судьям и другим подданным было вменено строгое соблюдение этого мандата. В нем также говорилось, что герцог просит всех прекратить борьбу против его «любимого друга, родственника, советника и сына Пауля Скалиха», иначе это будет рассматриваться как выступление против него самого. Если кто-либо этому приказанию не подчинится, то Скалих, а также его друзья и близкие родственники имеют право «самовольно мстить, применяя силу и резвость без какого-либо судебного разбирательства». Но успел ли Скалих провести где-либо поиски, неизвестно – местные дворяне и аристократия собрали делегацию и отправили ее к польскому королю с жалобой, в которой просили устранить непорядки. Сигизмунд Август, как покровитель-сюзерен Пруссии, после долгого колебания отважился на решительный шаг: 24 августа он отправляет королевскую комиссию в Кёнигсберг для разбирательства.

Известие о королевских эмиссарах, направлявшихся в Пруссию, застало Скалиха при дворе герцогини Анны Марии в замке Нойхаузен. Быстро оценив положение, в котором оказался, он решил бежать во Францию, где находились его тайные покровители.

Подготовка к побегу не заняла много времени. Скалих прибыл к Альбрехту в Тапиау и быстро убедил его в возможности сосватать сыну герцога французскую принцессу. Получив на расходы 7300 талеров, он вернулся в Нойхаузен. Бежать Скалих решил в субботу, так как все хорошо знали, что раньше по субботам он никогда не выезжал. Соратник и помощник Пауля Иоганн Шнелль подготовил экипаж и ожидал его в полях у деревни Мандельн, которая находилась недалеко от Нойхаузена, по дороге на Кёнигсберг. Опасаясь засады, Скалих незаметно выбрался из замка и по крутой тропинке через сад Люстгартен вышел на главную дорогу, ведущую в Кёнигсберг.

Добравшись до Мандельна, он нашел экипаж с поджидавшим его Шнеллем. От деревни они направились в город. Экипаж был запряжен чужими лошадьми, а сам Скалих, чтобы его не узнали, накрылся плащом своего помощника. Позже рассказывали, что Скалих с помощью колдовства улетел на плаще своего друга.

Проехав незаметно через городские ворота Кёнигсберга, он оставил Шнелля в городе и с небольшим сопровождением двинулся через Бранденбургские ворота на юг, к Хайлигенбайлю.

Герцог Альбрехт умер 20 марта 1568 года, узнав об этом, в замке Нойхаузен в тот же день умирает его супруга Анна Мария. Началось правление болезненного Альбрехта Фридриха. По понятным причинам коллегия высших советников долгое время скрывала неспособность юного герцога управлять страной.

С 1577 года опеку и регентство над ним осуществлял племянник герцога Альбрехта — Георг Фридрих фон Байройт-Ансбах-Эгерндорф.

Источники: материалы из справочника «Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии» Анатолия Павловича Бахтина 2005 года.

Ковчег Завета. От Синая до Пруссии. Бахтин Анатолий Павлович
<https://document.wikireading.ru/31110>

13. Обитатели замков и их влияние на политику Пруссии

Неожиданным покажется представление орденских замков в подробном знакомстве с некогда их владельцами и обитателями. Так мы перенеслись из Вальдау в Нойхаузен, благодаря Анне Марии Брауншвейгской, получившей оба замка в подарок и в качестве пожизненного владения после свадьбы с Альбрехтом Бранденбургским. По этому случаю мы вспомнили о приданном второй герцогини – её собрании книг, получившее позднее название «Серебряной библиотеки», о которой поведём рассказ позднее и непременно упомянем и о богатой истории библиотек Кёнигсберга.

Замок Нойхаузен в середине 16 века с новой хозяйкой стал кардинально перестраиваться и уже давно не представлял собой нечто напоминающее суровое изваяние епископской собственности. В замке происходили государственного уровня события – родился наследник первого герцога Пруссии, Альбрехт Фридрих. В конце правления герцога Альбрехта в замке Нойхаузен произошли события,

связанные с заговором фаворита герцога Пауля Скалиха, известного европейского алхимика. И здесь же в один день со своим супругом 20 марта 1568 года умирает молодая, но представлявшая опасность бранденбургским курфюрстам в признании их в качестве правящего дома прусским герцогством, Анна Мария.

Но прежде чем продолжить рассказ о замке Нойхаузен, мы решили подробно остановиться на эпохе правления не совсем великого, а даже в каком-то смысле слабого, герцога Георга Вильгельма. Вы спросите, к чему?

Погодите, не всё же о великих, да и к тому же, следуя рассказу о периоде правления отца Великого курфюрста, сможем объяснить произошедшие в замке Нойхаузен некоторые изменения, свойственные эпохе барокко.

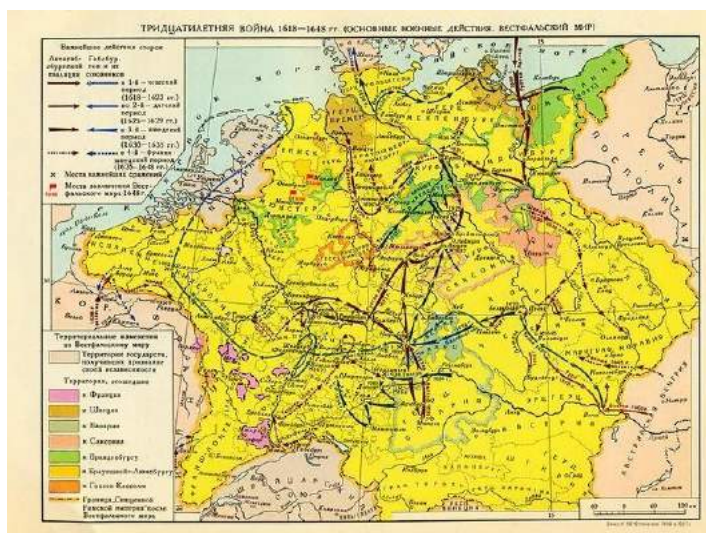
Итак, весь период правления Георга Вильгельма прошел под знаком Тридцатилетней войны.

Тридцатилетняя война началась с восстания в Чехии против ставленников Габсбургов. Чешские протестанты, собравшись с духом выкинули из окна пражского Града двух высокопоставленных чиновников императора. Как от искры вспыхнул пожар, перекинувшийся на другие страны и бушевавший над Европой 30 лет. Под знаменем католицизма выступали папа, испанские и австрийские Габсбурги, объединив Австрию, Польшу, Испанию и немецких князей-католиков. Союз протестантских государств Франции, Англии, Италии, Швеции, Дании, Чехии, Голландии, ряда немецких государств, принявших Реформацию, и, как ни странно, присоединившейся к ним православной России, возглавила Швеция во главе с королём Густавом II Адольфом.

Прусское герцогство, хотя и было протестантским, находилось в вассальной зависимости от Польши и вынуждено было, условно, стоять на стороне католиков.

Война велась в основном на территории германских земель и принесла неисчислимые беды народам, населявшим их, смела с лица земли целые города и посёлки, разорила дотла земледельцев, превратила в зону пустыни огромные пространства. Население Чехии, поднявшее знамя борьбы против засилья Габсбургов, было почти уничтожено.

Апатия прусских бюргеров к политическим событиям европейского масштаба, помноженная на бездействие Георга Вильгельма, привела к возможности соблюдения Пруссией нейтралитета в войне.

Адо́льфа.

Да, Георг Вильгельм не принимал должного участия в управлении герцогством, все значительные события произошли если не вопреки его воле, то и не благодаря ей. Строительство современных укреплений в Пиллау и Кёнигсберге в эти годы велись либо по инициативе шведского короля, либо по замыслам местных властей. Да и решение о нейтралитете в общеевропейской войне муниципалитеты принимали самостоятельно, правда, под давлением того же Густава II

Пруссия была втянута в войну, которую шведский король Густав Адольф вёл против Польши. Эта война была борьбой за господство над Балтикой и одновременно походом контрреформации против протестантизма. Герцогство в военном отношении было слабым, а политически находилось в вассальной зависимости от Польши. В вопросах веры Пруссия имела больше общего со Швецией, чем с католическим сюзереном и реформатским правителем, которому не доверяли. К тому же курфюрст находился в Берлине, когда Густав Адольф летом 1626 года перенёс военные действия из Лифляндии в Пруссию, заняв 6 июля

Пиллау. От прусских сословий, которым принадлежала власть, и особенно от Кёнигсберга он потребовал нейтралитета, намереваясь обезопасить себя с тыла, чтобы успешно выступить против Эльбинга и Данцига. В военном плане город к боевым действиям не был готов.

Средневековые укрепления находились в таком же упадке, как и желание горожан обороняться. Для приготовлений времени и не было, так как утром 11 июля альтштадскому муниципалитету передали письмо Густава Адольфа с ультимативным требованием в течение трёх дней объявить нейтралитет.

Сначала бургомистр Альтштадта Хиоб Лёпнер, юрист по профессии, который многие годы являлся секретарём муниципалитета, попытался добиться отсрочки. Густав Адольф не дал её, настаивая на том, чтобы горожане быстрее приняли решение о том, хотят ли они нейтралитета или же выступят на стороне Польши.

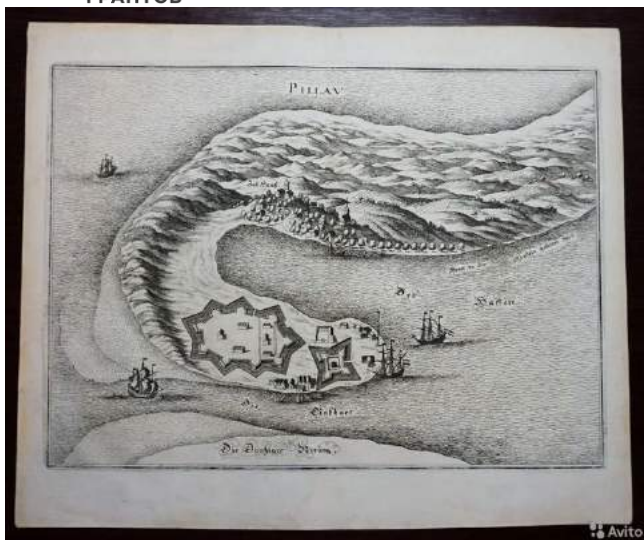

Так как городу в случае отказа грозило разорение и сожжение, то собрание советников, судебных заседателей и представителей общин, стало быть, всех граждан, постановило принять требуемый нейтралитет. Предводителем новой миссии, которая выехала в шведский лагерь, расположенный в Мариенбурге, был профессор права Хеннинг Вегнер, основательно изучивший государственно-правовые отношения между Пруссией и

Польшей. Четыре дня миссия вела переговоры с Густавом Адольфом, пока тот, наконец, не подтвердил права города на свободную торговлю и безопасность. Шведы своё слово сдержали. Ни один шведский солдат не вошёл в Кёнигсберг. Курфюрст согласился со статусом нейтралитета. Польский король Сигизмунд III был, конечно же, возмущён Мариенбургским договором и пытался предупреждениями, обещаниями и угрозами перетянуть город на свою сторону, но безуспешно.

В совершенно иную ситуацию горожане попали, когда курфюрст в феврале 1627 года с дружиной в несколько сотен человек вступил в Кёнигсберг. В свою очередь город завербовал 300 наёмников. Курфюрст потребовал, чтобы они встали под его начало, так как, по его мнению, города на подвластной ему территории не имеют права содержать собственные войска. Вегнер, ставший бургомистром, со своей стороны, воспротивился тому, чтобы солдаты курфюрста находились в нейтральном городе. Курфюрст не смог осуществить своё намерение. Кёнигсберг остался нейтральным, как, впрочем, и по отношению к польской миссии, прибывшей в город в конце июля. В октябре в Эльбинге Вегнер вновь вступил в переговоры с Густавом Адольфом о продлении перемирия.

В то время канцлер Оксеншерна рассчитывал на присоединение Кёнигсберга к Швеции, так как „город был покинут курфюрстом, Польша притесняла его экономически, и только Швеция относилась к нему хорошо". Но Кёнигсберг желал оставаться для всех сторон нейтральным и вёл через миссию под началом Хиоба Лёпнера переговоры с польским королём в Варшаве. Перемирие, заключённое между Швецией и Польшей в Альтмарке 26 сентября 1629 года, положило конец этому незавидному положению. Курфюрст

вернулся в Берлин; поляки сняли ограничения на торговлю с Кёнигсбергом, но шведы ещё долгое время оставались в Пиллау и Эльбинге; в Пиллау они взимали чрезвычайно важную для своих финансов морскую пошлину, поощряя в ущерб Кёнигсбергу торговлю с Эльбингом.

Король Владислав IV, сменивший в 1632 году на польском троне своего отца Сигизмунда, пытался путём уступок и дружелюбных актов завоевать доверие Кёнигсберга. Вероятно, политическая удачливость Вегнера, который во главе миссии Кёнигсберга вёл с ним в Торне в январе 1635 года переговоры, произвела на него такое же впечатление, как и подарок в 25 тысяч гульденов, переданный ему миссией.

Король признал за городом право взимать налоги и нанимать войска, против чего тщетно протестовал из Берлина курфюрст, обосновывая свою точку зрения тем, что Кёнигсберг принадлежит ему и поэтому не обладает ни финансовой, ни военной самостоятельностью. 14 июля Владислав с огромной свитой прибыл в Кёнигсберг и был встречен очень дружелюбно. Бургомистр Кнайпхофа Шиммельпфенниг принял его и всю свиту в своём доме. В честь гостя университет показал оперу Симона Даха (либретто) и Генриха Альберта (музыка) „Клеоме-дес", первую оперную постановку в Кёнигсберге. На мирных переговорах в Штумсдорфе Кёнигсберг стремился получить признание в качестве договаривающейся стороны по образцу Данцига.

Бранденбургские посланцы решительно воспротивились этому и добились того, что в мирном договоре не было учтено ни одного требования Кёнигсберга. Это было очень важное решение. Вторая попытка придать Кёнигсбергу статус свободного города наподобие Данцига вновь потерпела неудачу.

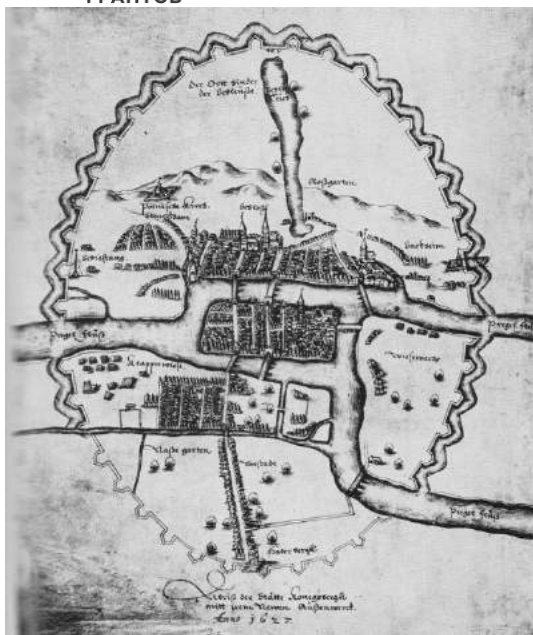
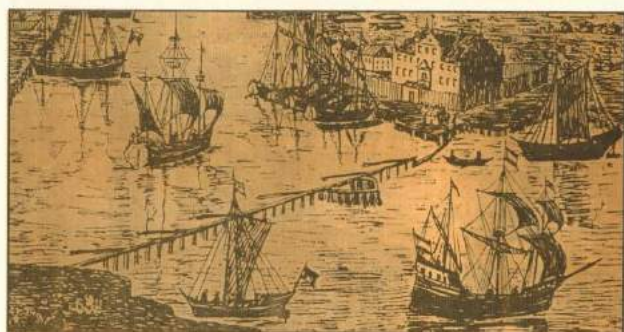

Abb. 19. Schwedischer Stadtplan von 1627

Однако самостоятельная политика военных лет привела к возросшему самосознанию горожан, как по отношению к курфюрсту, так и по отношению к польскому королю. Это почувствовали оба. Сильнее стало и общественное сознание. И хотя ещё долго между тремя городами, равно как и между городами и их слободами существовали разногласия, основанные на защите своих мелких интересов, но всё же постепенно они осознавали, что все вместе составляют единый город. Этому способствовало и совместное возведение укреплений вокруг Кёнигсберга. Эти укрепления на 200 лет определили топографическое развитие города.

Верховное военное руководство при возведении оборонных укреплений осуществлял граф Абрахам цу Дона, опытный дипломат, построивший и замок Шлобиттен [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шлобиттен_\(усадьба\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шлобиттен_(усадьба)) Проект разработал профессор математики Иоганнес Штраус, ученик Кеплера, преподававший в университете астрономию и архитектуру. Техническое руководство осуществлял землемер и архитектор курфюрста Конрад Бурк. Время высоких крепостных стен с проходами, башнями и воротами прошло. Новому духу соответствовала система бастионов – математически просчитанная структура из рвов, валов и брустверов, и выступающих бастионов. Укрепления имели длину в 15 километров и широкой дугой охватывали пригороды, сады, поля и луга. Кёнигсбергу понадобилось немало времени, чтобы вписаться в это пространство. Даже валы, сооружённые в XIX столетии вокруг города, в основном следовали этой линии. Укрепления построили за восемь лет. Главные работы производились в 1626-1627 годах.

Боновое заграждение на р. Прегель, так называемое "Голландское бревно". XVII в.
Из книги Ф. Гаузе "История города Кёнигсберга в Пруссии".

В ходе строительства через Прегель перекинули два новых шлагбаума, Голландский и Литовский.

Они не только запирали на ночь реку, но служили важной составной частью таможенной границы, возведённой вокруг города управлением курфюрста. По отношению к кораблям и плотам охранники шлагбаумов имели примерно такие же

обязанности, какие были у учётников, стоявших у ворот города, по отношению к повозкам и саням.

Новые укрепления оказались слишком растянутыми для защиты: для этого потребовалось бы не менее 15 тысяч человек. Город не мог довести ни численность гарнизона, ни количество орудий до такой величины. Испытания укреплений на прочность городу, к счастью, удалось избежать. Они никогда не подвергались серьёзному нападению ни в Семилетнюю (1757 – 1763), ни в Злополучную (1806 – 1807) войну. Правда, трудно переоценить их значение для истории города.

Впервые все жители, горожане и население предместий, собрались вместе для общего дела. Всех их окружал общий вал, что, в конце концов, должно было привести к новому общественному самосознанию.

Источник: Фритц Гаузе «КЁНИГСБЕРГ В ПРУССИИ. История одного европейского города»

14. От Петра Великого к отцу Великого курфюрста – Георгу Вильгельму и развитию Кёнигсберга.

Вернёмся к замкам, расположенным в Гурьевском районе и продолжим неспешный рассказ об обитателях строений, вблизи которых возникали поселения, города и вообще – формировалось государство, названное именем покорённого народа, Пруссией.

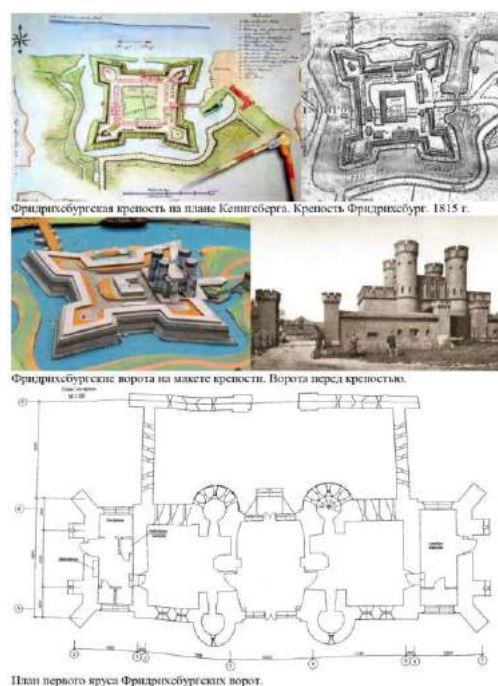
Не станем спорить с утверждением, что историю творят великие люди, но как им, так и отдельным личностям, также суждено было влиять на ход истории и перейдём к знакомству с курфюрстом, не Великим, но не менее интересным – Георгом Вильгельмом, отцом строителя Фридрихсбургской крепости, в которой Пётр Михайлов, урядник Преображенского полка, обучался артиллерийскому искусству с помощью главного специалиста в этой области фон Штернфельдом.

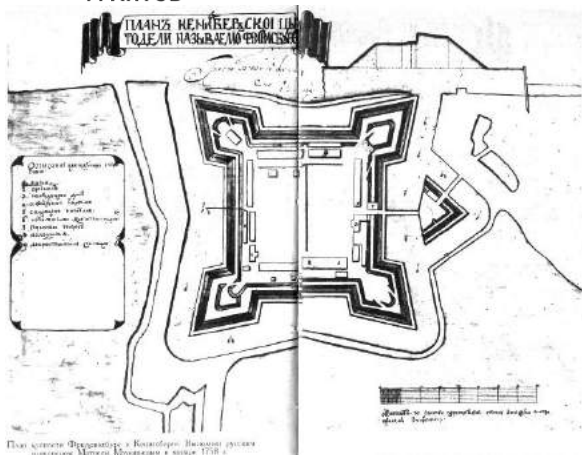

Штернфельд по результатам занятий выдаст аттестат, присланный в Москву уже после возвращения царя из путешествия, со словами «в непродолжительное время к общему изумлению он [Пётр] такие оказал успехи и такие приобрёл сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может, в чём свидетельством явственно и непреложно удостоверяю. Посему ко всем высшего и низшего звания, всякого чина и состояния лицам обращаю моё покорнейшее служебное и приятное прошение – того прежде помянутого господина Петра Михайлова признать и почитать за совершенного, в метании бомб осторожного и искусного огнестрельного художника, и ему, во внимание к его отличительным сведениям, оказывать всевозможное вспоможение и приятную благосклонность; за что я с своей стороны буду признателен. Для подлинного удостоверения сие свидетельство и подписал собственной рукою и наивяще укрепил своею фамильною шляхтеною вислою печатью». Дело было в мае 1697 года...

Знакомство Петра с главным инженером прусских крепостей подполковником Штернером фон Штернфельдом сыграло особую роль – оба остались довольны друг другом. Пётр приглашал прусского подполковника на службу в Россию, обещал сразу должность генерал-майора. Штернфельд соглашался, вроде бы уже и соглашение заключили, однако так в Москву и не приехал. Но за свой труд был вознаграждён. В Расходной книге соболиной казны от 5 июня сообщалось: «...в Кролевце инженеру и подполковнику бранденбургскому, который поднёс инженерские инструменты, дано соболей пара в 40 руб., пара в 20 руб., пара в 14 руб...»

Фридрихсбургская цитадель, воздвигнутая Великим курфюрстом в середине 17-го века в районе речной заставы на левом берегу Прегеля, усилила оборону города, так называемого первого оборонительного вального укрепления, созданного в период правления курфюрста Георга Вильгельма в эпоху Тридцатилетней войны архитектором Иоганном Штраусом, автора учебника по арифметике и геометрии. Кроме того, Фридрихсбург являлся средством для преодоления стариной и традиционной непримиримости самостоятельных Кёнигсбергских городов, разделённых между собой крепостной стеной.

Это было четырёхугольное сооружение с четырьмя каменно-земляными бастионами по углам – Рубин, Изумруд, Алмаз и Жемчуг, окружённое глубоким рвом, наполненным водой Прегеля, западный фронт которого вписывался в систему городских укреплений, восточная сторона имела ворота, прикрытые рavelином. Проект цитадели разработал придворный математик Христиан Оттер, приверженец «голландской системы» в

строительстве крепостей, а самым строительством руководил инженер Георг Нойманн.

Цитадель была призвана служить не только местом укрытия гарнизона, напоминанием бюргерам о могуществе курфюрста, но контролировать ход кораблей по реке Прегель к гавани Кёнигсберга. Гарнизон крепости, подчинявшийся исключительно курфюрсту, в любую минуту мог усмирить бунт свободных городов, приостановив торговлю и сообщение с морем, перекрыв реку, насчитывал 150 солдат. В цитадели была своя гарнизонная кирха, к середине XIX века цитадель вошла во второй оборонительный обвод Кёнигсберга и стала называться фортом.

Такие подробности Фридрихсбурга с особой проницательностью осматривал русский царь вместе с комендантом самой современной по тем временам крепости. В Кенигсберге Петр впервые детально познакомился с системой городских оборонительных сооружений западного образца. По образу и подобию крепости Фридрихсбург возведён на острове Котлин город-крепость Кронштадт на подступах к Санкт-Петербургу.

Источник: Г. В. Кретинин «Прусские маршруты Петра Первого».

А что же Георг Вильгельм, спросите вы? К началу правления Георга Вильгельма в 1619 году, Пруссия уже была присоединена к Бранденбургу, резиденция курфюрстов была перенесена из Кёнигсберга в Берлин, а заодно бранденбургские курфюрсты вместе с объединением двух территориально разрозненных государств получили великолепный центр торговли в Прибалтике.

Через порты Кёнигсберга на запад шли многие товары, в том числе и русское зерно.

Ещё в начале 17 века, после смерти Георга Фридриха, получившего титул герцога, как первый регент Альбрехта Фридриха – сына Альбрехта Бранденбургского, и поспособствовавшего освоению и обустройству новых территорий вокруг Кёнигсберга, которые получили от герцога свои гербы и печати, и развивались как герцогские слободки: Ближний Россгарен (1576 г.), Трагхайм (1577 г.), Закхайм (1578 г.), Дальний Россгартен (1596 г.); в 1603 году правление Пруссией перешло в руки бранденбургских курфюрстов. Заслуга о признании Бранденбурга в качестве правящего дома принадлежала ловкому бургграфу Фабиану цу Дона и бургомистру Кнайпхофа Михаилу Фризе. Цу Дона являлся

главой сторонников Бранденбурга в Пруссии и душой проекта по организации всеобщей обороны государства, которая отклонялась недальновидными гражданами Кёнигсберга.

Прусские сословия не спешили присягнуть на верность пожалованной властью над Пруссией бранденбургским курфюрстам. Лишь к 1611 году официально были оформлены польским сеймом ленные права на Пруссию, а граждане Кёнигсберга присягнули только в октябре 1612 года. Их сопротивление было вызвано не только гражданским эгоизмом, но в большей степени откровенной озабоченностью о сохранении лютеранства. Новоиспечённый очередной регент и зять неудачливого и отошедшего от деятельной жизни

Альбрехта Фридриха герцог Иоганн Сигизмунд перешёл к кальвинистам, а католический верховный сюзерен стремился восстановить католицизм во всех подвластных ему землях.

В 1618 году умер законный герцог Пруссии Альбрехт Фридрих. Пресеклась мужская линия, ведущая от Альбрехта Бранденбургского. По условиям Краковского договора герцогство должно было перейти в полное владение к польскому королю. Пришло время подсуесться Иоганну Сигизмунду. Он пошел на все условия польской стороны с одной целью: закрепиться на прусском престоле после смерти Альбрехта Фридриха. Главным условием было распространение герцогской власти только во время

пребывания курфюрста на территории Пруссии («герцог в Пруссии»). Герцог в Пруссии Иоганн Сигизмунд умер в следующем 1619 году. Власть перешла к его сыну Георгу Вильгельму.

Герцогу Георгу Вильгельму, внуку Альбрехта Фридриха от его старшей дочери Анны, удалось после первых трудностей признания сословий и наделения леном. Наследство, которое принял Георг Вильгельм, оказалось ему не по силам. Без участия Георга Вильгельма приняли городской устав «Трансакция 1620 года», которое целое столетие определяло внутреннюю жизнь Кёнигсберга. Таким образом Кёнигсберг разросся, стал богаче. Башни и церкви строились с размахом, дома стояли тесно друг к другу фронтоном на улицу.

Мосты Кремербрюке и Шмидебрюке с обеих сторон были усеяны будками, лишь к середине мостов были свободные для подъёма разводные платформы, которые открывались, чтобы пропустить корабли с мачтами. В 1623 году была построена первая биржа в Кёнигсберге, она возвышалась на сваях, вбитых в реку, возле Грюне Тор. Место под биржу было выбрано не случайно – оно определено было купцами, которые встречали регулярно прибывающих верховых вестовых, чтобы взять свою корреспонденцию у въезжающего в город конного почтальона, заодно удобно было и заключить сделку. Специальное здание должно было служить всем купцам и нельзя его было построить на землях Кнайпхофа. Торговля процветала, не смотря на политическую ситуацию.

В порт Кёнигсберга в 1608 году вошло 643 голландских торговых корабля, а в 1625 году – в три с половиной раза больше, чем в 1550 году, транспортные мощности возросли почти в 7,5 раз. Четыре пятых всего тоннажа приходилось на долю голландцев. В 1636 году из 492 кораблей из Кёнигсберга 163 шли курсом на Амстердам. Это были большие корабли, на борту которых половина грузов вывозилась из Кёнигсберга. Англичане увеличили долю в морской торговле Кёнигсберга и занимали второе место после голландцев. Кёнигсбергские судовладельцы имели лишь небольшое количество кораблей, и то – маленьких. Сто лет Пруссия находилась в тени большой политики и не касалась войн.

Бурное развитие торговли в Кёнигсберге приостановила война между двумя враждующими религиозными течениями за господство в Европе. Во времена правления курфюрста Георга Вильгельма Пруссия была превращена в поле сражения. Прусские дворянские сословия боролись за самостоятельность в созданном с Бранденбургом союзе. Их оппозиционная деятельность была столь успешной, что к концу правления Георга Вильгельма государство грозило распасться. Бранденбургские правители в подавлении прусской оппозиции уповали на военную силу. А между тем в 1618 году уже началась первая общеевропейская война между протестантами и католиками, так называемая Тридцатилетняя война, которая поначалу принесла много бедствий Пруссии.

Источник: Фритц Гаузе «КЁНИГСБЕРГ В ПРУССИИ. История одного европейского города»

А где же здесь замки, расположенные в Гурьевском районе, спросите вы?

15. Георг Вильгельм, его временная резиденция в Кёнигсберге и объявленная новая «охотничья столица»

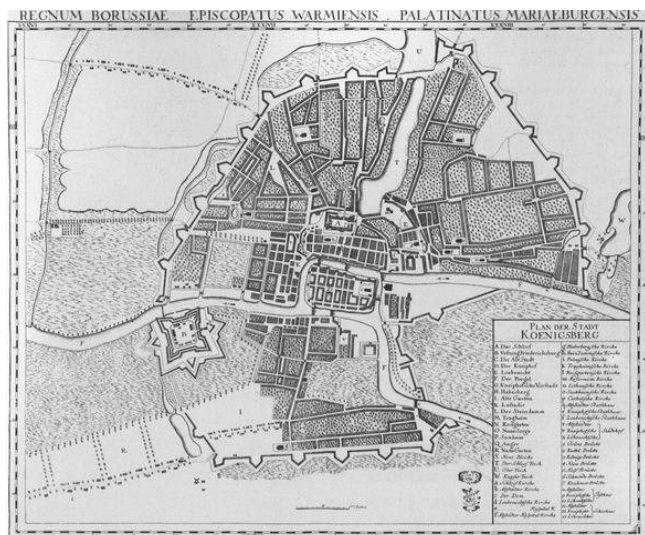
Надеемся, что знакомство с эпохой правления не великого, но не менее интересного курфюрста Бранденбурга Георгом Вильгельмом оказалось прелюбопытнейшим. Так что согласимся – на ход истории влияют в равной степени и великие люди и не очень. Продолжим рассказ об отце Великого курфюрста.

Итак, Георг Вильгельм был известен как правитель слабый и здоровьем, и волей, как политик — не амбициозный, как государственный деятель — весьма посредственный. Хорошо это оказалось или плохо для герцогства? Вопрос не простой... Так и не нашедшего общего языка с прусскими сословиями, курфюрст согласился со статусом нейтралитета Пруссии в шведско-польской войне 1617 – 1629 годов.

В результате несчастного случая Георг Вильгельм повредил голень, рана не заживала и повлекла поражение второй ноги. Это привело к тому, что Георг Вильгельм часто передвигался на носилках, потому без его участия в Кёнигсберге приняли городской

устав «Трансакция 1620 года», который целое столетие определял внутреннюю жизнь торгового порта, с того момента стремительно богатевшего. Шведский король признал права Кёнигсберга на свободную торговлю и безопасность. А бранденбургские посланцы курфюрста 9 сентября 1635 года на мирных переговорах в Штумсдорфе по окончании срока Альтмаркского перемирия 1629 года между Швецией и Речью Посполитой, согласно которого шведы сохраняли за собой завоёванные ими территории в Лифляндии и большинство портов Восточной и Западной Пруссии, кроме Кёнигсберга и Данцига, сорвали ещё одну попытку бюргерства придать Кёнигсбергу статус свободного города наподобие Данцига.

И хотя ещё долго между городами Кёнигсберга и их слободами существовали разногласия из-за определённо мелких интересов, но всё же постепенно горожане осознавали, что все вместе они составляют единый город. Этому способствовало и совместное возведение укреплений вокруг Кёнигсберга. Теперь всех окружал общий вал, который на 200 лет определил топографическое развитие города. Кёнигсбергу понадобилось немало времени, чтобы вписаться в это пространство.

За несколько десятилетий в окружённых валом пригородах возникло пять новых приходов с пятью новыми большими церквями. Все имеющиеся евангелические церкви были возведены ещё до Реформации. Вновь построенные были первыми, которые отвечали требованиям именно евангелических церквей.

Вначале освятили в 1632 году Трагхаймскую церковь, и тогда же её община отделилась от общины Лёбенихта, к которой она до сих пор относилась. В 1635 году, непосредственно после завершения строительства вала, Альтштадт заложил пригород Нойроссгартен в соответствии с градостроительной практикой эпохи барокко, отличавшейся своеобразной равномерностью расположения улиц. Церковь здесь возвели в 1644-1647

годах, а её башню лишь в 1685-95 годы. Она долгое время являлась самым высоким сооружением Кёнигсберга. Община её, получив самостоятельность в 1671 году, находилась, тем не менее, под патронатом Альтштадта.

Раньше началось, но значительно позже закончилось строительство лютеранской церкви в Закхайме. Число немцев в этом предместье выросло настолько, что его община по примеру Трагхайма отделилась от церкви Лёбенихта. В 1640 году здесь приступили к строительству собственной церкви. Но так как католики пожаловались, что она расположена слишком близко от их церкви, возникла тяжба, из-за которой закончить строительство удалось лишь после 1648 года. Церковь находилась под патронатом курфюрста, поскольку слобода Закхайм являлась его собственностью.

Нойе Зорге ещё не была слободой и поэтому не имела Божьего храма. Её жители по-прежнему относились к общине Альтроссгартена. Это было, вероятно, связано с тем, что в Нойе Зорге располагались преимущественно аристократические дома с большими садами, так называемые „вельможные имения“, бывшие вне юрисдикции обербургграфа. Жили аристократы и в пригороде Россгартен, но Альтроссгартен, как тот назывался после возникновения Нойроссгартена, был значительно старше и заселён плотнее, чем Нойе Зорге. Ещё в 1623 году жители Россгартена построили при своём

кладбище небольшую церковь. Позже они отделились от Лёбенихта, к общине которого до тех пор относились, и в 1651-1683 годах возвели новую большую церковь (башню в 1693 году).

Пятой по счёту стала церковь пригорода Хаберберг, который для Кнайпхофа означал то же, что Нойроссгартен для Альтштадта.

После того, как Кнайпхоф в 1652 году заложил Оберхаберберг в качестве отдельного пригорода, здесь начали строительство новой церкви. Она находилась под патронатом Кнайпхофа, и её возведение закончили в 1683 году.

Лишь с постройкой этих пяти церквей в Кёнигсберге отказались от орденской традиции кирпичной готики, обратившись к новым формам. Не только архитектура, но и размеры, и особенно высота башен явились выразительной демонстрацией осознания гражданами своей силы.

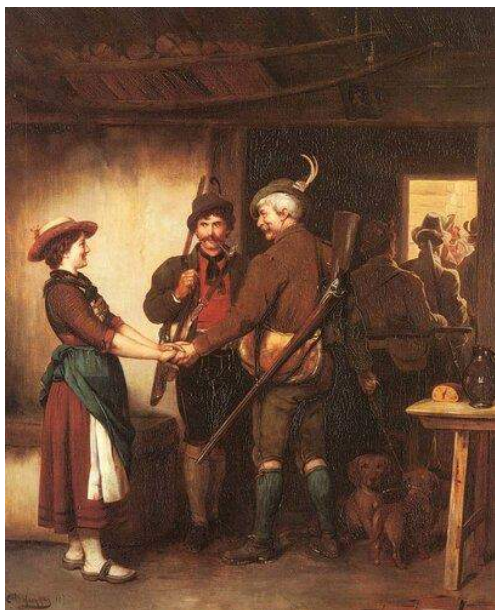
Элементом прогресса в области экономики стали зарождавшиеся в то время мануфактуры – предшественники меркантильной хозяйственной политики. В предместьях появились мыловарни, маслобойни, стеклозаводы и красильни. Земельное правительство поддерживало предпринимателей, строивших фабрики, чтобы сэкономить деньги,

которые тратились на ввоз продуктов из-за границы. Новые предприятия имели такие же привилегии, как и с давних пор мельницы, купальни и аптеки.

Города очень долго сопротивлялись открытию в предместьях аптек. Лишь Великий курфюрст силой своей авторитарной власти выдал привилегию шести новым аптекам.

С ростом числа горожан и их благосостояния более разнообразной становилась и общественная жизнь. Кроме старых юнкерхофов и гемайнгартенов имелось множество трактиров. Многие являлись простыми постоянными дворами и местом отдыха сельских жителей, посещающих рынок; другие, видимо, были обыкновенными питейными заведениями с сомнительной репутацией. Имелись садовые рестораны, где „по воскресеньям народ любил за играми повеселиться”.

Сохранилась одна из средневековых бюргерских забав – стрельба. Так как с конца XIV столетия от арбалета перешли к огнестрельному оружию, старые стрельбища стали малы. Потому и народные праздники – стрельбы по деревянным птицам – здесь больше не проводились. Стрельба по мишеням поначалу не пользовалась признанием, но только до тех пор, пока курфюрст Георг Вильгельм в 1634 году не перенёс все привилегии со стрельбы по птицам на стрельбу по мишеням. Он сам за несколько месяцев до своей смерти принял участие в подобных соревнованиях и стал „стрелковым королём”, чем вдохновил Симона Даха на шестикуплетное стихотворение. Каждый из трёх городов построил в своих предместьях тир: Альтштадт в районе, где позднее заложили ботанический сад, Кнайпхоф – под Хабербергом, Закхайм вблизи трактира „Хиршкруг” за воротами Закхаймер Тор. Таким образом, постепенно исчезла связь между стрельбой и цехами ремесленников с их гемайнгартенами.

Праздники стрелков оставались популярными, но участие в них постепенно становилось более или менее добровольным, и в итоге образовалась гильдия стрелков как самостоятельное общество.

Во время Тридцатилетней войны Бранденбург вследствие нерешительной политики Георга Вильгельма оказался

разграблен как дружественными, так и вражескими войсками. В 1633 году Георг Вильгельм капитулировал перед имперский генералиссимусом и адмиралом флота чешского происхождения Валленштейном, тем не менее шведы остались в стране. Бранденбург лишился большей части своего населения вследствие эпидемий и голода. Последствия Тридцатилетней войны ощущались в Бранденбурге ещё в течение ста лет.

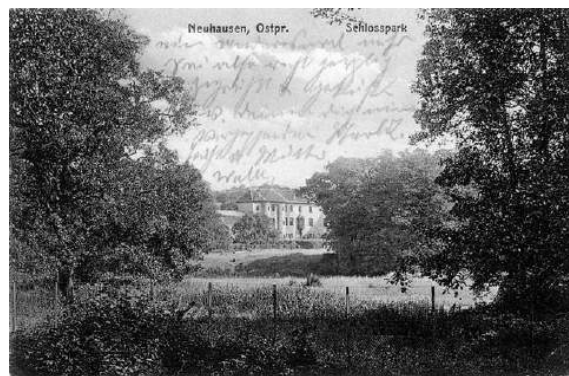

Нередко Георг Вильгельм предавался разгульным развлечениям и любимой охоте, что не могло не сказаться на состоянии дел в государстве. Принуждённый заключить с Швецией союз в 1631 году, он неохотно вёл войну и уже в 1635 году заключил с императором Священной Римской империи Фердинандом II союз, вследствие чего шведы опустошили его земли.

В августе 1638 года Георг Вильгельм вместе со всем своим двором и семьёй с очаровательными дочерьми-курфюрстинами перебрался в Кёнигсберг, где, предаваясь любимому своему развлечению — стрельбе, и превратил в «охотничью столицу» свою летнюю резиденцию в замке Нойхаузен и неприкосновенный для местных жителей заповедник, расположенный в окрестностях замка на 2 кв. км, где звери жили на воле.

В замке Нойхаузен, теперь уже в охотничьей резиденции, курфюрст Георг Вильгельм часто пировал со своими друзьями. Широкую известность в тогдашней Пруссии, а впоследствии и во всей Германии, имела уникальная замковая серебряная посуда, пивная и винная, в виде охотничьих атрибутов — пороховниц и мушкетов

с многочисленными чеканными охотничьими гербами, знаками и эмблемами. Об этом

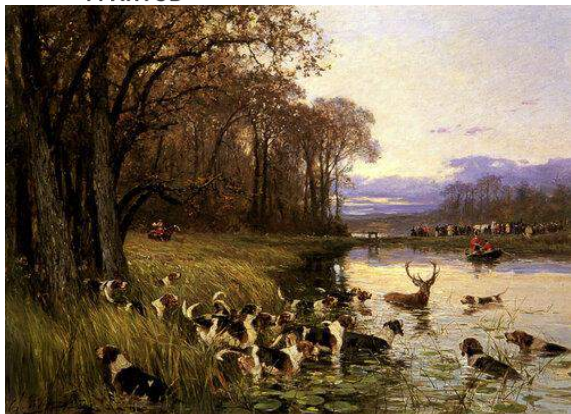
свидетельствует сохранившийся огромный кубок, изготовленный в 1627 году в форме рога-пороховницы, большой сосуд в виде мушкета.

Посуда была подарена обитателям замка в 1627 году Георгом Вильгельмом на вечное пользование.

Существовала традиция: каждому почётному посетителю из этой посуды наливали определённую дозу пива и вина, а затем в

хмельном состоянии он должен был написать в альбоме свою фамилию и сочинить стих. Хроника гласит, что не всем это удавалось. Впоследствии эта посуда и альбом стали ценными экспонатами берлинской художественной галереи и музея династии Гогенцоллернов.

Затем его сын Фридрих Вильгельм тоже довольно часто в замке будет устраивать после охоты пиры.

После многочисленных перестроек замок объединили с форбургом, и по форме он стал напоминать перестроенный Кёнигсбергский замок.

Вдоль северной, южной и восточной сторон в старые средневековые здания встроили флигели. С южной стороны построили новые ворота.

Источники: Фритц Гаузе «КЁНИГСБЕРГ В ПРУССИИ. История одного европейского города» и <https://gurpark.ru/istoriya-parka/>

16. Георг Вильгельм – представитель династии Гогенцоллернов в эпоху Тридцатилетней войны и барокко

С октября 1640 года курфюрст Георг Вильгельм постоянно находился в постели. Помимо своей хронической болезни ног он также страдал водянкой. Георг Вильгельм умер после продолжительной болезни в возрасте 45 лет 1 декабря 1640 года. Причиной смерти была указана водянка и удар.

Георг Вильгельм Бранденбургский является единственным представителем Гогенцоллернов, похороненным в Кёнигсберге, в местном Кафедральном соборе. Первый герцог Пруссии Альбрехт Бранденбургский был представителем династии Ансбах, его отец Фридрих I, будучи маркграфом Бранденбург-Ансбаха являлся представителем Гогенцоллернов.

Первым представителем династии Гогенцоллернов в Пруссии станет Иоахим Фридрих Бранденбургский, женившийся на дочери Альбрехта Фридриха, сына первого герцога Пруссии, Элеоноре Прусской. Из-за болезни герцога Альбрехта Фридриха, но, скорее всего, болезнь была сфабрикована по политическим причинам, Иоахим Фридрих в 1603 году стал регентом Пруссии и опекуном герцога, а позднее получил от Польши согласие на наследование власти в Пруссии.

Курфюрст сделал взнос в польскую казну и предоставил значительные поблажки прусским католикам. Однако ему было запрещено посещать Пруссию без разрешения польского короля, поэтому в Пруссии он не был.

В 1608 году Иоахим Фридрих скончался от апоплексического удара в поездке из Шторкова в Берлин.

Его наследником стал сын Иоанн Сигизмунд, представитель династии Гогенцоллернов, который женился на Анне, старшей дочери герцога Пруссии Альбрехта Фридриха. После смерти не имевшего сыновей герцога в августе 1618 года права на владение Пруссией перешли к Иоганну Сигизмунду, бывшему к тому времени регентом герцога. Иоганн Сигизмунд Гогенцоллерн в 1609 году обязался вносить в польскую королевскую казну ежегодно по 30 000 гульденов, пообещал ввести в Пруссии Григорианский календарь и построить в Кёнигсберге католический храм. В итоге в

1611 году Иоганн Сигизмунд получил грамоту на право управления и на наследственную власть в прусском герцогстве.

В 1613 году Иоганн перешёл из лютеранства в реформатство, но особым документом от 1615 года разрешил подданным оставаться при строгом лютеранстве или формуле конкордии (Формула Согласия (лат. *Formula Concordiae*) — одна из символических книг в лютеранстве, подписанная шестью лютеранскими теологами). Как кальвинисту, Иоганну Сигизмунду пришлось затем бороться с оппозицией сословий в Пруссии и Бранденбурге, причём на сторону его противников стала и его жена Анна, ревностная лютеранка.

Жители Пруссии встречали в штыки кальвинистские нововведения. Но до открытых выступлений дело не дошло, ввиду изменения ситуации. В 1619 году курфюрст умер. До своей кончины он успел создать (фактически) Бранденбургско-Прусское государство со столицей в Берлине, где и скончался. Проблемы с Россией, Швецией, Турцией отвлекли Польшу от Пруссии, в которой законным герцогом в 1619 году стал сын Иоганна Сигизмунда и Анны Прусской — Георг Вильгельм.

В 1619 году Георг Вильгельм принял бразды правления в курфюршестве Бранденбург и герцогстве Пруссия от умирающего отца Иоганна Сигизмунда. К этому времени он уже накопил определённый опыт в государственном управлении: после учёбы во Франкфурте-на-Одере отец отправил его на пять лет штатгальтером в герцогство Клевское. Главная цель Георга Вильгельма состояла в обеспечении границ своих владений после территориальных приобретений отца.

12 ноября 1614 года в Ксентене было заключено соглашение, по которому маркграфству Бранденбург переходили герцогство Клевское и графства Марк и Равенсберг, однако, Клевское соглашение не было исполнено. Борьба за Юлих-Клеве-Берг продолжалась всю Тридцатилетнюю войну и закончилась 19 сентября 1666 года заключением договора в Клеве.

Когда 25 ноября 1620 года король Швеции Густав Адольф женился на его сестре Марии Элеоноре, возник дипломатический конфликт, поскольку на руку принцессы претендовал сын короля Польши Сигизмунда III Вазы и правителя герцогства Пруссия Владислав IV Ваза. В результате Георг Вильгельм отказал в помощи своему зятю, шведскому королю Густаву II Адольфу, боясь его завоевательных планов относительно Померании.

Мы подробно рассказали о нерешительной политике Георга Вильгельма, и задавались вопросом: хорошо это оказалось или плохо для герцогства?

Наследник Георга Вильгельма Великий курфюрст Фридрих Вильгельм первые годы своего правления посвятил тому, чтобы разобраться с тяжёлым наследием правления отца, с чем, впрочем, он справился успешно.

В то время, как Тридцатилетняя война на протяжении целой человеческой жизни разоряла Германию, Пруссию она обошла стороной, если не считать нескольких лет шведско-польской войны. Наоборот, страна и её столица стали бурно развиваться в хозяйственном отношении. Этот взлёт проявился не только в количестве кораблей в порту и возов у городских ворот, но и в новых, с размахом построенных бюргерских домах.

Каменные здания вытеснили старые фахверковые строения. Фасады их были украшены скульптурами и фресками, а внутри были мраморные колонны, красивые лестничные марши, роскошные каминные, паркетные полы и обшитые деревянной плиткой потолки, дорогая мебель и ковры. Из своих деловых поездок купцы привозили дельфтский фаянс и голландские картины. Они коллекционировали книги и произведения искусства. В предместьях

располагались их сады с дачами, живой изгородью, фонтанами, гротами, крытыми аллеями, солнечными часами — иными словами, со всеми атрибутами парковой культуры эпохи барокко.

Барокко было временем путешествий с целью расширения кругозора, бюргерским соответствием развлекательным поездкам аристократии. Многие купцы объездили всю Европу. Некоторые из них оставили после себя многотомные описания своих путешествий.

Именитые купцы и муниципальные советники Кёнигсберга были, таким образом, далеко не провинциалами. Они обладали жизненным опытом, познали мир и людей. И в профессиональном смысле бюргерские семьи теперь не так сильно зависели от своего происхождения, как прежде. Многие отказались от купеческого сословия и перешли на государственную службу, становились профессорами, а вскоре и членами офицерского корпуса.

Многие ремесленники, считавшиеся выросшими своими корнями в родную землю, также познакомились с чужими странами прежде, чем стали в Кёнигсберге именитыми мастерами. Они работали во всех немецких городах, от Ревеля до Амстердама, а многие во Франции, Англии, Дании, Польше и Литве. В числе подмастерьев кёнигсбергских ремесленников было столько

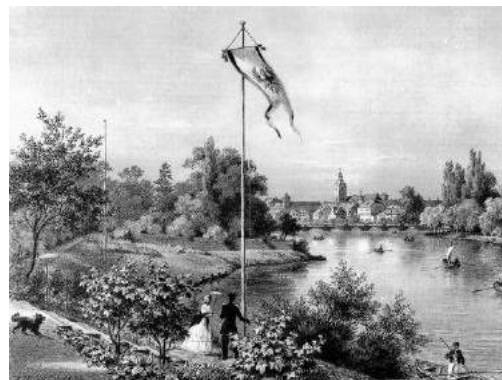
„иностранцев“, то есть не пруссаков, что необходимо было в 1649 году включить в официальный устав башмачников положение о том, что мастер в числе четырёх старших подмастерьев обязан был иметь двух пруссаков и двух иностранцев.

Жизнь становилась пёстрой и разнообразной. Знание иностранных языков было, вероятно, распространено шире, чем об этом можно судить по обучению в школе, где по-прежнему преподавали латынь и древнегреческий. Предпочтение французскому образованию в эпоху барокко сначала отдавалось не в школе, а на частных уроках, проводимых на дому, для которых зажиточные люди нанимали

учителей для своих детей.

Придворная культура, формировавшая во времена герцога Альбрехта духовный облик Кёнигсберга, уступила место бюргерской культуре, тем более, что бранденбургский правитель лишь изредка бывал в своей резиденции в замке.

Курфюрсты Иоганн Сигизмунд и Георг Вильгельм расширили замковый парк и обогатили его самшитовыми изгородями, рыбными прудами, фонтанами и заморскими растениями. Парк состоял из увеселительного сада и большого и малого огородов для выращивания лекарственных и пряных трав. Замковый парк располагался так близко от замка, что не было необходимости строить в нём летний замок, как это делали в то время многие князья. Но, тем не

менее, в нём имелись зал увеселений, манеж, ипподром, бальный зал и купальня. Был также медвежатник, который позднее расширили под псовую охоту с галереями для стрелков и зрителей. Знаменитой стала большая липа, в ветвях которой соорудили одну над другой пять галерей. С самой верхней открывался прекрасный вид на всю окрестность.

Почти все прусские аристократические фамилии имели в Кёнигсберге свои городские дома-дворцы с большими парками, в которых они проводили часть зимы. Там устраивались концерты, выступали любительские театры и балет, были собрания произведений искусств и библиотеки. Некоторые аристократы являлись меценатами или передавали университету с помощью создания фондов или по завещанию значительные средства.

Прежде всего, следует назвать семью фон Валленродтов. Канцлер Мартин фон Валленродт был учёным-гуманистом, поэтом, собирал книги, картины, монеты и разные другие раритеты в духе того времени. О Валленродской библиотеке расскажем в блоке о собрании книг Кёнигсберга.

Wehlau: das Relief des Großen Kurfürsten am Rathaus

Wehlau: Gemälde des Großen Kurfürsten im Ratssaal der Stadt

Представителями аристократической культуры, вобравшей в себя мировой опыт, были и оба наместника Великого курфюрста, которых тот оставил в Пруссии после того, как подписал в Велау договор о суверенитете, согласно которому Польша отказалась от суверенных прав на Пруссию в пользу Бранденбурга. Князь Богуслав Радзивилл и герцог Эрнст Богуслав фон Крой были последними, кто оказал влияние на бюргерство

блеском княжеского двора. Со смертью Кроя в 1694 году и отменой должности наместника замок перестал быть постоянной резиденцией.

Источники: Фритц Гаузе «КЁНИГСБЕРГ В ПРУССИИ. История одного европейского города»

17. Замок Нойхаузен после кардинальных перестроек и изменений

Долгое время с 1700 года в замке Нойхаузен находились различные ведомства – управление государственными землями, с 1770 года к нему добавилось судебное прусское ведомство юстиции, обслуживавшее Фишхаузен (Приморск) и Лохштедт.

Замок расширили в сторону двора и одинарной башни. Таким образом, наружная стена превратилась во внутреннюю. На юго-восточном углу имела сильно выдающаяся из стены круглая башня, построенная из полевого камня, с подвалом, с прекрасным сводчатым куполом и узкими световыми щелями. Входом служила узкая лестница, ведущая из прежнего внутреннего двора. В 1700 году круглая башня представляла собой строение из четырёх суживающихся вверх ярусов и венца в виде романского купола с фонарём.

В 1814 году король Фридрих Вильгельм III пожаловал замок Нойхаузен и имение Грюнхоф (посёлок Рощино, Зеленоградского района) барону Фридриху Вильгельму Бюлову, который за заслуги в войне против Наполеона получил в 1814 году титул графа, приставку фон, по месту победного сражения, – Денневитц, звание генерала и пост губернатора Восточной Пруссии. Граф стал тройным «спасителем Берлина», защищая город в битвах при Луккау, Гросберене и Денневитце, в ходе последнего 10 прусских батальонов под командованием Бюлова разбили 47 батальонов французов!

По приказу нового владельца замка Нойхаузен со стороны въезда засыпали ров и устроили террасу.

Потомки графа в 1842 году продали замок Нойхаузен графу Лукнер, представитель знатного дворянского рода. Лукнеры вели жизнь европейской знати, однако, в этом семействе появятся национальные герои: Николя Лукнер — маршал Франции и

военачальник французской Рейнской армии, которому в XVIII веке был пожалован титул графа королём Дании, и его правнук граф Феликс фон Лукнер — офицер военно-морского флота кайзеровской Германии, командир-«парусник» (капитан, умеющий управлять крупным парусным судном), рейдер, шпион, легенда.

Rundturm am Eingang zum Herrenhaus

При графе Лукнере, к сожалению, нет точных сведений, кем приходился новый владелец знаменитым Никола и Феликсу Лункерам, замок Нойхаузен окончательно утратил военные функции и был перестроен в неоготическом стиле. С восточной стороны, располагавшуюся со времён средневековья, башню-донжон, охранявшую подъезд к замку, разобрали и превратили то ли в террасу, то ли в оранжерею. Были засыпаны рвы, заложены кирпичом бойницы, построены стационарные мосты. В то же время была подчёркнута его курортная функция: расширилась зона парка, у стен появились замковые террасы с высаженными редкими кустарниками —

интродуцентами.

В 1849 году в парке замка Нойхаузен состоялся учредительный вечер Корпуса Мазовии, который привлек многих революционно настроенных студентов того времени. Они даже спели «Марсельезу» на французском языке.

Нойхаузен представлял собой большое дворянское имение с замком. Каждый новый владелец вносил свою лепту в перестройку замка.

В конце XIX века у имения вновь сменился владелец. Им стал генеральный сельскохозяйственный директор прусской провинции Бон. В 1889 году Бон владел 528 га земли из них 311 га использовалось под пашню, 45 га занимали луга и 110 га — леса. Тогда же Бон открыл свободное посещение замка горожанами и приезжими.

К слову, там было на что посмотреть: великолепный парк с декоративными деревьями, многочисленными ручьями и прекрасные прудами, замок со сводами и подвалами орденского периода, фрески и богатая коллекция уникальной замковой серебряной посуды для пива и вина в виде охотничьих атрибутов.

В Нойхаузен из Кёнигсберга вела узкоколейная железная дорога. Станция у замка называлась «Нойхаузен-Тиргартен». Неприкосновенный для местных жителей заповедник располагался в окрестностях замка на 2 кв. км, где звери жили на воле, становится доступным и первым зоопарком, по крайней мере, появившимся намного раньше, чем в Кёнигсберге, – тиргартеном.

Замковый парк и лес у вокзала Нойхаузен-Тиргартен узкоколейки были излюбленным маршрутом экскурсий кёнигсбержцев. Посетители замка и зоосада могли отобедать и выпить кружку пива в знаменитом трактире «Айхенкруг», который разместился в бывшей мельнице, утратившей своё предназначение почти два века ранее.

Ещё в 1714 году этот трактир посетил сам король Фридрих Вильгельм I-й, который отметил в книге почётный гостей со словами «Виват Пруссия!».

Но вскоре зоосад, заложенный еще герцогом Альбрехтом в первой половине XVI века, был закрыт, и его территорию в XX веке начали застраивать небольшими жилыми домами (в том числе по проектам известного немецкого архитектора О. В. Куккука).

От старого Нойхаузена этот район отделялся речкой Мюленфлис.

Последним довоенным владельцем замка Нойхаузен был представитель семьи фон Массов. Фамилия происходит из померанского дворянского рода Массовов и известна Валентином фон Массов, которого кронпринц Фридрих Вильгельм высоко ценил как эксперта в области искусства и включил в круг своих приближённых. Массов приобрёл типично

бранденбургскую господскую усадьбу и в 1790—1795 планомерно занимался её капитальной реконструкцией в дворец Штайнхёфель, к этому проекту он привлёк Давида Жилли и его сына Фридриха Давида. «Образцовое поместье» Штайнхёфель оказало большое влияние на развитие новых художественных, ландшафтных и экономических идей в Бранденбурге.

Кронпринц и кронприцесса Луиза в 1794 году побывали с визитом в Штайнхёфеле и оказались настолько им очарованы, что поручили Массову переустроить их собственную летнюю резиденцию. Выйдя в отставку, принял должность обер-гофмаршала кронпринца и занимался обновлением интерьеров берлинского Дворца кронпринцев для будущего короля Фридриха Вильгельма III. Когда кронпринц взойшёл на трон в 1797 году, Массов получил дополнительную должность директора королевских дворцов и садов. https://reports.travel.ru/reports/2007/250607_1.html

В 1929 году в западном флигеле замка Нойхаузен произошёл мощный взрыв, причины которого непонятны. Глобальные разрушения западной части замка прервали экскурсии. Восстанавливать прежнее строение не стали, а построили что попроще. В древней части замка, построенной в середине XIV века, располагались помещения для совещаний и замковая часовня.

После отъезда представителя рода фон Массов замок Нойхаузен занял Эрих Кох.

В дальнейшем никаких перестроек замка не производилось, и в таком виде он сохранился до января 1945 года, когда здесь был оборудован опорный пункт фашистских войск.

Замком и городом овладели в ходе Восточно-Прусской операции 28 января 1945 года наши войска: 39-я армия частью сил 192-й стрелковой дивизии полковника Л. Г. Басанца 113-го стрелкового корпуса генерал-майора Н. Н. Олешева. Бомбовые удары, огонь орудий тяжёлой артиллерии, подрывание стен накладными зарядами во время штурма замка превратили большинство его сооружений в руины. После второй мировой войны замок, сильно повреждённый в ходе боевых действий, в течение ряда лет находился в заброшенном состоянии. В середине 50-х годов он был приспособлен для нужд Гурьевского СМУ треста «Совхозводстрой», ныне ПМК — 3 ПСПЭО «Калининградмелиорация».

Во время боевых действий 1945 года все постройки замка были сильно повреждены и в течение ряда лет пребывали в полуразрушенном состоянии.

В 50-х годах замок приспособили для нужд Гурьевского СМУ треста «Совхозводстрой». Во время ремонтных работ юго-восточную часть южного флигеля (жилая часть замка) фактически перестроили. В это же время почти полностью перестроили и западный флигель. Осмотр помещений замка показал, что наиболее сохранившаяся постройка орденового периода — восточная часть северного флигеля (2/5 от его общей длины).

Стены, возведенные на всю высоту до оборонительного хода из валунов и мелкого заполнителя, достигают толщины 2,5 м. Выше — кирпичная кладка с сохранившимися как внешними, так и внутренними бойницами. Северо-восточная часть флигеля пострадала во время Второй мировой войны, и второй этаж с наружной стороны перестроили. Выходящие во двор стены до уровня второго этажа также выложены из полевого камня, а второй этаж — из кирпича орденового периода. В восточной части северного флигеля сохранилось помещение со сводчатым потолком, колонной посередине и двумя стрельчатыми окнами. Такое же по размерам помещение с колонной и сводчатым потолком сохранилось и в западной части. Почти под всем флигелем проходит двухнефный подвал с двумя бочкообразными сводами.

Световые окна расширены в более поздние времена. В этом же флигеле на первом этаже уцелели прекрасные средневековые залы со сводчатыми потолками и колоннами.

Сейчас в них располагаются ремонтные мастерские. Подобные залы сохранились и на первом этаже западной части южного флигеля.

Хорошо сохранилось южное крыло, первоначально состоявшее из трех зданий, наиболее интересным из которых являлось здание «сторожки» XIV века.

В северном крыле располагались только хозяйственные помещения — кухня, пекарня, пивоварня, складские помещения и конюшня. С восточной стороны замка находилась мощная оборонительная стена, также перестроенная в неоготическом стиле, с новыми воротами и жилыми постройками.

В центре восточного крыла находился дошедший до нашего времени пропилей (ворота) с четырьмя необычайно изящными восьмигранными угловыми башенками. Полуциркульный проход имел на полевой

стороне нишу для подъёмной решётки. На дворовой стороне узор в виде сталактитовых натёков и струящихся лент, над ним имелось глухое окно. Башенки имели маленькие комнатки с крестовосводчатыми потолками. Между главным и оборонительным этажами южного крыла с двух сторон проходила узкая тесьма, которая прерывалась около башенок. Замки сводов ниш были сооружены, вероятно, во времена герцога Альбрехта.

Южнее замка, на противоположном от него берегу Мельничного пруда стояла Орденская мельница. Замок был окружён прекрасным замковым парком и охотничьими угодьями.

Замок Нойхаузен в городе Гурьевск является Объектом культурного наследия — памятником архитектуры Федерального значения.

Источники: Фритц Гаузе «КЁНИГСБЕРГ В ПРУССИИ.

История одного европейского города» и <https://gurpark.ru/istoriya-parka/>

18. Кирха «Нойхаузен».

черепичной крышей.

В 1350 году неподалеку от замка Нойхайзен была построена кирха, великолепно сохранившаяся и по сей день. Она сложена из булыжного камня, углы здания, оконные и дверные проемы выложены кирпичом в стиле североамериканской готики. Рядом ризница, с востока — фамильный склеп. С западной стороны башни позже были пристроены два мощных кирпичных контрфорса, покрытых

Своды и стены кирхи первоначально были украшены росписью и другими декоративными элементами. В XVI-XVII веках стены украшали изумительные фрески, посвященные библейским сюжетам. Фигуры святых поражали своей величием и красотой. Позже фрески закрашили и заштукатурили, однако до нас дошло имя мастера, руководившего оформлением, звали его Исаак Рига. По свидетельствам горожан еще в 30-40-х годах прошлого века фрески периодически проступали на стенах кирхи.

В 1945 году кирха была частично разрушена. Вскоре ее восстановили, и долгое время она служила клубом, а в 1993 году после кардинальной реставрации стала церковью новоапостольской общины.

В 1999-м году в Гурьевске началось строительство Храма Вознесения Господня, спроектированного в соответствии с русскими архитектурными традициями. Для Калининградской области это особенно значимо, так как большинство православных храмов размещено хотя и в довольно величественных, но все-таки готических кирхах, так как основу религиозной жизни здесь до 1945-го года составляли протестантизм и католичество. Городской храм в Гурьевске — один из немногих в регионе, имеющих ярко выраженные национальные черты не только во внутреннем убранстве, но и в архитектуре.

Строительство Храма Вознесения Господня было завершено в начале нынешнего века. Богослужения в нем начали проводить еще раньше — несмотря на то, что первоначально отсутствовали купола. К 2002 году были поставлены купола, которые венчают кресты.

На развилке к кирхе Нойхаузен расположен Мемориальный комплекс на братской могиле советских воинов, погибших при взятии города Нойхаузена в январе 1945 года (архитектор А.В. Марков, скульптор И.М. Гершбург). В настоящее время установлено 755 фамилий погибших воинов.

В лесопарковой зоне Гурьевска, рядом с замком Нойхаузен, находится природный памятник, которому более 500 лет — это дуб. Его охват составляет 7,6 метра. Многовековой дуб изображен на гербе города, символизирующий Гурьевск, как самый зеленый город в области.

Источники: <https://gurpark.ru/istoriya-parka/>

19. Кёнигсберг – столица библиотечной сокровищницы.

19.а. Серебряная библиотека.

Калининградские краеведы приводят интересные сведения: *«Супруга герцога Альбрехта Анна Мария Брауншвейгская доводилась мужу двоюродной внучкой (от общего предка Альбрехта Ахилла Бранденбургского, но от разных его жен). От жены Анны Саксонской произошел Альбрехт, герцог Прусский, а от жены Маргариты Баденской – супруга герцога Анна Мария. Любопытно, что вторая жена Альбрехта Анна Мария доводилась двоюродной племянницей первой жене – Доротее».*

Но всё же главное, что имя Анны Марии навсегда вошло в историю своей связанностью с Серебряной библиотекой, философские труды которой вобрали мудрость предшествующих веков. И частичку этой мудрости несомненно неслла в себе Анна Мария.

Мы успели поведать, что знаменитое собрание книг стало именоваться «Серебряной»

библиотекой после того, как произведения теологического характера и философские трактаты приобрели переплеты из легкоплавкого серебра способом литья. Эта библиотека принадлежала Анне Марии и являлась её приданым, среди которых была книга о супружестве Элизабет фон Брауншвейг-Люнебург для своей дочери Анны Марии («Материнское наставление для Анны Марии, герцогини Прусской»).

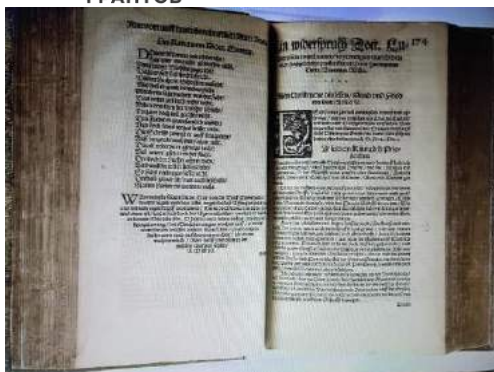

Как пишет Авенир Овсянов в статье об утерянных художественных ценностях, серебряные переплеты книг были *«с чеканкой и объемной резьбой в виде художественных изображений портретов герцога и герцогини в круглых полях, фигур блаженных и муз, эпизодов из Библии и богатых орнаментов в манере арабески. При этом были использованы гравюры по меди и на дереве, выполненные датским мастером Якобом Бинком. Книги Серебряной библиотеки затем были переданы для золочения. Библиотека, которую по праву*

можно было назвать и золотой, получила мировую известность. В её состав несколько позднее вошла и единственная в своем роде книга, написанная на тонких серебряных листах. Она стала главной достопримечательностью обширных замковых художественных собраний».

А. Овсянов. У них есть Родина. «Запад России», № 4, 1993.

Под 20 переплетами книг Серебряной библиотеки содержалось 27 печатных изданий и одна рукопись, которую привезла в Кёнигсберг Анна Мария. Это были наставления ее матери, герцогини Элизабет фон Брауншвейг-Люнебург, принцессы Бранденбургской, написанные для брата Анны Марии, Эриха II.

Книги-фолианты представляли собой сборники евангельских текстов, переведённых на немецкий язык с латыни Андреасом Осиандером (1498–1552) — учёным, церковным деятелем, стоящим у истоков движения протестантизма. Переплёты книг были покрыты серебром с оригинальным резным орнаментом, выполненным нюрнбергскими и кёнигсбергскими мастерами.

По распоряжению герцога переплёты книг, примерно, с 1550 по 1564 годы были отделаны серебряными пластинами с орнаментальной гравировкой, украшены серебряными застёжками и петлями. Альбрехт поручает трём нюрнбергским ювелирам Паулю Хоффману, Герхарду Ленцу и Иеронимусу Кёслеру украсить серебром с добавлением золота три обложки из 20 томов. Примечательно, что все серебряные оклады, за исключением трех, привезенных из Нюрнберга, были изготовлены кёнигсбергскими мастерами. В итоге, эта коллекция книг стала отличным примером высокого исполнительского уровня мастерства золотого и серебряного книжного переплёта в стиле раннего Ренессанса во всей Европе.

Одним из кёнигсбергских ювелиров был Иеронимус Кеслер, который работал в Кёнигсберге в 1550–1565 годах. Его руке приписывают отделку семи книг.

На одном из томов изображены портретные медальоны герцога и Анны-Марии. Этот оклад был выполнен в 1552–1562 годах для книги *«Целебное и полезное объяснение господина Йоганниса Брентьи о катехизме, переведённое на немецкий язык Хартманном Байером»*. Канон изображений этого медальона, как и других мотивов Серебряной библиотеки, приписывают уже упомянутому Якобу Бинку, так как изображение герцога в латах с поднятым мечом идентично его портрету на портале южного крыла, датированному 1551 годом.

Автором ещё трёх окладов считается Пауль Хоффман, который вместе со своим братом Кристианом, занятым на строительстве собора, прибыл из Базеля и имел в 1538–1559 г. в герцогском городе ювелирную мастерскую. Одна из его работ — оклад для переплетённых вместе печатных изданий Иоганна Бренца: *«Книги об истории апостолов»* и *«О чудесном воскресении и вознесении на небо господина нашего Иисуса Христа»*. На нём изображены четыре евангелиста в кельях за созданием Священного Писания, а в центре — медальон с барельефной фигурой воскресшего Христа.

Герхардт Ленц, работавший в 1550–1570 гг. в Кёнигсберге, изготовил пять окладов. Примером его художественного мастерства может служить изображение Мельпомены, музы пения и трагедии, под полуциркульной аркой с балдахином в форме раковины. Оно датируется 1550 г. и украшает без какой-либо содержательной связи книгу Дитриха Вейта «Сборник воскресных проповедей для детей и праздники Евангелия на весь год». Над окладами работали и такие известные мастера, как Корнелиус Форвенд и Кристоф Риттер из Нюрнберга.

Несмотря на участие в создании переплётных нескольких художников, во всех книгах в качестве орнамента использованы арабески. Арабески не редки в искусстве Ренессанса, но их исключительное применение, видимо, доказывает, что существовала единая концепция декора для всех томов. То же можно сказать и об использовании вписанной в прямоугольное поле ниши с круглой аркой аллегорической женской фигуры. Этот приём изображения нельзя назвать новаторским, он соответствовал методу, использовавшемуся в то время в гравюрах. По сравнению с работами, выполненными в таких центрах художественного ремесла, как Нюрнберг или Аугсбург, их можно охарактеризовать как простоватые, неуклюжие.

Но уже из-за объёма полностью закованных в металл книг, толщина которых достигала 30–35 см, Серебряную библиотеку можно считать необычным для своего времени явлением, представляющим определённую ценность. После смерти герцогской четы подобные оклады, видимо, больше не создавались.

Серебряная библиотека была передана 20 августа 1611 года в Замковую библиотеку, расположенную в северном крыле, и тщательно оберегалась. Во время нахождения в Кёнигсберге русских войск в 1758–1762 гг. книги в целях безопасности были увезены в Кюстрин, а в 1807–1813 гг., когда в Кёнигсберге находились французы, библиотеку спрятали в Мемеле.

Посетивший в 1789 году Кёнигсберг двадцатитрёхлетний Николай Карамзин не преминет отметить в «Письмах русского путешественника» «В старинном замке, или во дворце, построенном на возвышенности, осматривают путешественники цейхгауз и библиотеку, в которой вы найдете несколько фолиантов и квартантов, окованных серебром».

В послевоенное время местонахождение этого уникального книжного собрания оставалось неизвестным. Причем полной ясности в этом вопросе нет до сих пор даже у специалистов. Так, главный печатный орган российских библиотекарей журнал «Библиотека и время» (№ 4 за 2003 г.) поместил статью сотрудника Научной библиотеки Калининградского университета И. Ф. Сябарева, в которой утверждается, что «в 1945 г. «Серебряная библиотека» исчезла и судьба ее до сего дня не известна».

К счастью, по крайней мере 15 томов сохранились до сегодняшнего дня — 12 из них находятся в библиотеке Торуньского университета имени Н. Коперника и по одному — в Национальной библиотеке Варшавы, в музее Вармии и Мазуров в Ольштыне, в Государственном Художественном собрании в замке Вавель в Кракове.

Оказывается, еще в 1947 году, в районе города Пасленк (Пройссиш Холланд), расположенном приблизительно в ста километрах южнее Эльблонга, были обнаружены спрятанные немцами 14 серебряных фолиантов из собрания герцога Альбрехта. Эти раритеты были переданы на

хранение в библиотеку Торуньского университета. В 1949 году, во время переезда университетской библиотеки в новое здание, одна из этих бесценных книг была похищена, её обложка потом была найдена и находится в музее Вавеля в Кракове. Позднее, в середине 50-х, другой фолиант был передан Торуньским университетом в Варшаву, в Национальную библиотеку. Таким образом, сейчас в Торунь хранятся 12 серебряных книг из 20. И еще одна книга была куплена у частного лица в 1980-е годы и находится в Ольштыне.

Местонахождение оставшихся пяти экземпляров Серебряной библиотеки неизвестно, хотя существуют мнения, что они по-прежнему находятся на территории Калининградской области. Предположительно, они до сих пор находятся в частных коллекциях.

Кёнигсберг был одним из самых богатых библиотечных центров на востоке Германии. Кроме крупных общественных библиотек город располагал также многочисленными частными книжными собраниями. В Кёнигсберге публичные библиотеки стали открываться в середине XVI века.

Значительным книжным фондом по всем разделам знаний располагала Замковая библиотека, включавшая также собрание, завещанное князем Богуславом Радзивиллом (1620–1669).

Замковая библиотека получила своё название в 1583 году, после передачи в ведение церкви герцогской библиотеки, которая к началу XVII века насчитывала несколько тысяч томов. В её описи, составленной 6 октября 1758 г., содержатся 5994 наименования книг и 516 рукописей.

Данным повествование отдадим должное уважение второй герцогине Прусской Анне Марии Брауншвейгской, отличавшейся глубоким умом и строгостью, равнодушием к красоте и мудрости, положившей начало своим приданным – собранием сочинений – коллекции из произведений книжного искусства: переплеты, инкрустации обложки, выделка и

роспись страниц...

По материалам статьи Елены Котовой «Библиотечные сокровища Янтарного города. История, создатели и судьба книжных хранилищ».

19.b. Замковая библиотека

Первая библиотека, в нашем понимании этого слова, в Кёнигсберге была основана первым герцогом Пруссии Альбрехтом. Она находилась в Замке и стала одной из самых ранних публичных библиотек в Европе.

Основные фонды этой библиотеки формировались самим герцогом Альбрехтом. В 1525 году он основал камерную так называемую

«немецкую библиотеку», в 1529 году — «латинскую библиотеку» из 68 книг на латинском и греческом языках. И это по тем временам было немало, учитывая очень высокую стоимость тогдашних печатных изданий. Эти первые приобретения легли в основу латинского отдела герцогской библиотеки. Собрание располагалось в специально оборудованной комнате над воротами замка. Через пять лет, в 1534 году, библиотека уже обслуживала узкий круг образованных придворных, священнослужителей и прочую изысканную публику. В книгохранилище стали поступать книги из ликвидационных монастырей (ввиду церковной реформации), административных учреждений распавшегося Тевтонского ордена, из частных собраний. Её общедоступность приобрела особо важное значение в связи с созданием в 1544 году Кенигсбергского университета.

Первым герцогским библиотекарем был голландский беженец Ф. Кёниг. В 1527 году был назначен директор библиотеки по имени Полифем, которому было дано распоряжение незамедлительно приступить к закупке книг.

В 1540 году библиотека в Кёнигсбергском замке стала общедоступной, а ежегодный прирост книг составлял 3–4 тысяч томов.

В 1583 году герцогская библиотека была передана в ведение церкви и получила название Замковой библиотеки.

К началу XVII века она насчитывала несколько тысяч томов.

При формировании Замковой библиотеки особую ценность приобрела так называемая Серебряная библиотека. Библиотека второй супруги герцога Анна Марии Брауншвейгской была передана в Замок 20 августа 1611 года и хранилась в северном его крыле.

Значительным книжным фондом Замковой библиотеки по всем разделам знаний располагало собрание, завещанное князем Богуславом Радзивиллом (1620–1669). В её описи, составленной 6 октября 1758 года канцелярией русского генерал-губернатора, содержалось 5994 наименования книг и 516 рукописей.

Библиотека занимала нижний этаж главной башни замка, наверху которой помещалась пожарная каланча. Книгохранилище насчитывало 16 тысяч томов.

«Наизнаменитейшим из всех в Кенигсберге находящихся зданий можно почестъ так называемый Замок, или дворец прежних герцогов прусских. Огромное сие, и, по древности своей, пышное здание воздвигнуто на высочайшем бугре, или холме, посреди самого города находящегося. Оно сделано четверугольное, превысокое и имеет внутри себя четверостороннюю, нарочито просторную площадь и придает всему городу собой украшение, и тем паче, что оно со многих сторон, а особенно из-за реки, сверх всех домов видимо.

В одном из четырех его боков, или фасов, во втором этаже находятся старинные герцогские покои, состоящие во многих залах и пространных комнатах,

которые и в нашу еще бытность обиты были теми старинными ткаными обоями, которые находились еще в то время, когда в оных приниман был государь Петр I, когда он путешествовал с Лефортom по разным землям в посольской свите, и в коих покоях имеют пребывание свое прусские короли, когда они, по вступлении на престол,

приезжают в Кенигсберг для принятия присяги, которая пышная церемония производится на помянутой внутри сего замка находящейся площади; а в прочее время живали в сих покоях главные правители и командиры над войсками, в сем королевстве находившимися, как и перед вступлением нашим жил в оных фельдмаршал их Левальд.

Со всем тем во всех сих покоях не только нет никакого дальнего в убранствах великоления, но они низковаты, темны и крайне невеселы, что, может быть, и подало повод прежним государям прусским один и лучший угол сего замка переделать и прибавить еще вверх два огромных этажа. Но неизвестно для чего оба сии этажа остались как-то неотделанными совсем, а только отработанными вчерне, и уже

мы в последующие годы постарались сами один из сих этажей отделать и убрать так, что не постыдно было никому, и даже самим королям, в нем жить.

В нижнем этаже сего фаса находились кладовые, кухни, караульни и, наконец, на углу самая та камора, в которую я хаживал.

Оба другие и боковые фасады содержали в себе множество покоев, стоящих отчасти впусе, отчасти занятых разными гражданскими главными правительствами и присутственными местами, а иные покои служили вместо магазинов для разных поклаж.

Что ж касается до последнего и четвертого фаса, лежащего насупротив герцогских покоев, то вся внутренность его занята одной преогромной величины киркой, или придворной церковью, в которой в каждое воскресенье отправлялась два раза божественная служба и собиралось великое множество народа.

Наконец, на одном углу сего фаса воздвигнута превысочайшая и претолстая четвероугольная башня, не имеющая никакого шпика и купола. На плоском ее верхе выставлялось только большое знамя или флаг. Тут, под самым верхом, сделаны небольшие покойцы, и в них имеют всегдашнее жительство несколько человек трубачей и других музыкантов.

Должность их состоит в том, чтобы содержать на верху сей башни непрерывный караул и смотреть, не сделается ли где пожара, который как скоро они усмотрят, то того момента начинают играть на своих трубах особливые пожарные и набатные штуки, и дабы народ издали мог видеть и знать, в которой стороне пожар, то днем в ту сторону наклоняют упомянутое знамя, а в ночное время высовывают в ту сторону шест с висящим на нем большим фонарем, через что народ и

узнает, в которую сторону должно ему бежать для погашения пожара. Сие случалось самим нам видать при бывших при нас несколько раз пожарах, и признаться надобно, что учреждение сие у них похвально и хорошо».

Известный русский писатель XVIII века, учёный-энциклопедист Андрей Тимофеевич Болотов в своём жизнеописании оставил свидетельства о Восточной Пруссии и Кёнигсберге времён Семилетней войны.

Благодаря германофильству своего отца, офицера аннинской гвардии, Болотов владел немецким языком, и поэтому был взят письмоводителем и переводчиком в русскую канцелярию Восточной Пруссии в Кёнигсберге. Кёнигсберг стал поворотным моментом в жизни Болотова: здесь он прочел книги, которые считал наиболее важными для формирования своей жизненной философии («Теорию приятных и неприятных ощущений» И.Г. Зюльцера и «Две книги о

спокойствии и удовольствии человеческого» И.А. Гофмана) и посещал лекции магистра Кёнигсбергского университета Веймана, познакомившие его с философской системой Х.А. Крузия. В Кёнигсберге началось увлечение Андрея Тимофеевича садово-парковым искусством. Проведя почти четыре года в столице Восточной Пруссии, Болотов полюбил прогулки в публичных и частных садах Кёнигсберга, о которых впоследствии неоднократно вспоминал в своих записках.

Регулярные сады, которые ему довелось посещать, произвели на него столь сильное впечатление, что он даже нарисовал план маленького регулярного садика и с подробной инструкцией отправил его своим крестьянам, чтоб они насадили такой сад у него в имении.

Пребывая в Кёнигсберге, Болотов познакомился с современной европейской экономической (относящейся до ведения хозяйства в широком смысле) литературой.

В бытность службы в канцелярии Андрей Тимофеевич посещал библиотеку Замка и оставил следующее её описание: *«Кроме сего, примечания достойно, что под сей башней и в самом сем угле находится у них публичная и старинная библиотека, занимающая несколько просторных палат и наполненная несколькими тысячами книг. Книги сии по большей части старинные и отчасти рукописные; и мне случалось видеть очень редкие, писанные древними монахами весьма чистым и опрятным полууставным письмом, украшенным разными фигурами и украшениями из живейших красок, а что того удивительнее, то многие из них прикованные к полкам, на длинных железных цепочках, на тот*

конец, дабы всякому можно было их с полки снять и по желанию рассматривать и читать, а похитить и с собой унести было бы нельзя. Библиотека сия в летнее время в каждую неделю в некоторые дни отворялась, и всякому вольно было в нее приходить и хотя целый день в ней сидеть и читать любую книгу, а наблюдали только, чтоб кто с собой не унес которой-нибудь из оных, и дабы чтением сим можно было б удобнее всякому пользоваться, то поставлены были посреди палаты длинные столы со скамейками вокруг, и многие, а особенно ученые люди и студенты, и действительно пользовались сим дозволением, и мне случалось находить их тут человек по десяти и по двадцати, упражняющихся в чтении».

С 1766 по 1772 годы помощником библиотекаря в Замке Кёнигсберга работал Иммануил Кант. В октябре 1765 году Кант узнал, что освобождается место помощника библиотекаря в Замке. На эту должность было несколько претендентов, но Кант напомнил о правительственном обещании оказать ему предпочтение и такой случай представился в 1766 году. Канту было предоставлено место помощника библиотекаря в королевской замковой библиотеке. Место это оплачивалось более чем скромным жалованием — 62 талера в год. В королевском приказе о назначении Канта сказано, что место это предоставляется *«искусному и прославившемуся своими учеными сочинениями магистру Канту»*. В феврале 1766 года он приступил к новой работе, совмещая преподавание от университета. Времени библиотека

у знаменитого кёнигсбержца отнимала не много — она была открыта только по средам и субботам с часу дня до четырёх.

Об условиях работы в библиотеке даёт представление такой штрих. В рекомендательном письме другого претендента, подавшего вместе с Кантом заявление на библиотечарскую должность, говорилось, что он может работать в неотапливаемом помещении библиотеки даже во время самых сильных морозов. Эту способность пришлось, по-видимому, выработать и принятому на должность Канту.

Кант проработал в замковой библиотеке более 6 лет, и известно, что он относился к работе как к лучшему способу наслаждения жизнью.

20 августа 1770 года стал знаменательным днём в жизни Канта. Канту 46 лет, и он публично защищает сочинение, представленное им для получения профессорской кафедры, *«О форме и принципах чувственного и умственного мира»*. Год 1770-й во всех отношениях может считаться поворотным в жизни Канта. Мыслитель постепенно освобождается от работы библиотечаря, и вступает сначала в университетский сенат, затем дважды подряд

избирается на пост ректора университета и с 1792 года является сеньором (старшиной) философского факультета и целого университета.

В 1731 году напротив Принценштрассе (ныне за домом на ул. Фрунзе, 37-41) было построено здание для Фридриха Вильгельма I, получившее название «Королевский дом». В 1810 году дом передали Замковой библиотеке, и она переехала в это помещение. Какое-то время библиотека продолжала по традиции называться Замковой, хотя находилась уже вне замка.

В 1821 году в библиотеку влились книги, уцелевшие от пожара в библиотеке графов Кайзерлингов в городе Раутенберге. Кайзерлингская библиотека принадлежала известному семейству графов Кайзерлингов, которые обосновались в Кёнигсберге в 1755 году.

Во Дворце Муз на берегу Замкового пруда одной из образованнейшей женщины своего времени Каролины фон Кайзерлинг, хозяйки светского салона – центра культурной и интеллектуальной жизни Кёнигсберга, бывали музыканты и учёные, представители дворянства и приезжие знаменитости.

Граф Генрих Христиан фон Кейзерлинг и графиня Каролина Амалия

Посещали светские вечера графини Иммануил Кант, русский принц Павел, литератор Екатерина Романовна Дашкова, писатели, художники, царственные особы.

Когда наследники продали дворец, король Фридрих Вильгельм III приобрёл его для государственных нужд, а книжное собрание передал в Замковую библиотеку.

В 1828 году Замковая библиотека объединилась с библиотекой Альбертины и стала Государственной университетской библиотекой.

По материалам статьи Елены Котовой «Библиотечные сокровища Янтарного города.

История, создатели и судьба книжных хранилищ» и

издания «А.Т. Болотов в Кенигсберге

(Из записок А. Т. Болотова, написанных самим им для своих потомков)».

19.с. Университетская библиотека

Библиотека Альбертины была основана в 1544 году. Герцог Альбрехт пожаловал университету собственное собрание книг, а также книги и рукописи из бывших орденских и монастырских библиотек. После объединения с Замковой библиотекой, в Университетской оставались только древние рукописи.

В 1900 году в Государственной университетской библиотеке насчитывалось около 300 000 книг, и старое здание не отвечало требованиям хранения. Для нее было построено новое здание на Миттельтрагхайм, куда в начале нашего века и переехала Университетская библиотека. Вместе со всеми библиотечными фондами в новом помещении оказалась и ценная

Серебряная библиотека.

В 1908 году в Государственную университетскую библиотеку была передана часть уникальной Валленродской библиотеки. Своим основанием Валленродская библиотека обязана представителю старинного дворянского рода Прусского герцогства — канцлеру Мартину фон Валленродту (1570–1632).

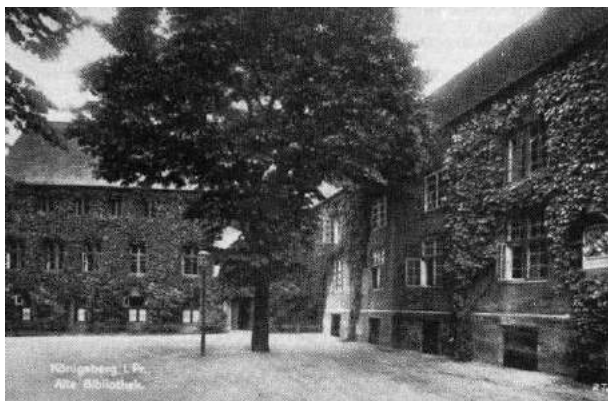
Валленродская библиотека (Wallenrodtschen Bibliothek) пополнялась несколькими поколениями семьи. В ней сосредотачивались не только книги самого разнообразного содержания, но и рукописи, монеты, научные приборы, произведения искусства, диковинки природы. Отдельной публикацией мы расскажем об уникальной, хранившейся в Кафедральном соборе, библиотеке и её создателях.

Государственная университетская библиотека усиленно пополнялась. К 1930 году в ней было более 500 000 томов, 28 000 редчайших рукописей, кроме того, университетские диссертации и нотные альбомы. В 1939 году в библиотечном фонде насчитывалось 685 000 книг.

По материалам статей Елены Котовой «Библиотечные сокровища Янтарного города. История, создатели и судьба книжных хранилищ»

19.d. Городские библиотеки

В предвоенные годы в Кёнигсберге функционировала, помимо Государственной Университетской на Миттельтрагхайм, Городская библиотека в здании бывшего университета на острове Кнайпхоф. Создана она была известным учёным-богослов Иоганном Полиандером (1487–1541), который завещал своё собрание книг кёнигсбергскому Альтштадту. В 1628 году для библиотеки

построили специальный дом, но прошло около ста лет, прежде чем она стала общедоступной. Помимо книг И. Полиандера, библиотека, которая получила статус городской, вобрала в себя собрания советника-секретаря Х. Варча, бургомистра Т. Гиппеля, советника Хенше, мецената Р. Райке и других горожан.

Потом она переместилась в здание альтштадтской ратуши, в 1810 году поселилась в Замке, а в 1875 в помещении старого университета на острове Кнайпхоф. К 1939 году в городской библиотеке Кёнигсберга насчитывалось 106 000 книг.

Кроме Государственной университетской и Городской библиотек, многочисленных частных книжных собраний Кёнигсберг располагал публичными библиотеками, которые стали открываться в середине XVI века. Перечислим некоторые – «Старая

Пруссия» на Кёнигштрассе; Военная библиотека на Фридрихштрассе, 13; народные библиотеки — пять адресов; народные библиотеки с читальными залами — два адреса; специальные библиотеки при институтах Кёнигсбергского университета; читальный зал Союза ремесленников; библиотека Хартунга; читальный зал собрания искусств в Замке; читальный зал в Академии искусств и другие библиотеки.

Кёнигсберг был одним из самых богатых библиотечных центров на востоке Германии.

Судьба кёнигсбергских библиотек печальна. Во время войны подавляющее большинство книг сгорело, почти все здания были разрушены. Жалкие остатки книжных собраний проявлялись очень робко...

Из «Серебряной библиотеки» сохранились, к счастью, обнаруженные в 1947 году в районе города Пасленк (Пройссиш Холланд), по крайней мере 15 томов — 12 из них находятся в библиотеке Торуньского университета имени Н. Коперника и по одному — в Национальной библиотеке Варшавы, в музее Вармии и Мазуров в Ольштыне, и в Государственном Художественном собрании в замке Вавель в Кракове.

Долгое время столь же туманной оставалась судьба Валленродской библиотеки и многих других культурных ценностей, вывезенных после войны из Восточной Пруссии. Сам факт вывоза был известен, но далее следы терялись. Это походило на мистику: значительная часть коллекции странным образом куда-то «испарилась».

А ведь некоторые из них были совсем рядом, в том числе в России. Так только в начале 1980-х в хранилище трофейных книг в усадьбе Узкое под Москвой было обнаружено около 300 томов Валленродской библиотеки. Тогда же эти раритеты были возвращены в Калининград, и сейчас они находятся в Музее Иммануила Канта в Кафедральном соборе.

Дальше — больше: свыше тысячи томов «валленродских» книг было выявлено в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге. <https://ria.ru/20140901/1021950932.html>

В этом собрании имеются 12 инкунабулов, среди которых выделяется «Пятиязычная Библия», напечатанная в 1483 году в Нюрнберге у знаменитого немецкого издателя XV века Антона Кобергера, а также 14 изданий

голландской фирмы Эльзевиров. Эти книги — настоящие шедевры полиграфического искусства.

В начале 2000-х годов в рамках проводимой министерством культуры РФ инвентаризации переметенных культурных ценностей, был выявлен еще один массив «валленродских» книг. На этот раз в фондах Государственной публичной исторической библиотеки. В московской Валленродиане удалось насчитать 67 так называемых палеотипов — редких европейских печатных книг, изданных в первой половине XVI века (известен даже точный временной отрезок: с 1 января 1501 гола по 1 января 1551-го). Ввиду особой ценности эти книги служат предметом специального собирания и каталогизации. Исключительно большую ценность представляют также книги, изданные в XVII веке на территории Речи Посполитой, на польском и литовском языках. Правда, их не так много.

Конечно же, очень жаль, что такое всемирно известное книжное собрание раздергано на части и находится в разных местах. «Валленродские» книги безусловно следует собрать воедино. Таким единым местом хранения логично было бы сделать их «историческую родину» — тот же Калининград, Музей Канта. Но это, естественно, вопрос непростой, и решение его — дело будущего.

Немного старых немецких книг из кёнигсбергских библиотек хранится в калининградской областной библиотеке. Наши коллекционеры иногда обнаруживают книги из Кёнигсберга в антикварных магазинах Москвы и Петербурга, в комиссионных магазинах других городов. Значит, кто-то успел спасти некоторые экземпляры, но это, скорее, исключение. А подшивки кёнигсбергских газет и поныне хранятся в Государственной Берлинской библиотеке.

Над входом в одну старинную библиотеку в Западной Европе, сохранившуюся с 1459 году, висит надпись: *«Это не людское жилье, обильное, безукоризненное и беспорочное; это чистилище человеческих дум, делающее способным к труду. Кафедра жизни, седалище ценных суждений, очищение от невежества».*

История всемирно знаменитых и как будто бы обычных библиотек с богатыми ресурсами, собираемыми веками(!), ещё ждёт своих исследователей. Но уже сегодня очевидно, как сильно повлияли эти библиотеки на формирование культурного пространства региона, как много они значили в духовной жизни Кёнигсберга, и каким замечательным наследием обладают жители современной Калининградской области.

Воспроизводить культурные традиции предшественников, и прежде всего, уважительное отношение к Книге и Чтению — сегодня одна из важных задач библиотекарей XXI века.

По материалам статей Елены Котовой «Библиотечные сокровища Янтарного города. История, создатели и судьба книжных хранилищ» и Николая Петровского «Утраченные культурные ценности РФ».

19.e. Валленродтская библиотека

Книги из собрания кёнигсбергских дворян Валленродтов, или Валленродианы, как и некоторые другие книжные собрания, поступившие после Второй мировой войны в Библиотеку Академии наук (БАН), не хранятся отдельной коллекцией. Следует специально отметить, что та часть Валленродианы, которая находится в иностранном фонде Научно-исследовательского отдела редкой книги,

расположена по расстановочным форматам, принятым в Академической библиотеке еще с XVIII в. (octavo, quarto, folio, gross folio).

В большинстве своем книги Валленродианы, представленные ныне в БАН, относятся к XVI—XVIII вв., хотя среди книг собрания есть небольшое число инкунабул, представляющих раннюю эпоху книгопечатания, т. е. XV в., и изданий, относящихся к началу XIX в. Общее количество отдельных издательских единиц постоянно корректируется, поскольку зависит от изучения и описания большого числа томов-конволютов — излюбленной формы хранения различных малообъемных материалов

XVI—XVII вв.

Книги Валленродианы поступили в Библиотеку Академии наук СССР после окончания Второй мировой войны. Как известно, в перемещении культурных ценностей во время Второй мировой войны приняло участие большинство государств, участвовавших в конфликте.

Многие библиотеки, находившиеся на территории стран, где происходили военные действия, в том числе и частные, перешли в другие руки. Но при перемене владельцев и, главным образом, места хранения ни одно книжное собрание не перешло на другую территорию или к другому владельцу в том виде, в каком оно сохранялось раньше.

Обычным явлением при перемещении каких-либо библиотек является уменьшение общего числа книг при попадании в другое хранилище. Единые прежде книжные фонды дробились, распределялись между библиотеками, часто даже в разных государствах.

Так произошло и с Валленродтианой, которая ныне рассредоточена между библиотеками России, Германии, Польши, Литвы и Финляндии. Большая часть книг Валленродтов из Кёнигсберга (с 1946 г. — Калининграда) хранится в БАН и в других библиотеках страны. Самая старая часть Валленродтского собрания начиная с 1954 г. вносилась в инвентарные книги сектора редкой книги, однако из-за

отсутствия места в хранилище редких книг в этот период отбирались только редкие издания XVII в. Из-за подобной практики комплектования фонда редкой книги до конца 1950-х гг. дублетные издания XVII—XVIII вв. из Валленродтского собрания передавались в другие библиотеки страны. Возможно и то, что отдельные экземпляры из Валленродтианы могут оказаться среди изданий, некогда отправленных в бывшие союзные республики.

Если упомянуть некоторые другие российские библиотеки, где можно встретить Валленродтиану, то часть книг гуманитарного профиля была передана в библиотеку Отделения общественных наук Академии наук СССР, затем преобразованную в Фундаментальную библиотеку общественных наук (ФБОН). Ныне эта библиотека известна как московский Институт научной информации по

общественным наукам (ИНИОН), в котором старая западноевропейская книга, в том числе и немецкая, заняла второстепенное положение.

Также часть Валленродтианы попала в Библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ). После изменения статуса ФБОН старопечатные западноевропейские книги оказались невостребованными. Особенно это касалось нешифрованных фондов. В связи с этим в 1983 г. заведующая библиотекой ИНИОН И. Н. Воскресенская обратилась в дирекцию БАН с предложением принять на хранение редкие книги ФБОН из нешифрованного фонда.

В 1980 — начале 1990-х гг. ИНИОН передал в БАН более 4000 старопечатных западноевропейских книг, в том числе и часть книг XVI—XVIII вв. из Валленродтского собрания.

Одновременно ИНИОН завязал контакты с Калининградским государственным университетом им. Канта, которому были переданы книги из Валленродтианы XVIII — начала XX в. Таким образом, в настоящее время большая часть библиотеки Валленродтов, поступившая в Академию наук, хранится в Научно-исследовательском отделе редкой книги БАН в Санкт-Петербурге, остальные — в ИНИОН и в ВГБИЛ в Москве, а также в университетской библиотеке и в музее Канта в Калининграде.

В 1980—1990-х гг. в нашей стране тема Валленродтианы особого интереса не вызывала, тогда как в г. Оснабрюке (ФРГ) в связи с проектом профессора Клауса Гарбера к немецким книжным собраниям, находящимся за пределами Германии, проявлялось большое внимание. Этот проект был посвящен составлению общеевропейского каталога немецкой казуальной литературы. В результате возник большой интерес и к библиотеке Валленродтов, в составе которой находилось множество изданий речей и стихов «по случаю», опубликованных немецкими, в большом числе кёнигсбергскими, типографами. Благодаря участию в проекте К. Гарбера и сотрудников БАН — Е. А. Савельевой и Г. Н. Питулько — появились первые публикации о редких изданиях Валленродтианы как на русском, так и на немецком языках.

Старинные конволюты и аллигаты LIBRIS.CLUB

По предварительному подсчету, в БАН выявлено более двух с половиной тысяч изданий Валленродтского собрания, которые собраны в многочисленные тематические конволюты. Меньше всего в собрании академической библиотеки изданий XIX в. — всего пять томов, и среди них особый интерес представляют записки французского маршала Мишеля Нея о Наполеоне. Инкунабулы насчитывают 6 томов (12 издательских единиц);

книги XVI в. — более 270 томов; XVII в. — более 350 томов (более 1400 издательских единиц); XVIII в. — около 100 томов.

Как уже упоминалось выше, книги Валленродтианы не хранятся как специально выделенная коллекция, как, к примеру, книги из библиотеки тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского, и разделяются по четырем расстановочным форматам иностранного фонда НИОРК. Издания распределяются по форматам следующим образом: формат в развернутый лист (folio maximum) насчитывает 83 книги, формат в лист (folio) — 185, формат в четвертую долю листа (quarto) — 222 и формат в восьмую долю листа (octavo) — 360, т. е. всего 850 томов, включая конволюты. На деле, как показала практика, число самостоятельных изданий, вошедших в конволюты, существенно увеличивает это число.

Собиратели Валленроддианы и другие владельцы книг, передававшие свои экземпляры в эту библиотеку, оказались большими любителями томов-конволютов, состоявших из нескольких единиц и доходивших до более двухсот изданий. Кроме того, в конволюты объединяли мелкие издания и некоторые издатели.

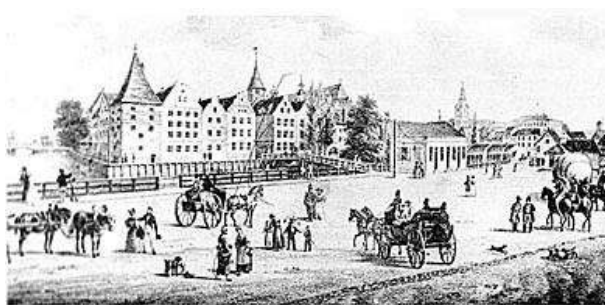
Следует специально остановиться на характеристике валленродтских конволютов.

Эти конволюты собирались специально для Валленроддианы, по-видимому, в середине XVII века Эрнстом фон Валленродтом или же первыми владельцами этих объемных томов, впоследствии оказавшихся в составе Валленродтской библиотеки. Чаще всего конволюты содержат разнообразные казуалии — речи и стихи по какому-либо случаю.

Конкретной темой подобных сочинений, как правило, служили события из жизни тех лиц, которым посвящались эти произведения. Создается впечатление, что подобные сочинения в разных областях Германии в XVI—XVII вв. сопровождали как известных, так и малоизвестных лиц от рождения до самой смерти. Однако наибольшее внимание уделялось теме переселения лиц в мир иной.

Именно в середине XVII в. в Германии развивается специфический литературный жанр погребальных стихов. Особое место среди известных поэтов, зарекомендовавших себя в этом жанре, занимал профессор Кёнигсбергского университета Симон Дах.

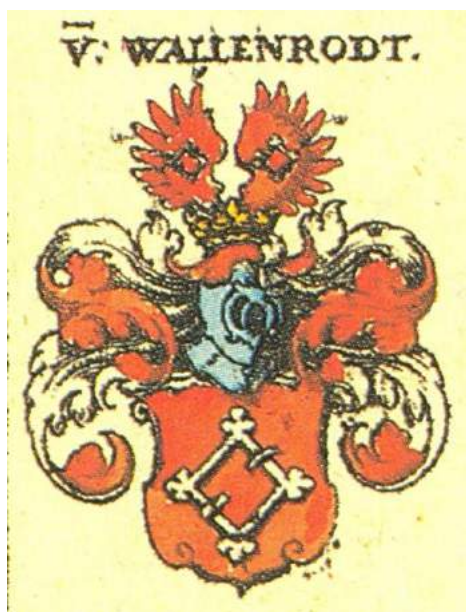
Конволюты Валленроддианы часто являются единственными печатными «свидетелями» чрезвычайных событий в жизни городов, в которых печатались эти сочинения, например, чумы, являвшейся в те времена частой гостьей. Иногда только эти подборки служат убедительным доказательством таких

происшествий, как, например, конволют, содержащий документы о чуме в Кёнигсберге в 1646—1648 гг. Другой популярной темой конволютов были подборки разного рода диссертаций и диспутаций, защищенных в немецких университетах в XVII—XVIII вв. Главными направлениями дискуссий и обсуждений были работы по теологии, юриспруденции, медицине и философии.

Источник: «Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН: Каталог книг формата "in quarto"», 2020 года. Введение.

20. Коллекция книг дворянского рода Валленродтов

Библиотека известного в истории Германии древнего рода Валленродтов в Кёнигсберге формировалась на протяжении нескольких столетий. Ее начало было положено в 1613 г. Среди самых ярких владельцев-библиофилов этой династии выделялись основатель библиотеки Мартин фон Валленродт (1570—1632), его сын Иоганн Эрнст Валленродт (1615—1697) и его кузен-соправитель Эрнст Валленродт, чья жизнь и деятельность тесно связаны с общественной жизнью Кёнигсберга.

Иоганн Эрнст Валленродт был вторым куратором библиотеки и приложил много стараний для того, чтобы она стала гордостью Кёнигсбергского университета. Он находился во главе библиотеки с 1632 г., а в 1658 г. завещал библиотеке на ее развитие 9000 марок. 5 октября 1650 г. Валленродты заключили договор с советом г. Кнайпхоф (части города Кёнигсберга) о том, что для защиты от пожаров библиотека будет храниться в Кафедральном соборе, и с 8 октября 1650 г. до 1944 г. она находилась здесь.

Первым библиотекарем Валленродтианы был Петер Шеле. В 1657 г. Сигизмунд Пихлер составил первый каталог Валленродтского собрания.

После сдачи города русским войскам во время Семилетней войны и принятия присяги на верность императрице Елизавете Петровне в 1758 г. была составлена опись библиотеки, включавшая 4855 печатных книг и 107 рукописей. По отраслям знания книги распределялись следующим образом: теология — 1467 томов; право — 548; философия — 1237; история — 1207; медицина — 371; полоника — 25; инкунабулы — 5 единиц хранения; рукописи — 107 экземпляров.

Это книжное собрание мало чем отличалось от других частных и общественных библиотек, сформировавшихся к середине XVII в. В большей своей части подобные коллекции собирались по принципу квадравиума, т. е. первый раздел — теология, второй — юриспруденция, третий — медицина и четвертый, как правило, самый объемный — философия.

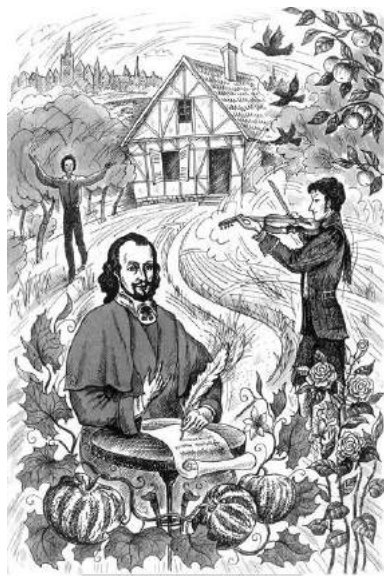

Последний раздел включал в себя целый комплекс наук, так называемые семь свободных искусств, по которым в те времена строилась вся система образования в университетах. Валленродты также не отказались от подобной систематизации своей библиотеки.

В той части собрания, которая в наши дни находится в Библиотеке Академии наук, эта система так же прослеживается, хотя на полноту разделов она претендовать не может из-за распыления ее первоначальных фондов.

Но существенным отличием Валленродтианы от подобных библиотек служит явное преобладание местных прусских, а точнее, кёнигсбергских изданий второй половины XVI—XVII вв. и ее тесная связь с трудами кёнигсбергских профессоров, в основном теологов и юристов.

«Симон Дах в Тильменгоде избушке»
Рисунок Т. Гаврилова

История создания Валленродтского книжного собрания отражает те сложнейшие литературные и политические процессы, которые протекали в Германии, главным образом в течение XVI—XVII в. Так, в 1620-е гг. в Кёнигсберге начал складываться кружок поэтов, местом встречи которых служил садик известного поэта, композитора и органиста кафедрального кёнигсбергского собора — Генриха Альберта (1604—1651). В составе Валленродтского собрания есть достаточное количество сочинений оды, но и многие произведения «на случай», вошедшие в состав толстых томов-конволютов. Как уже упоминалось, Симон Дах прославился прежде всего своими многочисленными погребальными стихами, ряд которых был положен на музыку местными композиторами, в том числе Генрихом Альбертом и Иоганном Вейсманом.

Именно в составе одного из многочисленных конволютов мы находим траурную песнь Даха, сочиненную 10 октября 1648 г. по случаю кончины человека, без сомнения, тесно связанного с семьей Валленродтов. Речь идет об известном кёнигсбергском поэте и политике — прусском государственном секретаре Роберте Робертусе (1600—1648).

Роберт Робертус, или Робертин, придворный советник юстиции, был также одним из первых владельцев книг, отмеченных его автографами, которые затем попали в библиотеку

Валленродтов.

Эрудит Робертус интересовался различными темами. Так, в собрании БАН находится конволют, в состав которого входит «Описание Италии» Леонардо Альберти (Венеция, 1568), имеющий три интереснейшие владельческие пометы, показывающие переход книги от одного владельца к другому:

1) «Ex libris Georgij Langirfelt. Venetijis, Anno 1590», 2) «Robertus Robertinus. Regiomont. 1622 M. Novembr.», 3) «A.N.G.W. Quincta Descrittione di tutta Italia la inserto alla Bibliotheca avita Ernesto di Wallenrodt consigliere di Tribunale di Prussia». Последние две записи являются свидетельством того, что от Робертуса книга попала к Эрнсту Валленродту. Вторая книга с такими же пометами, некогда принадлежавшая Робертусу, также имеет отношение к Италии. Это — «Tesoro politico, cioè relationi, instruttioni, trattati, discorsi vari di ambasciatori». Таким образом, прослеживается связь умершего во время чумы 1646—1648 гг. поэта, одного из основателей литературного кружка в Кёнигсберге Р. Робертуса, и Эрнста Валленродта, передавшего эти издания в библиотеку своих родственников. В одном из конволютов, составленных Эрнстом Валленродтом, относящемся как раз к 1646—1648 гг., имеется целый ряд проповедей и стихов, посвященных памяти Робертуса.

Пожар в библиотеке академии наук (рис. с грав.).

Как уже указывалось, одним из страстных любителей и почитателей редкостей был основатель этой библиотеки — Мартин фон Валленродт, в первом собрании которого, сгоревшем во время пожара 1623 г., насчитывалось 3 тыс. томов. Кстати сказать, на некоторых книгах нашей Валленродианы есть следы огня. Видимо, они связаны либо с этой катастрофой, либо с военными пожарами времени Второй мировой войны (подчеркнем

специально, что во время печально известного пожара в БАН 1988 г. фонды редкой и рукописной книги никоим образом не пострадали).

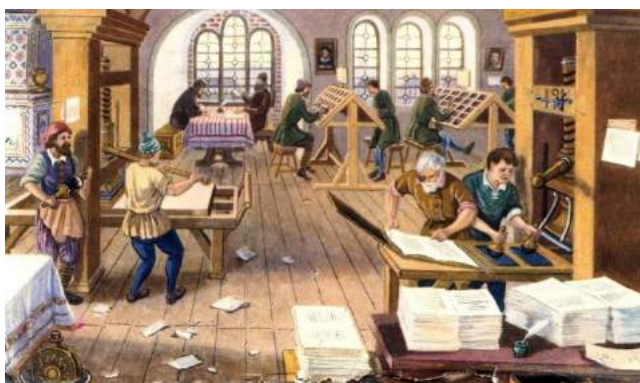
Наличие подобных экземпляров позволяет предположить, что первое собрание М. Валленродта во время пожара 1623 г. погибло не целиком. Именно после этого печального события Мартин Валленродт предложил новую библиотеку руководству университета — Альбертины (как известно, Кёнигсбергский университет получил название «Альбертина» в честь своего создателя герцога Альбрехта Бранденбургского из младшей ветви Гогенцоллернов, по воле которого в 1544 г. он был создан).

Главными условиями передачи этого книжного собрания в пользование Кёнигсбергского университета были выбор безопасного от пожара места хранения — каменный Кафедральный собор, по мнению владельца библиотеки, больше всего подходил для его целей.

Вторым условием было сохранение за Валленродтами владельческих прав на библиотеку, во главе которой должен был находиться прямой потомок Мартина фон Валленродта.

Следующим после Мартина куратором библиотеки был его сын Иоганн Эрнст Валленродт, который одновременно с кузеном Эрнстом активно занимался ее пополнением. Свидетельством этого служат книги, полученные им от дарителей. Один из потомков основателя библиотеки Мартин Сигизмунд Валленродт, судя по записи на франкфуртском издании «Рейнеке-Лиса»

(1579) с превосходными гравюрами Йоста Аммана, являлся канцлером. Это издание имеет следующую дарственную запись: «*Magnifico Generoso et Nobili Viro ac D-no D-no Martino a Wallenrodt Cancellario Prutenico, D-no haereditario in Pogirben etc. offerebat libellum M. Andreas Voglerus P. et Archipr. Welovianus A-o 1673...*» («Могущественному, щедрому и благородному мужу господину Мартину Валленродту Канцлеру Пруссии, наследному господину Погибрен и проч. даровал [сию] книгу [магистр] Андреас Фоглер, профессор и архипрезер [Веловян?] в 1673 г. ...»).

Многие конволюты, как уже сообщалось ранее, обязаны своим происхождением непосредственно Эрнсту Валленродту, свидетельством чего служат его дарственные записи на книгах, поступивших в библиотеку, находящуюся в соборе, относившемся в то время к Кёнигсбергскому университету (Альбертине). Эрнст Валленродт собирал для Валленродианы книги не только в своем родном городе Кёнигсберге, но и во время путешествий по европейским странам. Впрочем, многие профессора Альбертины присутствуют в этой библиотеке как дарители и составители различных подборок.

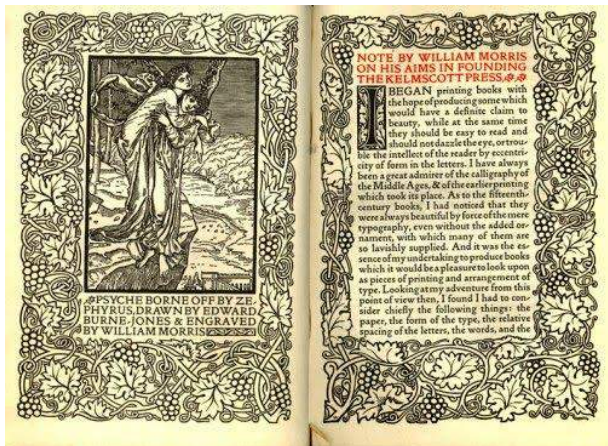
В результате подобного комплектования библиотеки тематика книг собрания Валленродтов стала довольно разнообразной. Здесь находились юридические и богословские сочинения известных авторов XVI—XVIII вв., роскошные экземпляры Библий, литературные труды предшественников, современников и последователей основателей библиотеки. Многие члены рода Валленродтов собирали также шедевры типографского искусства — антверпенские издания Плантена и его наследников, базельских типографов Фробенов, итальянцев Джунта, голландцев Эльзевиров и др.

языки, особенно романские, — французский, итальянский, испанский, практически отсутствует английский. Таким образом, в этом собрании на равных правах соседствуют латинский и немецкий языки.

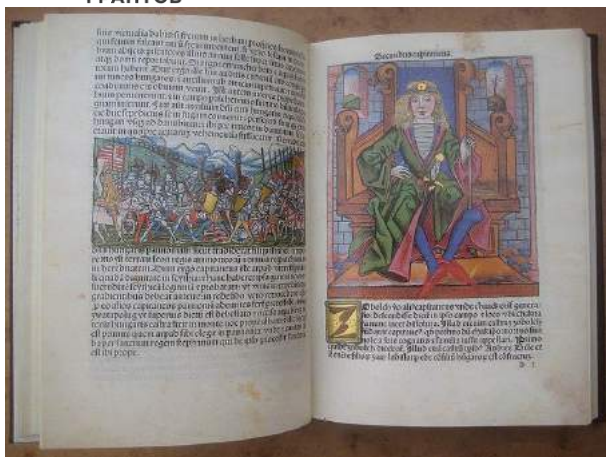
Вполне естественно, что среди книг Валленродтианы основное место занимают собственно кёнигсбергские издания XVI—XVIII вв., особенно книги, современные первым владельцам этой библиотеки. Почти всегда издания юридических трактатов, проповедей «по случаю», погребальных стихов и т. п. объединялись в «толстые» тома-конволюты. Подчеркнем еще раз: главными составителями этих, иногда очень громоздких конволютов выступали как Эрнст Валленродт, племянник основателя библиотеки Мартина Валленродта, так и первые их владельцы, передавшие их в Валленродтскую библиотеку. Подтверждением этого являются владельческие записи на многих экземплярах, описанных в данном каталоге.

Собирались в подобные тома издания, и не всегда брошюры, как по тематическому, так и по хронологическому принципу. Примером могут служить конволюты, составленные из работ Эразма Роттердамского или же из вольфенбюттельских изданий Мартина Лютера, Филиппа Меланхтона и других известных авторов. Во многих конволютах помимо сведений о принадлежности данной книги к библиотеке Валленродтов мы встречаем

любопытные записи или просто автографы. Например, в конволюте формата «in octavo» с сочинениями авторов XVI в. два из девяти аллигатов сохранили две записи поэта Себастьяна Артомедуса: «*Magnifico viro Doctori et Professori, Consiliario Illustri; Academiae Regiomonti Rectori... d[atu]r autor*» («Могущественному мужу доктору и профессору, высокородному канцлеру; ректору Академии Кёнигсберга... даровал автор») и «*Lorino Buchio, Consiliario illustri, amico cordissimo autor*» («Лоринусу Бухиусу, высокородному канцлеру, сердечному другу автор»).

любопытные записи или просто автографы. Например, в конволюте формата «in octavo» с сочинениями авторов XVI в. два из девяти аллигатов сохранили две записи поэта Себастьяна Артомедуса: «*Magnifico viro Doctori et Professori, Consiliario Illustri; Academiae Regiomonti Rectori... d[atu]r autor*» («Могущественному мужу доктору и профессору, высокородному канцлеру; ректору Академии Кёнигсберга... даровал автор») и «*Lorino Buchio, Consiliario illustri, amico cordissimo autor*» («Лоринусу Бухиусу, высокородному канцлеру, сердечному другу автор»).

Вполне вероятно, что Валленродты, собирая книги для собственной библиотеки, руководствовались и соображениями особой ценности, каковую книге придают автографы, связанные с историей Кёнигсберга, его жителей и университета. Сами Валленродты так же оставляли записи о первоначальной принадлежности той или иной книги, причем подробно сообщали, кто из их предков приобретал данную книгу. Так, на аугсбургском

издании 1569 г. «Немецкой Астрономии» Николаса Ренсбергенского имеется запись, относящаяся к началу XVII в. Она связана с именем Эрнста Валленродта и, как многие, подобные ей, проливает свет на первый этап собирательства в семействе Валленродтов: *«A. N. G. W. Dieses Buch hat seiner Grossmutterlichen Bibliothec einverleiben wollen Ernst von Wallenrodt Prussischen Tribunals Raht»* («Сия книга была включена в большую изначальную (своего предка) Библиотеку по воле Эрнста фон Валленродта прусского судебного советника»). Две записи на французской книге начала XVIII в. также связаны с появлением книги в библиотеке Валленродтов: *«Entretiens de M. Colbert, ministre et secretaire d'État, avec Bouin fameux partisan»*: *«Ce livre a insere a la Bibliotheque de son ayeul Erneste de Wallenrodt Conseiller du Tribunal en Prussi»* («Сия книга вложена в Библиотеку своего предка Эрнестом Валленродтом советником прусского суда (трибунала)»).

Примечательно и то, что чаще всего Эрнст Валленродт сообщал о передаче книги в библиотеку на том языке, на котором эта книга была напечатана.

Валленродты много внимания уделяли тому, чтобы книги из их собрания были легкоузнаваемы. С этой целью в начальный период существования библиотеки употреблялись весьма пространные автографы. Большим любителем пространных посвянительных записей на книгах был уже неоднократно упомянутый Эрнст Валленродт. Подписывали книги и первый владелец библиотеки Мартин Валленродт (именно ему принадлежит большое количество книг в подписных переплетах), и его сын Иоганн Эрнст Валленродт, а

также их родственники и потомки.

До появления специального экслибриса Валленродтов другие кураторы и субкураторы библиотеки оставляли свои автографы на книгах, приобретенных ими для собрания, а с 1725 г. переданного под опеку города. Позже вместо автографов появляются печатные экслибрисы с фамильным гербом и легендой, свидетельствующей о почтительном отношении потомков к трудам своим и своих предков. В начале XX в. хранители стали использовать вытисненный золотом на верхней крышке переплета текстовый суперэкслибрис: «Ex Bibliotheca Wallenrodiana» («Из Библиотеки Валленродианы»).

Впервые появившийся в 1721 г. экслибрис Валленродтов служит как бы дополнительным свидетельством, подтверждающим передачу библиотеки городу для общественных нужд. Он сочетает герб рода с надписью об этом событии: «*Wallenrodia dum Magnus Maioribus orta hunc reliquis iunxit bibliotheca libris utere concessa lector tibi munererite cunctaque patronis fausta precare meis*» («Под Валленродтов, ведущий начало от славных предков, создает ныне эту библиотеку — потомкам. Читатель, пользуясь прилежно книжным собранием, прошу, поклонись памяти моих предков»).

Этот экслибрис, использовавшийся на протяжении веков, имеет один и тот же рисунок и надпись, но он печатался на бумаге разного качества и разной выделки: от тряпичной XVIII — начала XIX в. до бумаги машинного производства, что свидетельствует о большом сроке бытования владельческого знака в Валленродтской библиотеке.

Одной из особенностей Валленродтской библиотеки является большое число сохранившихся именных и датированных переплетов прежних владельцев. Иногда на переплетах вытиснены золотом инициалы и год, указывающий на то, когда книга поступила в собрания предшественников Валленродтской библиотеки. Довольно часто встречаются

датированные переплеты XVI—XVII вв.

Инициалы прежних владельцев на переплетах, как правило, вместе с их автографами, встречаются на наиболее старой части собрания — книгах XVI в. В качестве яркого примера можно назвать имя библиофила магистра филологии Андреаса Ириса (1540—1600), жизнь которого была связана с Эрфуртским, а затем, с 1568 г., с Кёнигсбергским университетом. Пометы, которые оставил после себя этот библиофил, говорят о том, что большую часть своей библиотеки он собрал именно в этом городе.

Судя по имеющимся в нашей библиотеке книгам, Андреас Ирис заказывал специальные переплеты с монограммой: «M. A. I. H.», т. е «Magister Andraeas Iris Hildesianus».

Иногда на книгах имеются пометы самих Валленродтов, свидетельствующие об их отношении к сочинениям отдельных авторов. К примеру, на полях сочинения историка Самуэля Губера имеются ремарки, судя по почерку, сделанные Мартином Валленродтом: критического характера «Diabol», «Corrigire». Они свидетельствуют о тех теологических спорах, которые велись вокруг богословских тем в реформационном Кёнигсберге, городе, который в XVI—XVIII вв. являлся типографским центром не только для Бранденбурга и Пруссии, но и для соседних протестантских земель. Именно здесь в типографии Даубмана были напечатаны первые книги на литовском и эстонском языках, в обоих случаях — лютеранский Катехизис. Иными словами, крупный университетский город герцогства Бранденбургского Кёнигсберг долгое время служил важным центром распространения идей протестантизма.

Хотя часть собрания Валленродтов, находящаяся в БАН, не может дать полного представления об их библиотеке в то время, когда она хранилась в Кафедральном соборе Кёнигсберга, однако она имеет несомненную ценность для исследователей, благодаря многим подборкам западноевропейских сочинений XVI—XVIII вв. Издания, хранящиеся в отделе редкой книги БАН, во многом определяются вкусами и почтением к родному городу, которое испытывали первые владельцы и собиратели этой уникальной в своем роде книжной коллекции.

Следует еще раз подчеркнуть, что явное предпочтение собиратели отдавали современным им кёнигсбергским изданиям, главным образом богословским, юридическим и политическим трактатам, сочиненным преподавателями университета Альбертина. В XVII в. после смерти основателя библиотеки Мартина Валленродта одним из самых ревностных ее почитателей и комплекторов стал его племянник Эрнст Валленродт. Им были составлены многочисленные объемные конволюты, подобранные преимущественно по содержательному принципу. Многие из них имеют подробные записи составителя.

Число этих конволютов само по себе свидетельствует о необыкновенном пристрастии Эрнста Валленродта к этой библиотеке, хотя в данном случае речь идет только о книгах одного формата «in quarto».

Для справки. Унифицированная система форматов, в основу которой были положены размеры бумажного листа и его частей.

IN PLANO (planum – плоскость) — формат в целый развёрнутый лист;

IN FOLIO (folium – лист) — 1/2 листа, получается при фальцовке в один сгиб;

IN QUARTO (quarta – четверть) — 1/4 листа,

получается при фальцовке в два сгиба;

IN OCTAVO (octava – восьмушка) — 1/8 листа, получается при фальцовке в три сгиба.

Соответственно, ответ на вопрос, заданный в начале этой статьи – что представляет собой фолиант? – очевиден. Это книга формата in folio, в половину печатного листа. Правда, сейчас фолиантами стали называть любые книги больших размеров.

Из-за того, что у разных производителей бумаги размеры печатного листа несколько отличались, формат in octavo до середины XIX века подразделялся на разновидности: большой (высота книжного блока 250 мм); средний (высота книжного блока 225 мм); малый (высота книжного блока 185 мм).

Как уже упоминалось, в библиотеке Валленродтов находилось немного изданий XV в., или инкунабул (книги, напечатанные до 1 января 1501 года и по оформлению напоминающие рукописные издания). Однако среди них имеются такие уникальные экземпляры, как «Пятиязычная Библия» со множеством иллюстраций — прекрасных ксилографий, сделанных по образцу Кёльнской Библии, напечатанной 17 февраля 1483 г. в Нюрнберге знаменитым немецким издателем конца XV — начала XVI в. Антоном Кобергером. Данная Библия напечатана удивительными шрифтами, отличающимися от прочих шрифтов. На книге имеется следующая запись Эрнста Валленродта: «*Biblia Haecce ante Lutheri tempora in Linguam*

Germanicam impressa Bibliothecae pie defuncti Avi sui, cujus gloriosa memoria sit in benedictione! Quondam Supremi Regiminis in Borussia Consiliarij dignissimi Cancellarijque meritissimi Nepos ejus erga ciueres arietos [?] religiosissimus Ernestus de Wallenrodt Summi Tribunalis, quod in Borussia est Consiliarius...» («Эту Библию, напечатанную на немецком языке перед временем Лютера, благочестиво вкладывает в Библиотеку как знак памяти Вышнего управления Прусской канцелярии племянник достойнейшего из достойных... Эрнст Валленродт, являющийся канцлером Пруссии...»).

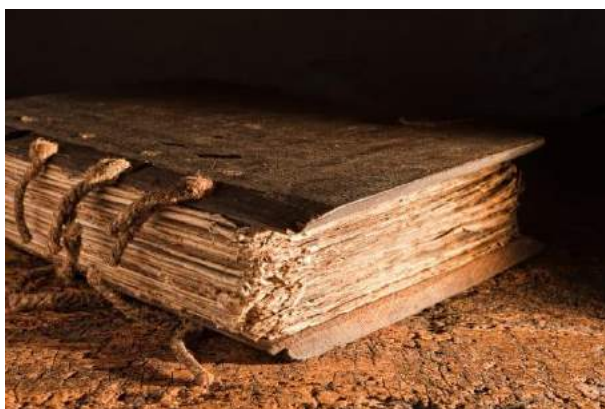
Вторая запись относится уже к XX в. и подтверждает принадлежность книги Антону Кобергеру: «*Gedruckt zu Nürnberg 1483 durch Anton Koburger*» («Напечатано в Нюрнберге в 1483 г. Антоном Кобергером»).

Другая инкунабула «*Volumen Bernardini de Tridino de Monferrato: noviter cum summa diligenti correctione impressum*» менее интересна для специалистов, хотя по времени поступления в библиотеку Валленродтов является самой ранней. Книга имеет обстоятельную запись Мартина Валленродта, не характерную для него: «*Splendidae Bibliothecae Generosi Mag-ci, Serenij, vere nobilis et equitis Pruteni D. Martini von*

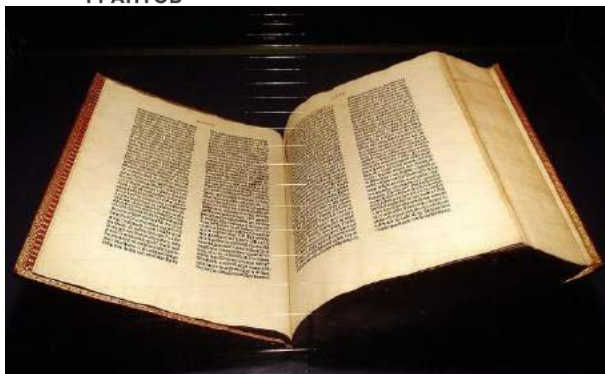
Wallenrodt Archcancellarij Ducatus Boruss. et cancellarij Magni Sereni Electoris et Marcs Brandenburg: et Ducis Borussiae ad dero voluit, hoc volumin, ... Anno 1626. 30 octobris» («Этот том пожелал вложить в превосходную Библиотеку от лица Мартина фон Валленродта мужа знатного происхождения, благородного сиятельства, истинно аристократического рода архиканцлера Прусского графства и канцлера Бранденбургского герцогства... 30 октября 1626 года»).

Если инкунабулы собрания БАН по своему содержанию более или менее традиционны, то тематика книг XVI в. более разнообразна. В нашем собрании имеются теологические и юридические трактаты, исторические сочинения, литературные труды, многочисленные проповеди, стихи и речи «по случаю», астрономические и математические работы видных ученых и т. п. Большее число книг этого времени издано в Пруссии в Кёнигсберге, хотя значительная часть изданий этого города приходится на XVII в.

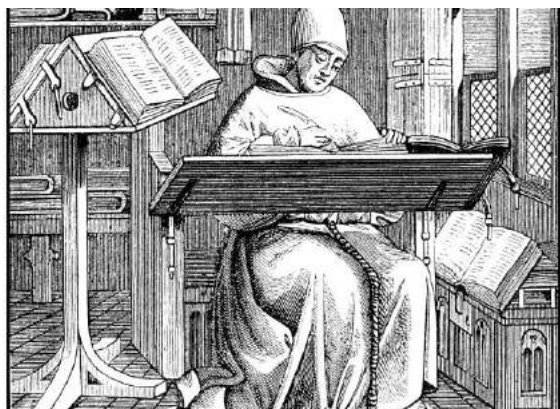

Для справки. Термин инкунабула (*incunabula*) – такое мелодичное и красивое слово происходит от латинского *incunabula* (начало, колыбель) – впервые был употреблен протестантом библиофилом Бернардом фон Малинкродтом в 1639 году в памфлете "De ortu et progressu artis typographicae" ("О развитии и прогрессе искусства типографии") и закрепился в XVIII веке. Забавно, что дата отсечения инкунабул от

остальных старинных печатных книг – 31 декабря 1500 года – была выбрана Малинкродтом произвольно, но прижилась в неизменном виде до наших дней.

ксилография была изобретена намного раньше типографии. Инкунабулы издавались малыми тиражами – в среднем по 200-300 экземпляров.

инкунабулой считаться не может. К 1500 году в Западной Европе функционировало более тысячи типографий, которые работали в 246 европейских городах. Некоторые из них были невелики, издавали одну-две книги и закрывались, но появились и мощные предприятия, в которых действовало до 24 печатных станков и работало более сотни рабочих, – такой была, например, знаменитая типография Антона Кобергера в Нюрнберге.

А вот со способом изготовления инкунабул чуть сложнее. Как известно, инкунабулы делятся на два типа: ксилографические и типографические. Типографическим способом печати была выполнена, например, знаменитая 42-строчная Библия Гутенберга. Так вот некоторые авторы считают инкунабулами издания, выполненные только типографическим способом, так

До конца XV столетия книги-инкунабулы начали печатать в Италии, Чехии, Голландии, Франции, Бельгии, Испании, Венгрии, Англии, Польше, Дании, Швеции и Португалии. В 1491 году в польском городе Кракове была напечатана первая славянская книга, где шрифт был набран кириллицей. А вот ни одна из книг русского первопечатника Ивана Федорова в силу своего позднего появления на свет

Среди раритетов Валленродтианы XVI в. встречаются книги, напечатанные в таких городах, как Йена, Виттенберг, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне и Франкфурт-на-Одере, Лейпциг и др. Из книг XVI в. можно упомянуть такой уникальный экземпляр, как «Kirchen Ordnung» (1558), конволют из двух аллигаторов с экслибрисами основателя Кёнигсбергского университета Бранденбургского герцога

Альбрехта и Валленродтов. Библиотека обладала такими изданиями, как книги, напечатанные знаменитым франкфуртским предпринимателем Сигмундом Фейерабендом, в частности, его «Саксонская хроника» (1585) и «Персидская история» (1592). Некоторые его издания украшены иллюстрациями немецкого художника XVI в. Йоста Аммана, с которым Фейерабенд поддерживал постоянную связь.

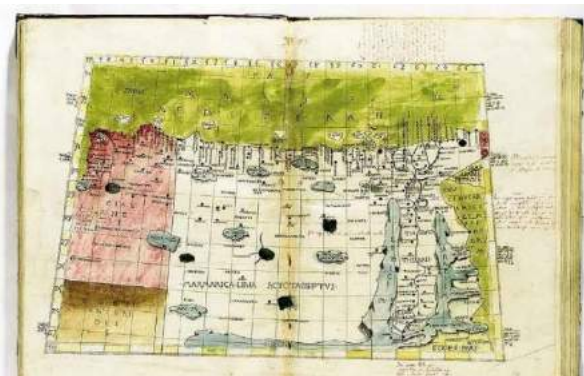
Примером могут служить популярный немецкий народный роман в переложении Гартмана Шопера «Reineke Fuchs» (1579), Гербовник (1579). Многие из этих книг относятся к основанию библиотеки Валленродтов и имеют записи и суперэкслибрисы либо ее основателя Мартина Валленродта, либо тех лиц, которые дарили ему эти книги.

Из немецких изданий XVI в. интерес представляют Библия на саксонском наречии (Гамбург, 1596), «Описание христианской церкви» Гедиона Каспара, «Корпус

христианского вероучения», сочинение одного из первых теологов-протестантов Филиппа Меланхтона, основополагающие и полемические труды Мартина Лютера. Особо можно назвать его «Энхиридион» с автографом Мартина Валленродта.

Среди других издателей и типографов XVI в., представленных в Валленроддиане БАН, имеются книги знаменитых базельских издателей Фробенов, в частности «Жизнь цезарей» с комментариями Эразма Роттердамского, отдельные тома собрания сочинений Августина Аврелия и т. д.

Основное ядро библиотеки, в настоящее время хранящееся в БАН, как уже неоднократно упоминалось, сложилось в XVII в. Причем некоторые сочинения авторов XVI в. в этой библиотеке были представлены переизданиями XVII в., например, «Космография» Себастьяна Мюнстера. Для подборок книг XVII в. характерно наличие значительного числа изданий знаменитой голландской фирмы

Эльзевиров, именно тогда переживавшей свой расцвет. Не было исключением и собрание Валленродтов. В БАН имеется 9 книг из всемирно известной серии «Республики» этого издательства, а также и исторические сочинения, философские рассуждения Рене Декарта.

Краткий обзор книг из собрания Валленродтов в БАН позволяет сделать вывод о том, что эта библиотека достойна пристального внимания и изучения. Она дает представление не просто о книжной культуре Кёнигсберга, но и о сложных перипетиях духовной жизни немецкого общества эпохи формирования немецкой нации в целом и в частности Прусского королевства. Библиотека Валленродтов позволяет проследить основные пути формирования верхненемецкого языка и немецкой литературы раннего нового времени.

Их изучение дает возможность определить составителей этих удивительных подборок, число которых иногда достигает более 200 аллигатов.

Наличие дарственных записей и в ряде случаев росписи содержания, написанных одним почерком, позволяет с точностью назвать их имена. Среди них были не только члены рода Валленродтов, такие как племянник Мартина Валленродта Эрнст Валленродт, который вместе с хранителем этой библиотеки сыном ее основателя Иоганном Эрнстом Валленродтом серьезно занимался ее комплектованием, но и те

профессора Кёнигсбергского университета, книги которых попали в Валленродтскую библиотеку. Большая часть этих конволютов содержит проповеди, речи и стихи «по случаю» кёнигсбергских и вообще прусских и бранденбургских университетских преподавателей и пасторов.

Другая важная для библиотек подобного рода тема подборок, составленных Эрнстом Валленродтом, — юриспруденция, представленная многочисленными юридическими диссертациями, защищенными в различных германских университетах. Однако вопреки общему правилу библиотек немецких магнатов и общему числу публикуемых в

Германии в это время юридических диссертаций их в собрании БАН немного. Об этом можно говорить с уверенностью, поскольку почти все издания подобного рода печатались в формате «in quarto». Невелико и количество собственно богословских и исторических диссертаций. В общем и целом выходит, что собиратели этой библиотеки задались целью представить как можно большее число современной им казуальной литературы.

По хронологии описываемые издания распределяются примерно следующим образом: XVI в. — 290 издательских единиц; XVII в. — 1059 издательских единиц; XVIII в. — 76 издательских единиц. Число книг XVII в., как можно заключить, самое значительное в НИОРК, по сравнению с изданиями XVI в. или же XVIII в. Не следует забывать, что все подсчеты приводились только по книгам, хранящимся в Отделе редкой книги БАН в расстановочном формате «in quarto» (от 18 до 24 см), который с основания этой библиотеки используется при делении книг на форматы и далеко не всегда совпадает с действительным форматом издания.

Источник: «Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН: Каталог книг формата "in quarto"», 2020 года. Введение.

21. Род Валленродтов

Происхождение рода Валленродтов теряется в глубине веков. Как первого известного члена семьи называют Гюнтера, архиепископа Кёльна, выбранного на эту должность в 851 году. Известны две семейных линии Валленродтов: южногерманская (пресеклась в XVIII в.) и прусская (процветает и по сей день). Основатель прусской ветви Мартин фон Валленродт приехал в Пруссию как рыцарь Немецкого (Тевтонского) ордена в конце XV века.

О загадочной личности Конраде Валленроде на страницах нашего проекта «История Люди Память» мы касались, рассказывая о литовском князе Витовте и об Адаме

Мицкевиче, его Исторической повести «Конрад Валленрод»: «Излагая историю Валленрода, я допустил домыслы, но я надеюсь, что сумею оправдать их соответствием исторической правде. Согласно хроникам Конрад Валленрод не происходил из известного рода Валленродов, хотя выдавал себя за члена этого рода. Он был как будто чьим-то незаконнорожденным сыном. Кёнигсбергская хроника (библиотеки Валленрода) указывает: "Он был сыном церковного служителя". О характере этого

человека мы имеем возможность читать самые разнообразные и противоречивые предания». <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/189827209383417> https://vk.com/wall-168806484_1021

Оставив Орден, основатель прусской ветви Мартин фон Валленродт, получил земли в Пруссии и женился. Внук Мартина, Сигизмунд, стал отцом основателя библиотеки, а также родоначальником живущих ныне Валленродтов. За несколько поколений потомки рыцаря Мартина стали одной из самых знатных семей в Восточной Пруссии.

Основатель библиотеки Мартин (или, как он сам себя называл, Мертен) фон Валленродт родился 11 января 1570 года в Пахоллене (округ Морунген — ныне Мронгово в Польше). О его жизни сохранились довольно обширные сведения. Одним из источников может служить его экземпляр Библии с многочисленными автобиографическими заметками на полях.

В молодости он много путешествовал, учился в Кёнигсберге и Марбурге. При этом, в каком бы городе он ни побывал и с какими людьми ни знакомился, он всегда использовал любую возможность усовершенствовать и пополнить свои знания. Студентом он искал знакомства с профессорами, будучи молодым землевладельцем, прилежно занимался самообразованием. Много путешествуя, он стремился изучить культуру и искусство городов, где ему приходилось бывать. Когда служил чиновником, ему доверяли самые ответственные поручения.

В 1619 году Мартин фон Валленродт был назначен на должность канцлера (одну из самых высоких должностей герцогства). В ведении канцлера находились не только канцелярия и архив, но вместе с ними юстиция и полиция, землевладение и управление церквями и школами. Одновременно канцлер был куратором университета.

Мартин фон Валленродт умер 30 июня 1632 года, похоронен он в Кафедральном соборе. В честь семьи Валленродов в Кёнигсберге в 1906 году была названа одна из улиц (ныне улица Ленинградская).

Памятником культурной деятельности Валленродтов служит библиотека, носящая их имя.

Канцлер Мартин фон Валленродт был прирождённым страстным коллекционером. Ещё в молодости он собирал редкие книги и произведения искусства.

О своих взглядах, касающихся собирания книг, он рассказал в 1629 году в трактате “Praefatio admonitoria” («Предисловие к напоминанию»), который можно рассматривать как документ об основании Валленродской библиотеки.

К 1623 году Мартину фон Валленродту удалось собрать свыше трёх тысяч книг, которые он разместил в трёх комнатах своего дома на Кошачьем ручье (Кошачий ручей соединял Замковый пруд с Прегелем, позднее был спрятан в трубы). Но в ночь на 14 октября 1623 года по непонятной причине в доме канцлера вспыхнул пожар и прекрасная библиотека, многочисленные предметы древнего искусства, великолепные картины, собранные им, погибли. Среди ценностей, которые сгорели, были, например, ценная коллекция оружия и уникальная рукопись, написанная далёким предком Мартина Гансом фон Валленродтом, присутствовавшим на Констанцском соборе* и описавшим его историю.

*Констанцкий собор — Вселенский собор католической церкви 1414–1418 годов в г. Констанце (Германия). Был созван с целью ликвидации «великого раскола» и реформы церкви. Констанцкий собор устранил раскол, сместив трех пап, оспаривавших папский престол, и осудил учения Дж. Уиклифа и Я. Гуса. 6 июля 1415 года Ян Гус был осуждён и казнён в Констанце.

Уже будучи тяжело больным, Мартин принялся за воссоздание своей библиотеки. К концу его жизни (1632 г.) число томов, которые ему удалось собрать, достигло примерно двух тысяч. Как у истинного друга книг, у него было одно желание, чтобы библиотека, которая стала частью его души, была сохранена для будущего. Он завещал своим детям сохранить неделимой эту библиотеку, беречь и пополнять её новыми книгами.

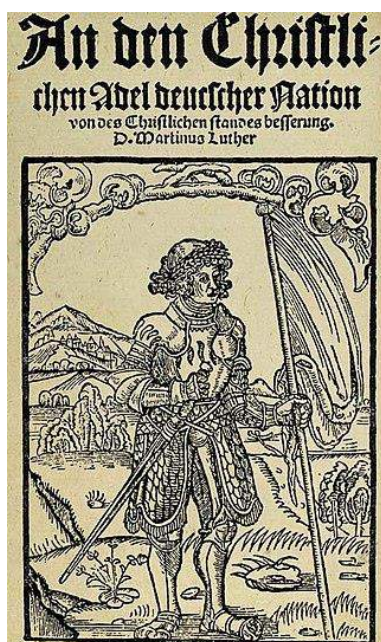
Мартин фон Валленродт грозился послать проклятия на головы тех своих наследников, кто хоть что-нибудь продаст из библиотеки. *«Книги — источник мудрости и фундамент образования, и их надо строго беречь».*

После смерти канцлера библиотеку унаследовал его третий сын Иоганн Эрнст фон Валленродт, который проявил особую заботу о сохранении и пополнении её книгами. Как и его отец, Иоганн Эрнст много путешествовал и в своих странствиях неизменно приобретал редкие книги и рукописи. Другие члены семьи также занимались пополнением коллекции. Иоганн Эрнст занимал вторую из высших административных должностей в герцогстве — должность ландгофмейстера. Почти 37 лет прослужил он на этом посту и после смерти, как и его отец, за особые заслуги перед городом удостоился чести быть похороненным в Кафедральном соборе.

Собранная Валленродтами коллекция представляла большую научную и культурную ценность. Среди документов, которыми располагала библиотека, было, например, письмо 1521 года императора Карла V реформатору Мартину Лютеру с предложением явиться на сейм в Вормсе, чтобы держать ответ за свою деятельность, направленную против римско-католической церкви.

В 1611 году, в год своей смерти, Георг фон Кунхейм Младший, супруг дочери Мартина Лютера Маргарет, покровитель церкви Мюльхаузен, завещал большую часть своей библиотеки этой церкви.

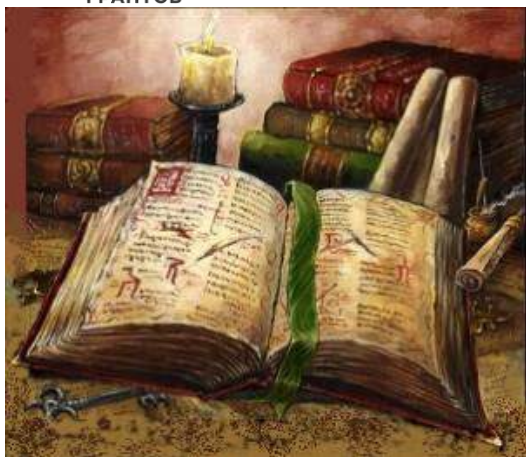
Сюда входили издания всех произведений Лютера на немецком и латинском языках XVI века, издание перевода Лютера Нового Завета и другие ценные документы периода Реформации, принадлежавшие Маргарет Лютер, в качестве приданного, поскольку не имела дворянского титула и наследства. В 1910 году в библиотеке ещё хранились факсимиле текстов вызова Лютера в рейхстаг Вормса 1521 года с собственноручной подписью императора Карла V и охранная грамота, выданная Папой Римским о неприкасаемости Лютера, – оба документа действовали до конца 17 века, а также письма Лютера. Позднее свидетельства Реформации хранились в университетской библиотеке Кёнигсберга. По словам доктора Кристиан Уилл: они находились в Валленродской библиотеке в соборе до 1945 года.

Согласно завещанию Мартина фон Валленродта, библиотека должна была стать общественным достоянием, после того как с её помощью члены его семьи получают необходимое образование. Сыновья Мартина даже не ставили под вопрос это желание своего отца, и в 1649 году Иоганн Эрнст и его братья предприняли попытку снять одно из помещений Кёнигсбергского университета с тем, чтобы разместить там коллекцию. Но эта попытка закончилась неудачей. Возможно, у университета не нашлось подходящего помещения, чтобы расположить такое количество книг. Хотя в то время существовала насущная необходимость пополнить университетскую библиотеку, ибо она была крайне бедной и не могла удовлетворить потребности университета.

Сыновьям канцлера пришлось искать другие возможности, чтобы выполнить волю отца. Они обратились в муниципалитет с просьбой найти подходящее помещение и 5 октября 1650 года был подписан договор, согласно которому совет Кнайпхофа передал под библиотеку одну из комнат над входом в Кафедральный собор, куда и перевезли книги из канцлерского дома. Здесь они находились вплоть до начала XX века.

Потомки Мартина фон Валленродта стремились сделать библиотеку Валленродта доступной для всех. Согласно проекту инструкции для библиотекаря от 1657 года, библиотекой разрешалось пользоваться не только членам семьи. Однако по неизвестным причинам это осталось только добрыми пожеланиями. Лишь с 1673 года библиотека стала публичной и свободный доступ к её книгам получили профессора и студенты университета, а также некоторые наиболее достойные граждане.

Библиотекари назначались с величайшей тщательностью. Люди, здесь работавшие, должны были иметь высшее образование. Предпочтение отдавали прежде всего профессорам Кёнигсбергского университета. Всего за историю существования Валленродской библиотеки на должности библиотекаря сменился 21 человек.

Позднее библиотека стала специальным отделом государственной и университетской библиотеки. Окончательно же род Валленродтов передал

библиотеку государству в 1721 году на том условии, что Валленродты сохраняли право кураторства библиотеки. Кроме того, библиотека должна была работать в соответствии со специальным режимом.

Валленродская библиотека содержала работы, посвящённые широкому кругу проблем. Здесь были книги по теологии и этике, юриспруденции, политике и истории, географии, экономике, садоводству и земледелию, языкознанию, природоведению и медицине, геометрии и арифметике, физике, музыке, этнографии и многие другие.

Особую ценность представлял фонд рукописей Валленродской библиотеки. В этой коллекции была собрана обширнейшая генеалогическая информация о дворянских фамилиях Пруссии. Рукописи Валленродской библиотеки служат и сейчас бесценным источником, по которому можно изучать историю Прусского герцогства. Среди них можно назвать такие, как, например, генеалогическая таблица семьи Валленродтов,

акты Кёнигсбергского университета, касающиеся жалованья профессоров, стипендий студентов, содержания библиотеки и другие. Одним из важных документов является аккредитив*, выданный Фридриху Отто фон Грёбену для путешествия в Африку — воспоминание о попытке основать первую бранденбургскую колонию.

*Аккредитив (от лат. *Accreditivus* — доверительный) — именная ценная бумага, удостоверяющая право лица, на имя которого она выписана, получить в кредитном учреждении (банке) указанную в аккредитиве сумму.

Среди печатных изданий находились труды Аристотеля и Цицерона, стихотворения Симона Даха и Валентина Тиля, математические труды Петра Апиана, Георга Пурбаха и Иоганна Региомонтана, Библия в редакции Мартина Лютера, чрезвычайно редкая и интересная испанская протестантская (!) Библия 1569 года, «Теолого-политический трактат...» Спинозы и многие другие.

Один из учебников по арифметике и геометрии, принадлежавших Валленродской библиотеке, составил Иоганн Штраус (Johann Straus, 1590–1630). Тот самый архитектор Штраус, по чьему проекту во время Тридцатилетней войны (1618–1648) вокруг Кёнигсберга был построен оборонительный вал. Остатки этого вала можно кое-где найти и сейчас, а книга Штрауса хранится в библиотеке Калининградского государственного университета.

Библиотека постоянно пополнялась новыми изданиями, и помещение, отведённое для неё в Кафедральном соборе, в какой-то момент стало тесным. В 1688 году библиотеке предоставили ещё одну комнату, смежную с первой. Был обновлен их интерьер. Для книжных полок сделаны украшения в виде пальм, тянущихся к готическим сводам помещения. Стволы деревьев из золотой бронзы венчала густая листва, сиявшая изумрудным блеском, а в

гирляндах, обвивавших пальмы, парили ангелы, державшие пальмовые ветви. Потолки комнат украшали деревянные плиты, покрытые резьбой.

В первой комнате библиотеки по крайней мере до 1931 года помещался круглый стол 1689 года, окружённый стульями, на их кожаной обивке были вытеснены инициалы Иоганна Эрнеста фон Валленродта. У ограды маленькой лестницы в стиле барокко, ведущей во вторую комнату, стояла женская скульптурная фигура — олицетворение мудрости. Интерьер обеих комнат сохранялся до августа 1944 года.

В результате Семилетней войны часть Пруссии с Кёнигсбергом в 1758–1762 годах входила в состав Российской Империи и в городе размещалась русская администрация. В первый же год русского управления по распоряжению новой администрации были составлены описи важнейших книжных собраний Кёнигсберга, среди них Валленродской библиотеки и библиотеки университета.

Эти описи-каталоги, хранящиеся ныне в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, — интереснейший документ о состоянии библиотечного дела в Кёнигсберге середины XVIII века, о размерах и составе книжных собраний.

Приведём из них некоторые сведения.

Каталог книг Валленродской библиотеки составлен 28 февраля 1758 года.

Он состоит из семи разделов, включающих в сумме 4855 книг и 107 рукописей, а именно: теология — 1467, право — 548, философия — 1237, история — 1207, медицина — 371, полонистика — 25, рукописи — 107. Объём описи — 310 листов.

Среди книг есть инкунабулы (то есть книги, изданные до 1500 года и по оформлению напоминающие рукописные издания), редкие издания XVI–XVII веков.

В списке книг Кёнигсбергского университета, составленном 22 марта 1758 года и систематизированном по размерам книг (ин-фолио, ин-кварто, ин-октаво, и т. д.), содержится 4492 наименования — меньше, чем в Валленродской библиотеке. И, конечно, она служила очень хорошим подспорьем в научных изысканиях и преподавательской деятельности кёнигсбергских профессоров.

К середине XIX века Валленродское книжное собрание насчитывало уже около 10 тысяч томов. В 1909 году библиотека была включена в состав объединённой университетской и городской библиотеки и большую часть её книг перевезли в здание на Миттельтрагхайме (ныне развилка улиц Пролетарской и Сергеева).

В башне Кафедрального собора остались только наиболее ценные и редкие книги.

Но в ночь с 29 на 30 августа 1945 года во время бомбёжки Кёнигсберга английской авиацией собор пострадал — от близлежащих зданий, пылающих в огне, загорелась крыша. В огне, по-видимому, погибла и часть книг. После войны остатки Валленродской библиотеки этого богатейшего книжного собрания были разрознены, что-то вывезли вглубь территории СССР, что-то рассеялось по всему свету и след их на время затерялся...

По материалам статьи Елены Котовой «Библиотечные сокровища Янтарного города. История, создатели и судьба книжных хранилищ».

22. О послевоенной судьбе Валленродской библиотеки.

Ещё перед бомбардировками Кёнигсберга наиболее ценная часть библиотеки была рассредоточена. Так была обнаружена подборка редких книг XVI—XVIII веков в помещениях университетской библиотеки, а некоторое количество семейных альбомов XVI—XIX веков — в подвале расположенного неподалёку здания. Эти части библиотеки были обнаружены поисковой бригадой от Комитета по делам

культпросветучереждений при Совнарком РСФСР под руководством Т. А. Беляевой, действовавшей в Кёнигсберге летом 1945 года.

Вместе с другими находками бригады Беляевой, часть валленродской библиотеки была упакована в ящики и временно размещена в помещении бывшего Государственного архива Кёнигсберга (ныне здание областной научной библиотеки).

Из шестидесяти ящиков с находками 35 должны были остаться в Кёнигсберге, чтобы стать ядром будущего местного музея, а остальные должны были быть отправлены в Москву. Однако даже к началу 1946 года ни один из ящиков до Москвы не дошёл.

В марте 1946 года в Кёнигсберг по распоряжению комитета по делам культпросветучереждений прибыл директор Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов Ленинграда А. Я. Кучумов. По прибытии в Кёнигсберг Кучумов обнаружил здание бывшего архива пустующим и неохраняемым. Все ящики исчезли в неизвестном направлении.

Тома Валленродских изданий обнаружили в хранилище трофейных книг только в 1981 году в усадьбе Узкое под Москвой. Хранилищем служила старая церковь.

Ольга Щербакова, автор книги «История Казанского храма в Узком», записала воспоминания архимандрита Петра Полякова. Он был назначен настоятелем подмосковной церкви в 1990 году.

«...в тот день, когда я впервые предстал перед стенами святыни, перед глазами была печальная картина: висели на дверях храма тяжёлые замки, зияли проёмы окон, сквозь которые было видно, как громоздились от пола до высоты четырёх этажей книги — трофейные, преимущественно немецкие, библиотеки и архивы, так и не освоенные Академией наук...

Медленно, но неостановимо погибали уникальные книжные собрания, ветшал и разрушался храм, приютивший эти сокровища мировой культуры.

<...> Удушливый запах сырости и тления, исходивший от тысяч заплесневелых, непросушенных томов, обличал тяжёлую, затянувшуюся и, казалось, безысходную болезнь — болезнь человеческого духа, поражённого безверием. <...> Дирекция Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Академии наук, на балансе которого числилось погибающее книжное собрание, не проявляла никакого желания к сотрудничеству и туманно обещала освободить храм, по всем законам принадлежавший церковной общине, к началу третьего тысячелетия».

И дальше священник описывает события 1992 года, когда «храм был освобождён от бесконечных тяжёлых и отсыревших фолиантов».

В музее Канта, Ольга Крупина — за столом справа, 1983 год | Фото: газета «Калининградский университет»

Леонард Александрович Калининников.

Благодаря усилиям директора музея Канта — Ольги Феодосьевны Крупиной, которую почтительно называли «вдовой Канта», в 2021 году она отмечала бы 95 лет, были привезены в Калининград и переданы Калининградскому государственному университету найденные «Валленродские» книги.

«Узнав о том, что в Подмоскovie хранятся книги из Кёнигсберга, Ольга Феодосьевна сразу же связалась с этим хранилищем, — говорит профессор кафедры философии БФУ им. Канта

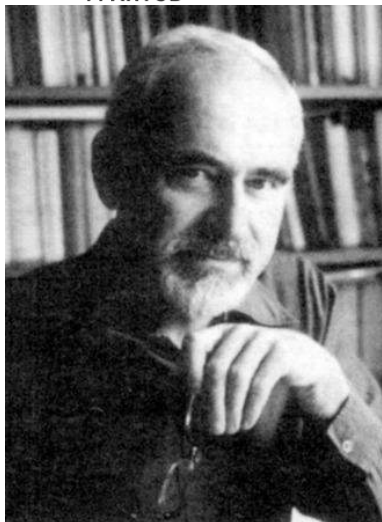
Профессор Леонард Калининников в Кафедральном соборе | Фото: Александр Подгорчук

— Мы даже собрали для неё небольшую сумму, когда она поехала туда в командировку от университета. Большая часть Валленродтской библиотеки была передана в Санкт-Петербург, в библиотеку Академии наук».

В университетской газете от 1993 года напечатаны воспоминания самой Ольги Крупиной о том, как она везла в Калининград уникальные книги.

Кадр из фильма «Силуэты города Канта» | Ольга Крупина в музее Канта

В университете предварительный обзор и краткую характеристику Валленродских книг, относящихся к астрономии, математике и другим точным наукам, выполнил профессор Казимир Клеофасович Лавринович. Им же сделаны доклады по этой теме на семинарах в Риге и Москве (1988 г.), на конференции в Калининграде. Под его руководством велась работа по созданию каталога и историко-научному изучению валленродских изданий, связанных с точными науками и находящихся в библиотеке КГУ.

Это лишь небольшая часть валленродского собрания — 291 переплёт (книги XVI—XVIII веков).

В августе 1995 года в Координационный центр по поискам культурных ценностей позвонил неизвестный. Он спросил, представляет ли ценность мраморный бюст женщины с надписью «Подарок Кёнигсбергу от Б. Муссолини». Такой бюст находился в одном из ящиков, оставленных на хранение в здании архива вместе с книгами библиотеки Валленродта.

Таким образом, скорее всего, найденные летом 1945 года книги валленродской библиотеки были расхищены и ныне являются экспонатами неафишируемых частных коллекций.

В настоящее время самыми крупными хранилищами книг и рукописей Валленродской библиотеки являются Библиотека Академии наук Санкт-Петербурга (около пяти тысяч томов), и Академическая библиотека Вильнюса. Следы Валленродяны ведут в Москву,

Варшаву, Минск, Новосибирск и другие города. Часть книг библиотеки Валленродта оказалась в библиотеке польского города Торунь, в библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Олыштына, Вильнюса, Сибири.

В 2020 году в Санкт-Петербурге вышел каталог справочного характера, который посвящен раскрытию уникальных книжных фондов Библиотеки Российской академии наук, где хранятся редкие европейские издания из кёнигсбергского книжного собрания Валленродтов — Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН: Каталог книг формата «in quarto», объёмом 1088 страниц.

В данный том вошли ранее несистематизированные материалы, представляющие собой более 1400 научных описаний памятников европейской книжной культуры XVI—XVIII вв. формата в четвертую долю листа. В каталоге также представлены сведения о владельческих записях двух основателей этой книжной коллекции — Мартина фон Валленродта и его племянника Эрнста фон Валленродта, чья деятельность была тесно связана с Кёнигсбергским университетом.

Исследователи провели огромную работу по розыску и каталогизированию валленродских книг, фактически — реконструкцию фондов знаменитой библиотеки. Главным вдохновителем и автором-составителем издания является ведущий научный сотрудник НИОРК БАН и крупнейший специалист в области истории книги Елена Алексеевна Савельева (1937—2018). На протяжении долгих лет Елена Алексеевна руководила работой над раскрытием редких книжных фондов, хранящихся в Научно-исследовательском отделе редкой книги БАН. Прекрасный знаток западноевропейской книги, Елена Алексеевна Савельева не только проявляла особый интерес к книгам как ученый-исследователь, но и стремилась формировать навыки в области описания иностранной книги сотрудников отдела, щедро делась своими знаниями в области книговедения и истории западноевропейской печатной традиции. Во многом благодаря ее усилиям и состоялась подготовка столь непростого по объему и содержанию первого выпуска Валленродианы. К сожалению, 26 сентября 2018 году её земной путь завершился, но остались многочисленные труды Елены Алексеевны Савельевой и светлая память о ней.

По материалам статьи Елены Котовой «Библиотечные сокровища Янтарного города.

История, создатели и судьба книжных хранилищ» и Анастасии Кондратьевой, Николая Чебуркина «Её называли «вдовой Канта»: история незаслуженно забытой хранительницы истории»

<https://klops.ru/articles/2021-05-27/234112-vdova-kanta-istoriya-kaliningradki-kotoraya-sberegla-dlya-goroda-muzeynye-redkosti-i-bestsennye-knigi>

а также работы Овсянов А. П. «В руинах старого замка. Очерки о поисках утраченных культурных ценностей» и «Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН: Каталог книг формата "in quarto"», 2020 года. Введение.

Представители древних прусских родов – Валленродты, Бранденбургские, Брауншвейгские, упомянутые в данной работе, а далее – и Дёнхоффы, чья жизнь и деятельность была тесно связана с Пруссией, Кёнигсбергом, ярко демонстрируют влияние этих фамилий на преобразование государства Тевтонского ордена на берегах Балтийского моря в цивилизованное ведущее в Европе

протестанское герцогство. Ввиду церковной реформации распавшегося Тевтонского ордена, особо важное значение получил созданный в 1544 году Кёнигсбергский университет. В книгохранилище Альбертины стали поступать книги из ликвидационных монастырей, административных учреждений и частных собраний. Общедоступность библиотеки повлияла на книжную культуру Кёнигсберга.

Крупный университетский город Бранденбургско-Прусского герцогства Кёнигсберг долгое время служил важным центром распространения идей протестантизма. Расположившееся от границ России до берегов Рейна, в сложных перипетиях духовной жизни немецкого общества эпохи формирования немецкой нации в целом и в частности, на территории Прусского королевства прослеживаются основные пути формирования верхненемецкого языка, немецкой литературы и культуры раннего нового времени.

23. О преобразовании орденских поместий в крупные хозяйства на примере древнего дворянского рода Дёнхофф

На территории Гурьевского района несколько мест связано с представителями рода Дёнхофф, которые владели имениями в Пруссии с 17 века.

Например, замок Вальдау в 1630 году был передан графу Эрнесту Магнусу Дёнхофф под залог бранденбургским курфюрстом Георгом Вильгельмом, о котором мы ранее успели немного рассказать.

Польский полковник Эрнест Магнус Денхофф (1581 – 1642), представитель остзеевского (немецко-балтийского) дворянского рода Денхоффов герба «Вепрь», происходил из Лифляндии. Старший сын воеводы дерптского (Тарту – второй по численности населения город в Эстонии) в 1635 году был назначен каштеляном перновским, а в 1640 году получил должность воеводы перновского (Пярну – эстонский портовый город).

Участник войн Речи Посполитой с Османской империей и Швецией. С 1625 года принял участие в коронной комиссии, созданной для заключения мирного договора между Речью Посполитой и Швецией. Участвовал в заключении Альтмаркского (1629) и Штумсдорфского (1635) перемирия.

В 1633 году Эрнест Магнус Дёнхофф получил от германского императора Фердинанда II Габсбурга титул графа Священной Римской империи. Ему принадлежал замок Вальдау в долине реки Прегель в Восточной Пруссии.

В XVII веке в Восточной Пруссии поселились мужчины из графского рода Дёнхофф. Один из них купил поместье Баартэн, названное в честь графа Ганса Конрада Баара, построившего господский дом, амбар, кирпичное зернохранилище в конце 16 века на приобретённых им землях, но вскоре разорившегося и вынужденного уступить его Фридриху фон Вальдбургу.

Кроме Баартэна, Фридриху из рода Вальдбургов принадлежало 120 га земли, четыре окрестные деревни и имение Кеккштайн. При нём это поместье и стали величать «Фридрихштайн», т.е. «камень Фридриха», ибо фон Вальдбург выстроил настоящий замок. Речь идёт о современных посёлках Каменка, Комсомольск.

У наследника Фридриха фон Вальдбурга и приобретает поместье представитель рода фон Дёнхофф также по имени Фридрих, младший сын вышеупомянутого Эрнеста Магнуса Дёнхоффа и Екатерины из древнего дворянского рода цу Дона, рождённый в 1639 году в замке Вальдау.

В 1666 году граф Фридрих фон Дёнхофф переселился из Польши в Пруссию и стал родоначальником прусской линии рода Денхоффов, женившись в 1664 году на прусской баронессе Элеоноре Екатерине фон Шверин (1646—1696), от брака с которой имел пять сыновей и четыре дочери. Резиденцией графа Фридриха фон Дёнхофф стал замок

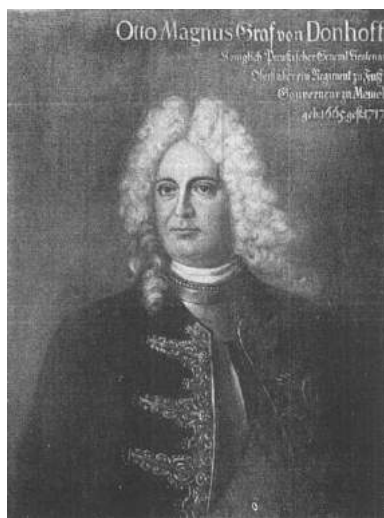
Фридрихштайн в долине реки Прегель, в 20 км от Кёнигсберга, сделав это имение «родовым гнездом», которое затем передавалось наследникам.

Граф сразу же приступил к расширению владений, строительству и благоустройству церкви в Лёвенхагене (посёлок Комсомольск Гвардейского района).

В 1667 году Фридрих фон Денхофф поступил на службу в прусскую армию, получил чин подполковника и коменданта полка, через год был произведен в полковники и стал шефом полка. В 1673 году представлял бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма I Гогенцоллерна на элекционном (созываемый для выборов короля) сейме после смерти польского короля Михаила Корибута Вишневецкого. В 1678 году Фридрих фон Дёнхофф был произведен в генерал-майоры прусской армии и назначен губернатором Клайпеды, в 1688 году стал камер-юнкером, вошел в тайный и военный советы при бранденбургском курфюрсте. В 1692 году граф Фридрих фон Денхофф был назначен комендантом мемельского гарнизона.

Старший сын Фридриха фон Дёнхофф Отто Магнус (1665—1717), прусский генерал-лейтенант и министр, дипломат и военный деятель, в 1696 году после смерти своего отца, Отто Магнус фон Денхофф был назначен губернатором Мемеля, камергером и бригадным генералом, до этого командуя отцовским полком в чине полковника. В 1699 году в качестве прусского посланника и тайного советника отправился в Вену. В декабре того же года был назначен генеральным комиссаром по военным делам. В 1701 году Отто Магнус фон Дёнхофф стал одним из первых кавалеров учрежденного прусского ордена Чёрного орла. Будучи противником первого министра

Пруссии Кольбе фон Вартенберга, прирождённого царедворца, знавшего толк в организации досуга августейших персон и вечно скучавшего придворного окружения, Отто Магнус в 1702 году вынужден был уйти в отставку и удалился от королевского двора. Постоянно проживал в Мемеле, губернатором которого он являлся.

В сентябре 1703 года после отставки первого министра Вартенберга граф Дёнхофф вернулся ко двору и был произведен в генерал-майоры. В январе 1706 году получил чин генерал-лейтенанта. В 1711-1713 годах возглавлял делегацию Пруссии на мирном конгрессе в Утрехте, положивший конец Войне за испанское наследство. В 1715 году участвовал в походе прусской армии на Шведскую Померанию, в результате которого были оккупированы остров Рюген и крепость Штральзунд.

Мужчины в роду Дёнхофф отличались крепким здоровьем, недюжинной силой и редкостной некрасивостью. Богатство и знатность позволяли жениться на красавицах, не уступавших знатностью и «рафинированностью крови», но в тоже время представители Дёнхоффов связывали брачные узы и по закону «родовой чести».

Граф Отто Магнус фон Дёнхофф был дважды женат. Его первой супругой была Мария Елизавета фон Шлибен, умершая в 1698 году.

Семья фон Шлибен считалась одной из самых богатых в Пруссии, владея городами Норденбург и Гердауэн, имениями и деревнями. Члены семьи фон Шлибен передавали имение Трунтлак (исчезнувший господский двор в Правдинском районе) по мужской линии от наследника к наследнику, приумножая и расширяя его. А по женской линии наследовалось имение Тарау (современный посёлок Владимирово Багратионовского района), в течение почти трёх столетий деревней владела фамилия фон Шлибен.

Семья состояла в родственных связях с представителями родов цу Дона, фон Шлобиттен, фон Кайзерлинг, фон Лёндорфф, фон Шлейзвиг-Гольштейн, фон Шверин.

Вторично Отто Магнус женился на Вильгемине Амалии цу Дона (1686—1757), дочери графа Александра цу Дона (1661—1728), ставшего воспитателем первого короля Пруссии, от которого происходит шлобиттенская линия рода, угасшая на внучке Александра, графине Фридерике (1738-86) – прародительнице многих европейских монархов (королей Норвегии, Дании, Греции и Соединенного Королевства).

Один из древнейших родов Саксонии Дона (Dohna), по семейному преданию, владевший местечком Дона и его окрестностями с VIII века, впоследствии обзавёлся имениями на территории современных Польши и Чехии, а с конца XVII века занял одно из виднейших мест при прусском королевском дворе.

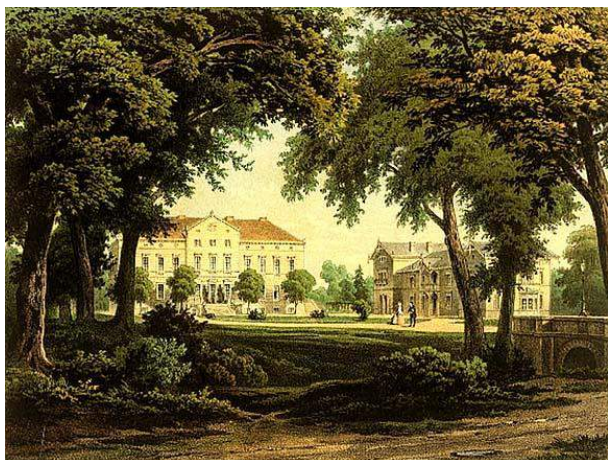
Первые бургграфы Дона документально зафиксированы с середины XII века. В XIV веке род разделился на три ветви, к XVII веку из них продолжала существовать только первая, которая, в свою очередь, распалась на линии Дона-Лаук, Дона-Шлобиттен (владела Слобитами в Вармии), Дона-Шлодиен (владела местечком Гладише близ Ольштына) и Дона-Корвинден (угасла в 1803 году). О кичливости представителей древнейшего рода в Германии ходили легенды. Некоторые из них по древности рода ставили себя выше самих Гогенцоллернов. В 1900 году за заслуги перед прусской короной глава шлобиттенской ветви был наконец удостоен княжеского титула.

На исходе Второй мировой войны усадьбы рода Дона в Восточной Пруссии были подвергнуты разорению и с тех пор не восстанавливались. В их числе и Финкенштейнский дворец, где жил в 1807 году с Марией Валевской император Наполеон и где он подписал с персидскими послами Финкенштейнский договор.

Найдя возможность параллельно находится и в Мемеле и в окрестностях Кёнигсберга, граф Отто Магнус фон Дёнхофф в 1709-14 годах выстроил в имении Фридрихштайн великолепный дворец по барочному проекту Жана де Бодта, французского архитектора барокко, генерала прусской и саксонской армий. Помимо усадьбы Дёнхоффов во Фридрихштайне, Бодт также являлся автором проектов берлинского дворца Подевильса и некоторых деталей Потсдамского городского дворца.

Один из лучших дворцов на землях прусского королевства принадлежал потомкам рода Дёнхофф до 1945 года. Настоящий шедевр, возрождённый на месте сгоревшего дотла в результате сильнейшего пожара, дворец Фридрихштайн стоял на возвышении – величественный, но лёгкий, воздушный, как бы невесомый. А дома для путешественников, гостиницы, жильё для работников, хозяйственные помещения – всё это располагалось подчёркнуто на «нижнем уровне». Так архитектор воплотил идею сословной иерархии, столь любезную сердцу заказчика.

Замок окружали обширные лиственные леса и графские поля, в окрестностях были разбиты французский и природный ландшафтный парки, с искусственными водопадами, гротами и т.д., и т.п. Перед фасадом Фридрихштайна красовались экзотические декоративные деревья в огромных дубовых бочках, стянутых массивными металлическими обручами. В 1750 году в замке появилась мансарда, отделанная в стиле рококо – ещё один архитектурный шедевр,

удачно вписавшийся в ансамбль замка.

Владельцем Фридрихштайна после смерти Отто Магнуса в 1717 году становится его сын, вышедший в 1745 году в отставку полковник пехотного полка, Фридрих фон Дёнхофф. Он расширил владения, осушая с помощью дренажа болота, построил теплицы, где росли южные деревья: ананасы, персики, а также дыни, а в 1751 году была посажена липовая аллея от Фридрихштайну к Лёвенхагену.

Очередным владельцем родового имения Дёнхоффов с 1769 года становится дипломат, статский советник, обермаршал Кристиан Август Людвиг Карл фон Дёнхофф.

В родовом имении Фридрихштайн в возрасте 76 лет завершил свой жизненный путь прусский политик Август Генрих Герман фон Дёнхофф (1797 – 1874), сын прусского полковника графа Августа Фридриха Филиппа фон Денхоффа (1763—1838) и его супруги графини Паулины фон Лендорфф (1776—1813).

Тётка отца София Юлиана Фридрика фон Денхофф (1768 – 1834), состояла в морганатическом браке с королём Пруссии Фридрихом Вильгельмом II.

Графиня София фон Дёнхофф родилась в Восточной Пруссии в имении Байнуннен

(посёлок Ульяновское Озёрского района) с дворцом и парком, издавна принадлежавшего самым богатым семьям в Пруссии Шлибен, затем Лендорфф, потом Дёнхофф, а в 1793 году – Фаренхайд. София была талантливой

пианисткой и певицей, слыла оригиналкой и выглядела молодо. Подобно греческой богине молодости Гебе, София предстаёт прилежной дочерью высокопоставленных родителей и прибывает к прусскому двору в качестве фрейлины королевы Фридрики Луизы. Спустя год, 11 апреля 1790 года во дворце Шарлоттенбург она вступила в морганатический брак с королём Пруссии Фридрихом Вильгельмом.

Вскоре у молодых супругов возникли непримиримые противоречия, и развод состоялся уже в июне 1792 года. Софии не удалось вывести супруга из-под влияния Ганса Рудольфа Бишофвердера и прекратить его отношения с Вильгельминой Энке, прозванной «прусской Помападур». В тоже время король отвергал попытки вмешательства Софии в политические дела. Несмотря на непродолжительный брак, у пары, как у богини, разливающей нектар богам, и её супруга Геракла, родились двое детей. В 1805 году графиня София фон Дёнхофф приобрела поместье Бербаум в современном Хеккельберг-Брунове и посвятила себя сельскому хозяйству. Умерла в своём поместье и была похоронена на местном церковном кладбище.

В 1843 году прусский дипломат Август Генрих Герман фон Денхофф женился на Паулине фон Лендорфф (1823—1889), дочери генерал-лейтенанта прусской армии, героя наполеоновской войны, графа Карла фон Лендорффа.

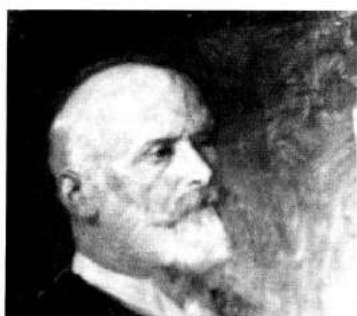
Летом 1850 года Август фон Дёнхофф был избран депутатом Первой палаты. После преобразования Первой палаты в Палату господ получил от короля звание её наследного члена.

Сын политика Август Карл (1845—1920) родился во Франкфурте-на-Майне, однако детство провёл в родовом графском имении Фридрихштайн. Граф Август Карл фон Дёнхофф-Фридрихштайн являлся членом прусской Палаты господ, служил дипломатом. В имении Фридрихштайн родилась его дочь, внучка Августа Германа фон Дёнхоффа, известная журналистка, издатель и шеф-редактор еженедельника «Die Zeit» Марион Дёнхофф (1909 – 2002).

Несмотря на технический прогресс, в имении Фридрихштайн, казалось, по-прежнему сохранялся средневековый феодализм. Крестьяне, работавшие на графа Дёнхофф, были людьми свободными, но ощущали себя «графской собственностью». И очень этим гордились, ибо графский род был НАСТОЯЩИМ, и время от времени давал Восточной Пруссии героев (в честь графа Фридриха фон Дёнхоффа (1639–1696), с

которого началась по линии рода прусская династия и заложено «родовое гнездо» в имении Фридрихштайн, был назван форт №XI оборонительного кольца вокруг Кёнигсберга).

Mein Vater, August Karl Dönhoff, als junger Mann Diplomat, dann Mitglied des Preussischen Herrenbanns und von 1881 bis 1903 auch der Reichstag.

Будущий прусский дипломат и депутат рейхстага Германской империи граф Август Карл фон Дёнхофф приходился родственником монарху кайзеру Вильгельму II. Август вырос в родовом замке Фридрихштайн. По окончании гимназии изучал право в Боннском университете. В 1866 году в чине младшего сержанта полка королевских гусар принял участие в войне против Австрии. В 1868—1870 годах служил в прусском апелляционном суде. В 1870—1871 годах офицер Август Карл фон Дёнхофф — участник Франко-прусской войны.

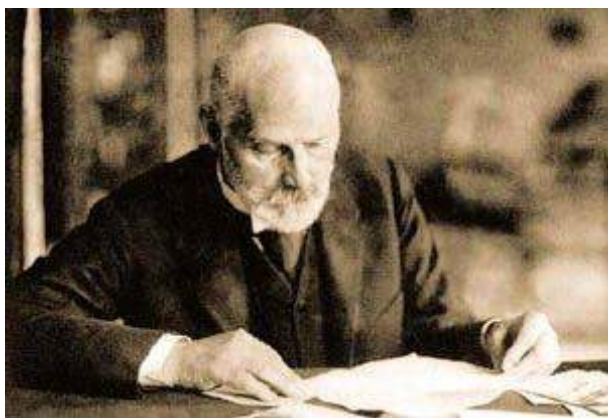
Летом 1871 года был назначен на дипломатическую службу и направлен в посольство в Париж на должность первого советника миссии посольства. Профессия дипломата не привлекала Августа Карла Дёнхофф, поэтому он отказался от неё после десяти лет работы в ведомстве иностранных дел. За время работы его направляли в различные страны. Так, в 1874 году Дёнхофф был на дипломатической службе в России третьим секретарём посольства в Санкт-Петербурге, затем работал в Вене и Лондоне.

В 1878 году Дёнхоффа направили в Вашингтон, где он работал секретарём миссии. В августе 1879 года прусский граф привлекался к урегулированию конфликта после знаменитой резни на White River в качестве посредника между «краснокожими» (индейцами племени Юта) и «бледнолицыми» (представителями правительства США). Здесь ему удалось предотвратить дальнейшее кровопролитие.

Граф Август Карл Дёнхофф часто путешествовал: в 1873 году побывал на Кавказе и юге России, в 1875 году совершил поездки на Кубу, в Мексику, Японию и Китай, в 1881 году посетил Каир.

В 1882 году подал в отставку с дипломатической службы и после смерти отца занял его наследное место в прусской Палате господ. На всеобщих выборах в 1881 году был избран депутатом германского рейхстага, где представлял интересы консерваторов, и являлся заместителем председателя рейхстага.

Граф Август Карл Дёнхофф — один из основателей Немецкой отечественной партии в 1917 году. Националистическая партия Германии была основана в годовщину седанской победы — 1 сентября 1870 года, генерального сражения, закончившегося полным разгромом основных сил французской армии и пленением Наполеона III, которая определила исход франко-прусской войны.

Основатели партии Вольфганг Капп и фон Тирпиц стремились вызвать в германском народе национальное движение, сорвать заключение Компьенского мира 11 ноября 1918 года о прекращении Первой мировой войны, продолжать аннексионистскую внешнюю политику. Немецкая социалистическая партия поддерживала политику Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа, получала финансовую поддержку от Верховного командования германской армии. В июле 1918 года, на пике популярности, в партии состояло 1 250 000 членов, но к сентябрю, членство сократилось до 800 000. Из-за неудач на фронте, популярность партии стремительно падала; согласно полицейским рапортам, подавляющее большинство участников партийных демонстраций приходили не поддерживать партию, а протестовать против неё. Вскоре после ноябрьской революции 1918 года, просуществовав всего 14 месяцев, партия была распущена.

В 1920 году бывшее руководство партии попыталось произвести путч. А Антон Дрекслер, рядовой член отечественной партии, в 1919 году основал Немецкую рабочую партию (нем. Deutsche Arbeiterpartei)— предшественницу НСДАП.

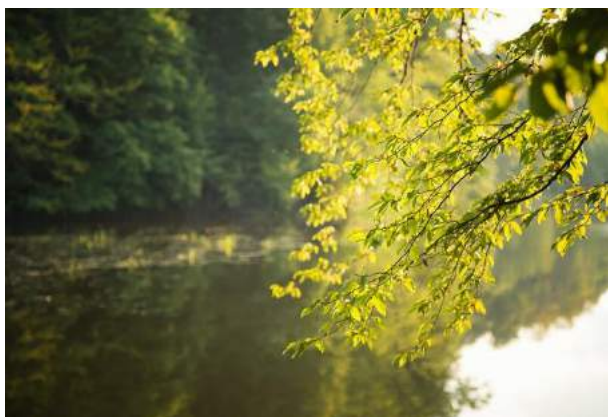
В августе 1896 года граф Август Карл Дёнхофф женился на Рии фон Лепель (1869—1940), придворной даме при последней германской императрице Августе Виктории. Супруга дома сохраняла вкус к строгому этикету кайзеровского двора, требуя от слуг обращаться к ней не иначе как Ваше Превосходительство. В браке у Августа Карла и Рии родилось восемь

детей, среди них дочь Марион Дёнхофф, известная журналистка – одна из самых важных журналистов послевоенного периода Западной Германии – этом качестве она была собеседником ведущих политиков мира. Её слушалась вся Германия, одна из самых влиятельных фигур медиа и общественной жизни, представительница знатнейшего немецкого рода в бог знает каком поколении...

По материалам статей Дины Якшиной и из свободной энциклопедии

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Денгофы>

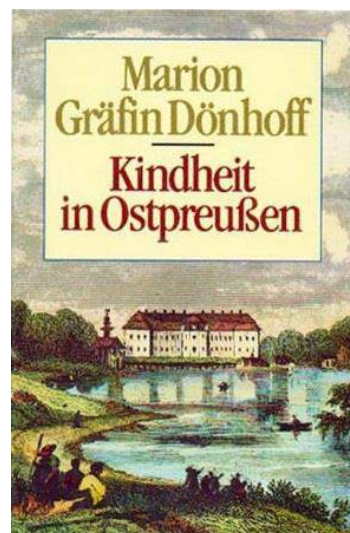
24. Марион Дёнхофф

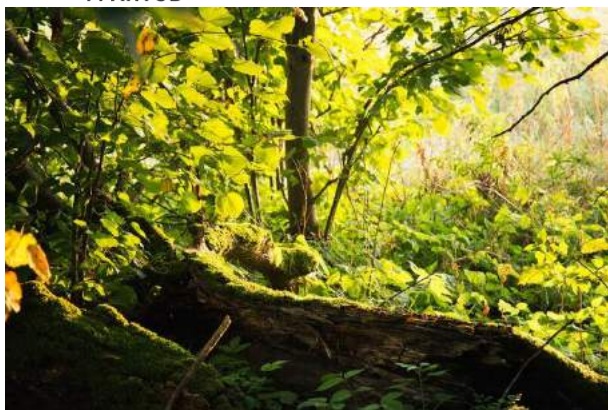

«Ритм года, всегда одинаковый и неизменный, определял нашу жизнь, так что образы времён года глубоко отложились у меня в памяти: весна, избавление от долгой зимы, заявляет о себе, когда вода в озёрах и реках становится прозрачнее, более синей, а тростник как будто светится всеми оттенками жёлтого; когда сильные бури сотрясают старые деревья так, что земля вздрагивает и на сердце становится

тяжко; когда вороны снова собираются на пашне, которая потихоньку покрывается пятнами, потому что влага постепенно высыхает.

Вскоре прилетают чибисы, а потом и скворцы, и аисты. Пройдёт всего лишь несколько дней, и бесконечная зимняя спячка превратится в сияющее весеннее великолепие. Теперь детям нужно вдвое больше времени на дорогу до школы, которая находится в соседней деревне, ведь это так интересно — протапывать канавки, чтобы вода, скопившаяся в глубоких колеях от телег на бесконечных сельских дорогах, стеклась в огромные лужи. Крестьяне чинят свои проржавевшие машины, а вечером в деревнях выходят в палисадники перед домом и задумчиво смотрят на свежевзрыхлённые грядки и первые почки, проклюнувшиеся на ветках кустов.

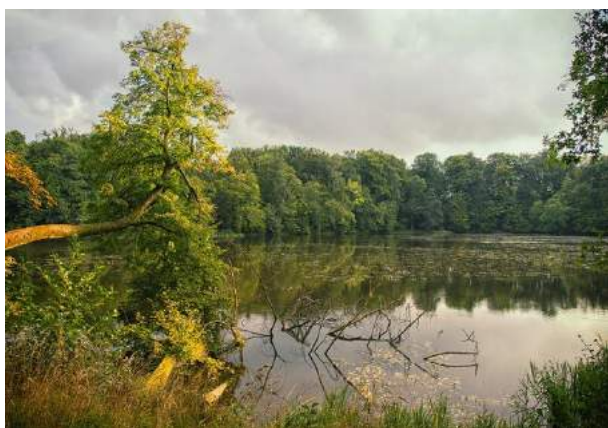

Дни не идут, а как будто летят, а ночи всё короче. Лишь только светлое небо потемнело на западе, как на востоке уже встаёт солнце, отражаясь в утренней росе. И никак невозможно отказаться от этого воспоминания, об этом времени великой страды, когда ветер волнистой рябью бежит над большими полями ржи и ритмично качает их серебристо-зеленоватые колосья и стебли.

Лишь несколько жарких июльских дней: колосья окрасились в золото и выпрямились в струнку, плотные, как щётки, а монотонно тарахтящие косилки всё едут и едут круг за кругом, сбывая их как под машинку.

Во дворах меланхоличное жужжат молотилки, а между конюшнями повис запах пота лошадей, слышно громкое хлопанье кнутов, которыми их погоняют, выгоняют в поля запряжённые четвериком телеги, чтобы подвезти новую погрузку. А когда остаётся жнивье, километры жнивья, по которым можно проскакать галопом, начинается самое великое время года. Тогда обязательно нужно, чтобы в конюшне у вас был тракен, а осенью – чернобурая лошадка.

Тот не пережил настоящей кульминации в жизни, кому незнакома эта эйфория абсолютной свободы и невесомости в седле. Мир у твоих ног, он прекрасен и юн как в первый день сотворения, окрашен в тысячу красок и наполнен бесконечными ароматами. Слышно только постоянное фырканье и стук копыт, тихое шуршание сбруи, то и дело кожу обдувает прохладный ветерок – это тень от старого дуба, стоящего у дороги. Алеют ягоды рябины на фоне пронзительно-синего осеннего неба.

Золото берёз редее с каждым днём, а обгрызенные пастбища выглядят как старый, осыпающийся бархат. Это время, когда лоси на болотах становятся ещё более скрытными и начинается перелёт птиц. Огромными косяками они летят на юг. Аисты, скворцы и мелкая живность уж давно улетели, теперь отправляются в полёт королевские особы птичьего царства: лебеди, журавли и дикие

гуси, которые тянутся, словно жемчужины на нитке ожерелья, вытянувшись в струнку на фоне краснеющего вечернего неба. И подступает к горлу чувство, как будто они забирают с собой всю радость жизни, потому что скоро наступят тоскливые и дождливые недели тьмы.

Дороги становятся всё более бесконечными, упряжки с трудом тащатся по раскисшим полям, на аллеях ветер сбивает в кучи опавшую листву. Ноябрь только начался, а уже приходится зажигать лампы в три часа дня и разводить огонь в камине, чтобы согреть окоченевшие ноги и руки. Лишь приготовления к Рождеству ненадолго вырывают людей из состояния мрачного безразличия.

У деревенских детей каждый день появляются новые пожелания, каким должен быть вертеп, что ставят в приходском доме, по всей деревне пекут бессчётные коврижки и пряники для праздничного стола, кое-где вечерами появляется традиционный "Всадник на белом коне", и в монотонное пение его контрабаса вплетается визг девиц, которых, как обычно, пугают ряженые – медведь, аист и всадник на белом коне».

Перевод Светланы Колбанёвой

Это фрагмент из книги Марион... "Дёнхофф, графиня Марион. Детство в Восточной Пруссии".

Пруссия не отпускала её всю жизнь. Она родилась здесь, провела большую часть жизни, потом уехала, но периодически возвращалась. Пусть не физически, но в воспоминаниях постоянно...

Марион родилась в родовом имении Дёнхоффов Фридрихштайн в семье известного дипломата и придворной дамы при последней германской императрице Августе Виктории 2 декабря 1909 года и была младшей дочерью, но вовсе не была любимчиком.

Schloßpark Friedrichstein, früher und heute.

Sachsenaal

Sachsenaal

SCHLOSS FRIEDRICHSTEIN

Die Kaiserin (links) und Gräfin Dönhoff

Die Kaiserin und Gräfin Dönhoff

Марион с детства отличалась редким умом и силой характера. Она обожала Фридрихштайн. Особенно те из 116 комнат, в которых детям разрешалось играть. Любила она, впрочем, и «ионический зал» с колоннами, где проходили приёмы, и, построенную в середине 18 века, мансарду в стиле рококо...

Но особенно – лес, парки, поля.

В окрестностях замка она носилась на коне, за что в семье её прозвали Артемидой. Впрочем, в седле она держалась по-мужски. И вообще не признавала никаких девичьих ухищрений – кроме, разве что красивой одежды и обуви. Ребёнок рос практически в раю, в деревне, где все друзья — от кучера до привратника, где любимые лошадки, семья, где ни дорог, ни больших перекрёстков...

Im Jahr 1916 verbrachte Feldmarschall von Hindenburg eine Woche Urlaub in Friedrichstein. Meine Mutter und »der Sieger von Tannenberg« vor der Kirche in Löwenhagen.

Воспитывали Марион довольно-таки бессистемно. Родители прочили ей обычное будущее девушки из высшего общества, т.е. блестящую партию. Благо, знатности и богатства роду Дёнхофф и в XX веке хватало – Марион в детстве частенько запросто общалась с кайзером Вильгельмом, а среди гостей замка Фридрихштайн бывали самые именитые аристократы, военные, дипломаты, деятели искусств, учёные... Гобелены, живопись, фарфор...

Марион провела здесь своё детство и юность. Её

привлекали верховая езда,

охота, спорт, автомобили...

Роскошь на публике, аскетизм в быту и благочестие лютеран были стилем большой семьи Дёнхоффов. Добрые отношения у неё сложились лишь с сестрой-инвалидом Марией. До мозга костей прусская девочка постепенно отчуждалась от остальных домочадцев, в знак протеста превращаясь в своенравного сорванца и непоседу, считая благородную чопорность и напыщенный этикет излишними. Она предпочитала проводить время на конюшне, в столярных мастерских или в саду, учиться у конюха ухаживать за лошадьми, у водителя — ремонтировать машины, а у кучера — свистеть в два пальца.

Родители определили её в Берлинский пансион для девочек, где барышням из знатных семейств прививали хорошие манеры, готовя к «образцовому замужеству». Через неделю в пансионе молодая графиня взбунтовалась.

В виде исключения ей разрешено было поступить в Потсдамскую мужскую гимназию, где она была единственной девочкой. И знала математику лучше всех.

В 1928 году, после блестяще сданных экзаменов на аттестат зрелости, Марион решила продолжить образование в университете, но мать не одобрила ее планы.

И только после уговоров старших братьев согласилась, но при условии — прежде Марион должна пройти годовой курс домоводства в швейцарском Самедане. После приобретения обязательных в то время навыков ведения домашнего хозяйства, что не особо ее интересовало, она путешествовала.

Марион Дёнхофф уехала в Швейцарию, затем отправилась в США, после чего — в Африку, к брату, жившему неподалеку от Найроби. Вместе с братом охотилась на диких животных и вообще не боялась ни бога, ни чёрта.

В 1931 году Марион вернулась в Германию, изучала экономику в университете во Франкфурте-на-Майне. В 1933 году, после прихода к власти национал-социалистов, молодая аристократка открыто заявляла о своём неприятии режима. Она срывала со стен плакаты, на которых были перечислены инакомыслящие и преподаватели-евреи, — 90 профессоров и преподавателей были изгнаны из университета.

За свои левые политические взгляды (она активно участвовала в распространении среди студентов коммунистических листовок) именно тогда Марион Дёнхофф и получила прозвище «красная графиня».

Красная, значит, прокоммунистическая. Но это неправда. Марион таковой не была. Она была выше суеты политических течений и разноцветия ярлыков. Она была больше, чем красная. Она была Дёнхофф.

Марион уехала в швейцарский Базель, где начала писать диссертацию по истории хозяйствования в поместье Дёнхофф. Из-за чего ей и пришлось вернуться в Фридрихштайн.

В 1937 году она включилась в управление родовым поместьем и написала работу о собственном родовом имении. Для этого ей достаточно было просто подняться на чердак фамильного замка, самого значительного помещичьего дома из всех подобных объектов в Восточной Пруссии — к её услугам были уникальные вековые архивы семьи.

Любя родину, она не боялась ненавидеть национал-социалистов, захвативших власть. Противостоять им практически невозможно, вся страна скована страхом, опутана слежкой.

Но и внутри Германии действовало собственное Сопротивление, и Дёнхофф была одной из тех, кто не боялся.

Впоследствии она говорила о том, что этот период жизни был для неё самым тяжёлым. Она презирала «коричневых», гордилась тем, что ни один из фашистских бонз НИ РАЗУ не переступил порога её родового замка, но была вынуждена соблюдать осторожность.

«Даже близким людям я не могла открыть свои настоящие мысли», – вспоминала Дёнхофф уже в старости. Вместо откровенности была... скорость. Дёнхофф гоняла на автомобиле со страшным свистом, брала верхом на лошади высоченные барьеры, стреляла в парке из охотничьего ружья по тарелкам, которые специальным устройством подбрасывал в воздух старый слуга...

Чем больше она думала о том, что происходит в стране, тем ясней становилось: Гитлер влечёт Германию в пропасть. В 1944 году Марион Дёнхофф оказалась в кругу заговорщиков, готовивших покушение на Гитлера.

По её собственным словам, подробные планы операции ей не были известны. Хотя она дружила с графом фон Штауффенбергом, пытавшимся убить Гитлера. Полковник Штауффенберг приезжал к ней в поместье, останавливался в замке Фридрихштайн.

Несколько раз Марион ездила в качестве курьера в Швейцарию. А основной её задачей было поддерживать связь между Берлином и Восточной Пруссией. Периодически она навещалась в столицу, встречалась с нужными людьми и передавала информацию.

20 июля 1944 года было совершено покушение на Гитлера. Неудачное. «О мои новые брюки! Я их только что надел!», – воскликнул фюрер, опрокинутый ударной волной от разорвавшейся рядом с ним бомбы.

В течение нескольких следующих недель было казнено около 2.000 заговорщиков, в том числе двоюродный брат Марион – граф фон Лендорфф.

Ей повезло: прямых улик против неё не было, друзья её имени не называли. Марион Дёнхофф допросили в гестапо, но отпустили. Зная о связях графини в Швейцарии и США, нацисты решили, что её арест при данных обстоятельствах принесёт больше вреда, чем пользы (в конце войны они уже задумывались о перспективах).

На фотографии народный суд над участниками покушения на Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года с Роландом Фрейслером в центре.

Как один из 15 участников Ванзейской конференции, Роланд Фрейслер был одним из ответственных лиц в организации Холокоста. С августа 1942 года до его смерти в 1945 года, Фрейслер был президентом пресловутого народного суда, высшего юридического органа нацистского режима по политическим уголовным делам, на счету которого 2 600 смертных приговоров.

Двоюродный брат Марион Дёнхофф Генрих фон Лендорфф народным судом Фрейслера был приговорен к смертной казни и повешен в сентябре 1944 года в возрасте 35 лет в тюрьме Берлин-Плётцензее.

Позже в книге «Ради чести. Воспоминания о друзьях от 20 июля», которую закончила фразой: «Ничего не может быть хуже, чем потерять всех друзей и остаться в одиночестве».

Её лучшими друзьями были кузены Генрих и Сисси Лендорффы из соседнего поместья Штайнорт. Они вместе проводили свободное время на мазурских просторах, вместе занимались с домашними учителями. Марион тогда любила рисовать забавные шаржи на людей, вызывавших у неё интерес. Например, на «чудаковатого холостяка» дядю Кэрола Лендорффа, устраивавшего для своих племянников соревнования по приготовлению еды из яиц чаек...

В августе 1944-го, опасаясь бомбёжек, Дёнхофф договорилась с магистратом Кёнигсберга и перевезла в имение памятник Иммануилу Канту работы Рауха (в 1990-х годах Дёнхофф пришлёт калининградскому поэту Рудольфу Жакмьену схему именина, на которой в парковой зоне между двумя дренажными канавами было указано место, где на временном бетонном постаменте стоял этот памятник). Вроде бы потом этот памятник был закопан, но это едва ли. В конце 1944-го в Германии гестапо свирепствовало со страшной силой: аресту подлежал каждый, кто «усомнился в победе».

А имение отпущенной, но «неблагонадёжной» Дёнхофф наверняка было на шпиговано гестаповскими осведомителями. Так что «прятать имущество» нужно было с чрезвычайной осторожностью – а бронзовый памятник просто так с глаз не скроешь.

В январе 1945-го, когда Красная армия уже подходила к Кёнигсбергу, графиня Дёнхофф оседлала своего любимого коня Алариха и покинула вотчину. С собой она не взяла практически ничего. Преодолев верхом на лошади более 1.000 километров, она добралась до имения графа фон Меттерниха в Вестфалии. Там началась её новая жизнь.

Из Фридрихштайна Марион Дёнхофф уехала навсегда, когда ей было 34.

Она никогда больше не увидит своего родового дома...

Она стала журналистом, затем – редактором и соиздателем самой популярной в Западной Германии газеты «Die Zeit». Единственной немецкой газеты, получившей мировое признание!

«Когда я думаю о лесах и озёрах Восточной Пруссии, то уверена, что они по-прежнему столь же несравненно прекрасны, как и тогда, когда они были моей родиной, – писала графиня Марион Дёнхофф. – Возможно, это и есть высшая форма любви: любить то, чем ты уже не владеешь».

В честь столетия Марион Дёнхофф в 2009 году была выпущена памятная серебряная монета номиналом 10 евро с вырезанной цитатой на краю монеты: «Любить, не владея», из ее книги «Детство в Восточной Пруссии».

«Когда открываешь тяжелые двери, виден большой холл, и над тремя дверями картина, подаренная Фридрихом Великим, где он изображен со своей собакой. Слева и справа два шкафа из Данцига. Средняя дверь ведет в светлый, богато украшенный зимний сад. Когда в доме были знатные гости, все двери открывались, тяжелая дверь в зал и высокая, ведущая на балкон, с которого был великолепный вид на площадку, поросшую густой зеленой травой с живой изгородью. И оттуда начинались две параллельно идущие аллеи, устремленные к зеленым лугам Прегеля. Реакцией посетителей было потрясение: “Прекраснее, чем в Версале”».

Любить то, чего уже нет. Замок Фридрихштайн разделил судьбу сотен других архитектурных шедевров на территории Восточной Пруссии. Ещё в начале 1950-х он был почти целым: не хватало лишь части крыши, оконных и дверных коробок. Понятно, что всё имущество Дёнхофф “разошлось” в качестве военных трофеев. Но... откуда-то пошёл слух, что Фридрихштайн – это

«дача Геринга».

Вероятно, неправильно была переведена надпись «Herrenhaus Friedrichstein», т.е. «Господский дом Фридрихштайн» – “Herren” перевели как “Геринг”. И вот именно в этом, так сказать, «фашистском логове» курсанты Калининградского высшего инженерного училища практиковались в подрывных работах...

В самом конце войны, находясь в поместье друга Альбрехта фон Гёртца в Нижней Саксонии Брункензене, Марион Дёнхофф в соавторстве с Готтфридом фон Краммом (Gottfried von Cramm) – известным немецким теннисистом, подвергшимся преследованиям национал-социалистов, – составила меморандум с перечислением мер, которые следовало бы осуществить западным союзникам. Эти записи привлекли внимание офицера американской разведки Джейса Х. Хэтклиффа-младшего. 19 мая 1945 года, через два дня после разговора, последний отметил, что свидетели Дёнхофф и фон Крамм предлагали свои услуги «всеми способами, которыми они могли быть полезны союзникам».

Зимой 1945/1946 года Марион Дёнхофф вместе с известным в будущем немецким политиком Рихардом фон Вайцеккером (Richard von Weizsäcker) и Акселем фон дем Буше присутствовали на разбирательстве в Нюрнбергском процессе, на котором союзники предстали перед судом по обвинению крупных преступников Юлиуса Штрайхера, Германа Геринга и Иоахима фон Риббентропа.

Как и ее друзья, Дёнхофф считала, что в Нюрнберге следует судить не только за зверства против других народов, но и за преступления, которые виновные совершили против своего собственного народа.

Текст меморандума Марион Дёнхофф дошел до небольшой группы учредителей еженедельной газеты, которые в 1946 году получили лицензию на основание издания от британских оккупационных сил в Гамбурге, и предложили ей сотрудничество, на что графиня дала своё согласие. Её первые две статьи появились в пятом номере еженедельной газеты «Die Zeit» 21 марта 1946 года.

В 1952 году Дёнхофф (в это время она уже возглавляла политический раздел еженедельника) из-за расхождений во мнениях с одним из основателей «Die Zeit», опубликовавшим статью бывшего нацистского правоведа, уехала в Лондон и стала сотрудником газеты «Observer». Через три года она вернулась в «Die Zeit» на свой прежний пост. С 1968 по 1972 годы "графиня", как ее называли в издательстве, заняла должность главного редактора, а после этого стала издателем еженедельника «Die Zeit», ставшего к тому времени одним из самых авторитетных периодических изданий в ФРГ. В 1971 году Дёнхофф за журналистскую и публицистическую деятельность была присуждена Премия мира Союза немецкой книготорговли.

В сентябре 1955 году Дёнхофф в качестве журналистки сопровождала канцлера Германии Конрада Аденауэра (Konrad Adenauer) в его поездке в Москву. Результатами переговоров она была крайне недовольна и упрекала канцлера в уступках. И это несмотря на то, что в ходе трудного диалога была достигнута договоренность об обмене послами и об освобождении последних 10 тысяч немецких военнопленных, находившихся в советских лагерях.

В 1970 году канцлер Германии Вилли Брандт (Willy Brandt) пригласил Дёнхофф вместе Гюнтером Грассом (Günter Grass) и Зигфридом Ленцом (Siegfried Lenz) сопровождать его в поездке в Варшаву для подписания двустороннего договора. За день до отъезда Дёнхофф отказалась от предложения, объяснив это тем, что ей слишком тяжело поднимать бокал на торжествах, окончательно фиксирующих утрату ее родины, Восточной Пруссии. Тем не менее, Дёнхофф активно выступала за нормализацию политических и культурных отношений с Польшей и другими странами Восточной Европы.

На свою родину Марион Дёнхофф попала в 1989 году. Свои впечатления от посещения “родового гнезда” она изложила в очерке, опубликованном в газете «Die Zeit»: *«Спускаемся вниз по ложбине к Фридрихштайну. Взгляд падает на спящее, как всегда, прекрасное озеро, особенно сейчас, когда обступающие его деревья тронуты осенним гляncем. Но то, что видно потом, а скорее не видно – уму непостижимо:*

огромный дворец словно провалился под землю. От него ничего не осталось, ни единой кучи обломков... Исчезли и старая мельница, и большая конюшня. Всё заросло кустарником, крапивой и молодыми деревьями. Из других зданий имения ещё сохранились кучерская, пивоварня и дом птичницы. Высоко над домом висел колокол, которым раньше камергер извещал об обеде. Этот колокол, как и канат, с помощью которого он звонил, исчезли. Но деревянный кожух, защищавший колокол, невредим и висит там – наверху. О, Боже, какой абсурд! Огромный каменный дворец исчез бесследно, но остался бесполезный деревянный ящик...»

Но, несмотря на горькое разочарование, Дёнхофф посетила Калининград ещё раз, в связи с открытием памятника Иммануилу Канту, взятого ею на “сохранение” в сорок четвёртом, который так и не удалось найти. Тогда графиня объявила в Германии сбор средств на изготовление копии памятника. Марион Дёнхофф нашла небольшую гипсовую модель

памятника Канту Христиана Даниэля Рауха, скульптор Харальд Хаак в Берлине по старой миниатюрной модели отлил памятник из бронзы в натуральную величину. На изготовление статуи была собрана сумма более 100 000 марок за счет пожертвований и грантов Марион Дёнхофф. Она резюмировала: «Единственное, что я считаю важным делом в своей жизни, – это реставрация памятника Канту для Кенигсберга».

Графиня Марион Дёнхофф в 1992 году присутствовала во время установки памятника немецкому философу перед уцелевшим университетским корпусом новой Альбертины – ныне корпус БФУ им. Канта. Там, где и стоял до войны.

Марион Дёнхоф умерла в 2002 году.

Незадолго до смерти она написала письмо Авениру Петровичу Овсянову, калининградскому краеведу, одному из первых, кто стал заниматься историей поиска памятника Канта. На то у него были свои причины. В 1957 году молодой курсант Ждановского училища Авенир Овсянов был свидетелем подрыва и разрушения дворца имения Фридрихштайн.

«Судьба экспонатов моего музея до сих пор неизвестна. Мой отец был известный коллекционер <...> В нашем музее Фридрихштайна хранились музыкальные инструменты, декоративное оружие, ковры. В Германию это не удалось вывезти. Судьба ценностей неизвестна. Может быть, они и до сего времени хранятся в тайнике нашего обширного имения...»

Сокровища рода фон Дёнхофф так до сих пор и не обнаружены. Точнее, неизвестна (но вполне предполагаема) их судьба. Которая, впрочем, лично её особенно не волновала. Свои многочисленные премии и гонорары за книги она исправно перечисляла в фонд Marion Donhoff Stistung, который до сих пор поддерживает проекты в области науки, образования, помощи подросткам и культурного обмена с государствами бывшего социалистического лагеря.

В 1996 году Марион Дёнхофф, имея богатый профессиональный опыт и знакомство с традициями просвещённых умов, основала Общество «Новая среда» – частное объединение деятелей политики, науки и культуры, которые регулярно встречались в ее доме в Гамбурге-Бланкенезе. Независимо от текущих событий или партийной принадлежности участники Общества обсуждали важнейшие в долгосрочной перспективе темы.

Таким образом, Дёнхофф продолжила традицию «Общества среды» – Mittwochsgesellschaft – это краткое название берлинского «свободного общества научных развлечений», которое было основано в Берлине в XIX веке и распущено только после 20 июля 1944 года. Все 16 (максимум 17) членов Общества были признаны выдающимися экспертами в своей области и занимали особые позиции в общественной жизни. Общество среды собиралось каждую вторую среду с 1863 по 1944 годы для свободного научного обсуждения в частном порядке. Назначенный хозяин вечера, член общества "Среда", должен был сначала прочитать лекцию из своей области знаний, прежде чем начнется общая беседа, а также позаботиться и о комфорте всех участников встречи. Никаких дискуссий о политике. Докладчик должен был внести запись о своем выступлении в черный журнал, который вел секретарь.

С момента основания, Общество принимало «людей самых разных направлений и мировоззрений».

Целью этих встреч было расширение кругозора вне сферы конкретной деятельности участников, выявление связей, которые теряются в повседневной работе, и ценностей, выходящих за рамки модных текущих тенденций, и в то же время воплощение результатов и выводов по итогам встреч в повседневную практику. Вновь созданном Обществе, помимо многих видных деятелей, состояли экс-канцлер ФРГ и соредатор

еженедельника «Die Zeit» с 1983 года до своей смерти в 2015 году Гельмут Шмидт и экс-президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер.

В 1988 году из средств, полученных в качестве премий и гонораров за свои многочисленные книги, Марион Дёнхофф основала фонд, который содействует развитию дружеских отношений между немцами и гражданами Восточной Европы, способствует обеспечению мира и оказывает финансовую поддержку восточноевропейским студентам и ученым.

Программа графини Дёнхофф даёт возможность молодым талантливым журналистам из стран Восточной Европы составить своё представление о политике, экономике, культуре и общественной жизни Германии.

Им предоставляется уникальная возможность познакомиться со стандартами и принципами немецкой журналистики, поработав в редакции одной из известных газет. В 2003 году Фонд учредил премию в 20 тысяч евро, которая присуждается личностям, способствующим международному взаимопониманию. Премией имени Марион Дёнхофф в 2010 году «За международное взаимопонимание и примирение» был удостоен экс-президент СССР Михаил Горбачев.

Именем Марион Дёнхофф названы: 9 школ – 8 в Германии и одна в Польше; один из корпусов крупнейшего Европейского университета Виадрины во Франкфурте-на-Одере, основанный в 1992 году и способствующий немецко-польскому обмену между студентами; и открытый в 1992 году астероид под номером 11075.

«Любое человеческое общество обречено на гибель, если оно не способно выработать минимальный этический консенсус»,

– заповедь Марион Дёнхофф.

В 2016 году калининградский архитектор Артур Сарниц (Arthur Sarnitz) по заказу Института Гердера (Herder-Institut) создал 3D-визуализацию утраченного в послевоенные годы имения Фридрихштайн, нынешний посёлок Каменка. Проект включал в себя моделирование главного здания (дворца) и еще более десяти объектов, находившихся в радиусе 100 м от него.

Источники: статьи Светланы Колбанёвой и Александра Адерикина «Просто Марион: история графини фон Дёнхофф, родившейся в Кёнигсберге и любившей Калининград»
<https://klops.ru/articles/2019-12-03/204775-prosto-marion-istoriya-grafini-fon-dyonhoff-rodivsheysya-v-kyonigsberge-i-lyubivshey-kaliningrad>

Натали Раченковой «Марион Дёнхофф: «Любить, не обладая»
<https://visitprussia.com/people/marion/>

Дины Яксиной https://old.rudnikov.com/article.php?ELEMENT_ID=20996

«Усадьба Фридрихштайн (Schloss Friedrichstein)»
<https://wink-in-blues.livejournal.com/217136.html>

и свободной энциклопедии Википедия
https://de.wikipedia.org/wiki/Marion_Gr%C3%A4fin_D%C3%B6nhoff

25. Кирха в посёлке Зеленополье

Завершая работу на территории Гурьевского района, проект «История. Люди. Память» задержался возле руин кирхи, имеющей с 2007 года статус объекта культурного наследия регионального значения по решению Правительства Калининградской области.

Руины, к огромному сожалению, стремительно тают на глазах, но и даже в таком состоянии привлекают внимание путешественников по юго-восточной части нашей области. В 8 км от Калининграда вдоль дороги на Правдинск расположился посёлок Зеленополье. Пожалуй, единственное, что «цепляет» в посёлке, так это мозаичное панно, которое, на удивление проезжающих, сохранило палитру цветовых оттенков.

Что это за панно? О чём? И что особенного в этом мозаичном узоре?

По окончании Первой мировой войны, повсеместно каждый церковный приход в Восточной Пруссии в 1920-х годах устанавливал памятные знаки прихожанам, погибшим в годы Великой войны. Напомним, что именно на территории Калининградской области происходили военные действия между немецкими и российскими войсками в 1914–1915 годах. Русская армия Её Величества перешла границу в августе 1914 года и продвинулась в глубь провинции.

Памятные знаки прихожанам у церковных стен зачастую представляли собой огромные валуны и выбитые на них даты. Валуны были оформлены гранитными плитами с именами погибших. В архитектурном плане эти композиции являлись оригинальными

и служили местом проведения мероприятий в поселениях.

Любопытное по своему решению и несколько поясняющее содержание сохранившегося мозаичного панно в Зеленополье увековечивание имён можно обнаружить в городе Неман. В 1924 году широко известный в провинции немецкий скульптор Герман Брахерт в своей работе у стен Партийного Дома в Рагните художественно отразил смысл изречения, нанесённого на обратной стороне плиты из искусственного камня – «Полные сил и жизни мужчины погибли в огне сражения. Был этот посев напрасен?»

В 1920-х годах на восточной стене кирхи Борхерсдорф был создан памятник прихожанам, погибшим в годы Первой мировой войны, в виде мемориальной плиты с именами и мозаичного панно. У многих сюжет мозаики вызывает споры, однако, это типичный образец политагитки тех времён, выполненный в понятных обывателю знаках и символах: поле, зёрна, сеятель, пробивающийся росток. Ничего нового. Новые плоды получаем на основе старых. Только засеять нужно. Сеятель – народ, семена – люди, почва – Отечество, погибшие – общая память... Образ сеятеля был весьма популярен в то время.

Панно является изобразительным дополнением к памятной плите, находящейся ниже надписи, которая гласит: «Они погибли за своё Отечество в Великой войне 1914-1918». Здесь же имена и фамилии солдат уроженцев Борхерсдорфа, погибших на полях Первой Мировой, а также названия населённых пунктов, относящихся к этому приходу.

Бытует мнение, что изготовление панно профинансировал Август Карл Дёнхофф, чье родовое имение Фридрихштайн находилось неподалёку. Что же касается панно, ценность его не в содержании изображённого, а в нём самом. Подобного рода работы – речь идёт о технике исполнения и материале – на территории нашей области нет. Мозаичное панно выполнено из смальты на чудом сохранившемся фрагменте стены размером 3,0 на 2,3 м. Да, мозаика уцелела. Похоже, она и удержала кирпичи. За почти сто лет цвета панно не поблели.

Простое здание церкви, руины которой мы наблюдаем в Зеленополье, было построено по распоряжению короля Фридриха Вильгельма I в 1735 году, и оно являлось копией церкви в Вустерхаузене под Берлином. Здание обветшало за 70 лет, и вновь было реконструировано к 1814 году.

В феврале 1807 года возле Борхерсдорфа произошла стычка, которую главнокомандующий русской армии Леонтий Беннигсен определил, как «делающая большую

честь отряду Сумского гусарского полка и казакам, а также бывшим во главе их офицерам». 1 февраля 1807 года атаман Матвей Иванович Платов получил донесение о движении большого французского отряда из-за Фришинга (река Похладная). Легендарный атаман приказал усилить пост возле Борхерсдорфа восьмью эскадронами сумских гусар под командованием Николая Александровича Ушакова и двумя полками казаков Даниила Родионовича Андропова и Василия Алексеевича Сысоева.

Чрезвычайно пересечённая местность серьёзно затруднила бы действия кавалерии. Поэтому русские офицеры сочли необходимым отступить за деревню в открытое поле. Скоро показались колонны французской кавалерии. Русские атаковали их с такой стремительностью и неустрашимостью, что не только опрокинули, но и обратили в бегство. Казаки и гусары преследовали неприятеля до переправы через Фришинг. Французам потери обошлись убитыми и ранеными в 400 человек, кроме того, противник потерял 10 офицеров и 167 рядовых кавалеристов, взятых русскими в плен.

Известно, что в церкви висели два колокола. Меньший из двух церковных колоколов из Борхерсдорфа, весом 7,5 центнеров, пережил военное время на колокольном кладбище в Гамбурге и с 1952 года звучит вместе с меньшим колоколом 1706 года из Силезского Турхайма, в новом здании протестантской церкви Христа в Тростберге в Верхней Баварии. Покровительницей церкви в

Борхерсдорфе была святая Екатерина, и даже сегодня на краю уцелевшего колокола в готических минускулах можно прочесть просьбу о том, чтобы святая помогла верующим попасть на небо. Именно строчное письмо на колоколе помогло определить, что в Тростберге слышен голос из Борхерсдорфа.

Сохранился ещё серебряный кувшин для причастия из Борхерсдорфа. После войны он оказался в берлинском антикварном книжном магазине и попал к графине Марион Дёнхофф, поскольку на кувшине была выгравирована ее фамилия. Графиня Дёнхофф отметила, что ее бабушка пожертвовала этот кувшин церкви в Борхерсдорфе в благодарность за возвращение невредимым ее старшего сына из кругосветного путешествия. Марион предоставила реликвию в распоряжение бывшим жителям Самланда. Они были очень тронуты, когда в 1996 году кувшин использовался во время богослужения в церкви города Швайхельн близ Хидденхаузена по случаю заседания землячества.

Во время боёв в 1945 году у кирхи был разрушен шпиль, а артиллерийским огнем повреждена южная стена. В советское время кирхе в чём-то подфартило – её использовали как склад. Назначению вполне соответствовала настенная мозаика в виде сеятеля, идущего по полю и кидающего зёрна. Ещё в 1992 году над церковным нефом частично возвышалась массивная черепичная крыша.

Но к 1995 году кирху перестали использовать – с развалом сельского хозяйства склад стал не нужен.

В 1999 году рухнула большая часть восточной стены.

В 2000-х годах у кирхи обрушилась крыша, после чего здание стало быстро разрушаться.

На весну 2012 года остались остовы стен, с восточной стороны стена на две трети отсутствует, нет крыши, больше половины шпиля башни утрачено.

Кирха продолжает разрушаться.

Восемь лет назад в 2013 году в Зеленополье протянули межпоселковый газопровод и проложили его прямо у стен исторического наследия... после чего разрушение кирхи усугубилось...

В последние два года у руин церкви в Зеленополье волонтеры проводят субботники, стараясь подчеркнуть эстетическую красоту руин... Однако больше в этом посёлке ничего не происходит... Хотя – нет. Всё также напротив кирхи останавливаются туристические автобусы, задерживая своё внимание на сеятеле...

По материалам сайтов <https://ostpreussen.net>
и <https://forum-kenig.ru>

Наших гостей из России удивляет рунированное состояние замков на территории нашей области. Приводят в пример Литву, Белоруссию и ту же самую Польшу, где замки находятся в изумительном состоянии. Это довольно сложный и болезненный вопрос для нашего региона и не только для Калининградской области. На территории Российской Федерации во времена тотального безбожия времён СССР были уничтожены тысячи и тысячи объектов культового назначения – храмы, монастыри, погосты... В угоду идеологии были разрушены целые архитектурные ансамбли бывших дворянских поместий, усадеб, памятников, монументов и так далее.

Не избежала этой участи и территория бывшей Восточной Пруссии.

И если в послевоенное время это можно было как-то объяснить, то в нынешнее время уничтожение памятников архитектуры, объяснению не поддаётся.

Процесс идёт по принципу: нет строения – нет проблем. Забывая, что сохранение исторического наследия – дело государственной важности. Архитектура, мемориалы, памятники – это культурологический фундамент страны. Это отношение государства к своей истории.

Архитектура орденского периода, сосредоточенная на территории Калининградской области – историческое наследие всей страны, а не только нашего эксклава.

**Работа подготовлена
координатором Проекта «История. Люди. Память» – Эммой Басовой.**